

Геннадий КАЛИЕВ

**ЗАТЕРЯННЫЕ
СЛЕДЫ
АРТАМАКА**

Геннадий КАЛИЕВ

**ЗАТЕРЯННЫЕ
СЛЕДЫ
АРТАМАКА**

Издание второе

Астрахань
2019

ББК 63.3(2Рос-4Аст)6ю14
К172

Калиев Г.Г.
К172 **ЗАТЕРЯННЫЕ СЛЕДЫ АРГАМАКА.** – Астрахань :
ГП АО «Издательско-полиграфический комплекс “Волга”»,
2019. – 160 с., 2 цв. ил.

ISBN 978-5-98066-232-5

ББК 63.3(2Рос-4Аст)6ю14

ББК 63.3(2Рос-4Аст)6ю14
ISBN 978-5-98066-232-5

© Г.Г. Калиев, 2019
© ГП АО ИПК «Волга», 2019

пвступь АРТАМАКА

Быстрого, красивого, резвого скакуна чистых кровей в прежние времена называли аргамакон. Это благородное животное нередко встречается в древнем эпосе разных народов, но особенно часто – в эпосе азиатских народов тюркского происхождения.

Утренняя заря занималась, но солнце еще не взошло, когда четверо всадников круто повернули в сторону кладбища, которое располагалось на небольшом возвышении и издали казалось сказочным лабиринтом. Всадники, сойдя с коней, направились к тяжелым железным воротам. Часть надгробных плит была не похожа на остальные. Казахи и вообще тюркские народы уделяют особое внимание ограждениям на могилах своих сородичей. Преклонив колена, спешившиеся всадники сели позади аулие Губайдуллы, прочитали молитву, а затем, оседлав коней, продолжили путь.

Когда-то огромные территории Центральной Азии населяли казахские племена, разделенные на три жуза. Объединение народов, создание коллективных поселений имело огромное значение в те далекие времена. Еще Абылай-хан, могущественный правитель, признанный всеми жузами, уделял большое внимание объединению улусов, волостей. Тогда на территории этих земель располагалось несколько ханств, удельных владений. Одной из главных целей хана Абылая было объединение Великого, Среднего и Малого жузов, ведь на их территориях жили племенные союзы казахов, говорящих на одном языке, имеющих общие обычаи и обряды. Это ему удалось. Абылай-хан, прогрессивно мыслящий человек, радеющий о своем народе, со своим войском из Великого жуза, занимавшего восточные территории ханства, двигался по землям Среднего и Малого жузов, действовал очень умело, строя единое государство.

Статный молодой Абылай на своем аргамаке в сопровождении храбрых воинов, оберегавших хана, заметил вдали кладбище. Недалеко от кладбища находилось небольшое саманное строение. Увидев этот мазар, Абылай-хан приказал всадникам сойти с коней, совершить молитву. Путники, остановившиеся здесь на стоянку, нищие, нашедшие убежище в мазаре, узнав хана, падали перед ним ниц, приветствуя его. Поодаль располагались другие строения.

Но мазар выделялся среди них. Абылай приказал своим слугам накормить, напоить нищих, после чего они вместе совершили коллективную молитву. Абылай-хан, читая молитву, просил Всевышнего сохранить, возвысить его народ, дать сил ему, чтобы убедить других ханов объединиться. Он верил, что только в объединении казахов заключается сила его народа, не должно быть границ между жузами.

Аулие Губайдулла видел в деяниях хана Абылая хотя и робкую, но благородную поступь аргамака, ведь он делал всё для того, чтобы объединить народ, не допустить войн.

Мчалось время, проходили события за событиями. Аулие Губайдулла был свидетелем становления советской власти, образования коллективных хозяйств, создания мощного, могучего государства из пятнадцати республик, в душе всегда радовался за каждый народ, входящий в великий Союз, всегда повторял, как это правильно, что нет границ между народами. «В союзе, содружестве братских народов мы непобедимы!» – восклицал в душе Губайдулла. Но, я думаю, он предвидел и опасался того, что произошло в 1991 году. Он всегда повторял, что нужно укреплять дружбу, а не сеять рознь, раздор между людьми, только в коллективе, только среди людей человек может себя полностью реализовать, ведь не зря гласит пословица: «Один в поле не воин». Опасения аулие Губайдуллы оказались оправданны. Затерялись в веках следы Его Величества Аргамака. Что-то хорошее несла каждая государственная формация. Дай Бог, чтобы современные государственные деятели почерпнули лучшее из опыта своих предшественников и народ помнил, что основы нравственности, заложенные старшим поколением, непреложны.

Пришпорив коней, всадники поскакали к высокой, изрезанной серпантином горе под названием Карагоз Йалаган. Это была поездка прощания с атамекен. Через два года аулие Губайдуллы не стало. Мы, потомки аулие Губайдуллы, просим Всевышнего: пусть же отыщутся затерянные следы Его Величества Аргамака – символа золотого времени, вернутся добрые времена.

ЕВПРАКСИЯ

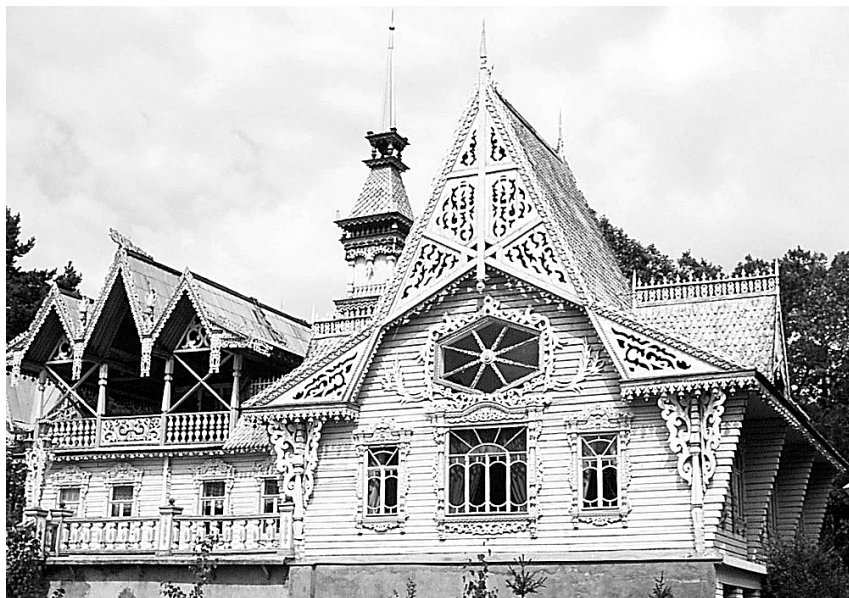
Часть I

Деревянная Астрахань привлекала своим изяществом, поражала искусством мастеров, которые творили истинные чудеса. Астрахань деревянная была шедевром деревянного зодчества. Особенно красивые барские дома стояли по улицам Эспланадной, Крепостной, по улице кремля. Эти улицы в основном заселяли купцы первой гильдии, которые владели рыбными и ремесленными промыслами (в частности, изготовляли калачи, которые славились по всей России, так же как рыбные блюда, ведь тогда Астрахань считалась самым богатым рыбным краем). Величественный белокаменный кремль возвышался над окрестностями, путешествуя по Волге казалось издали, что это сказочный белоснежный город, раскинувшийся посреди водной глади.

Евпраксия – статная, красивая петербурженка, имевшая на руках специальный императорский указ о том, что ей выделялись земли близ Астрахани, – готовилась осмотреть пожалованные ей территории. Своенравная, кокетливая молодая женщина собрала свои многочисленные наряды, прислуга уложила баулы, ведь Евпраксия намеревалась провести всё лето в новом поместье. Кучера уже снаряжали повозки, чтобы отвезти хозяйку в ее владения.

В это время вблизи Астрахани для молодой госпожи строился роскошный двухэтажный деревянный дом с флигелем. Тогда построить дом из дерева, богато украшенный замысловатой ажурной резьбой, было престижно для всех купцов, заселявших эти территории. Рядом с флигелем был высажен молодой сад, где росли яблоны, вишни, черешни, много цветов. Это удивительной красоты место недаром впоследствии стали называть местом госпожи, барским местом.

Земли, которые выделили Евпраксии, располагались недалеко от города: следовало ехать от улицы Эспланадной по булыжной Астрахани к Паробичеву бугру, а дальше – по грунтовой дороге вдоль небольшой речки Кутум до красивейшего места под названием Водяновка. Это местечко, как утверждают старожилы, названо в честь маленькой речушки, протекающей здесь. Эта неглубокая, подобная

ручейку река огибала бугор, который прозвали позже Шишкин-бугром, и выходила на другую маленькую речку, впадавшую в Прямую Болду. Ныне местные жители называют это место Евпраксино в честь прежней хозяйки этих мест – красивой молодой женщины Евпраксии.

Двуконка (повозка, в которую впрягались два коня) госпожи Евпраксии продвигалась вдоль Кутума. Сверху повозка была сооружена вроде кареты, чтобы назойливые мухи и комары не надоедали пассажиру. Госпожа, красиво наряженная, уже подъезжала к своим землям. Кутум-речка направляла эту повозку, дорога тянулась параллельно реке. Повозка приближалась к речушке Водяновке: нужно было поворачивать на запад (а Кутум течет дальше), далее вдоль бугра выходить на эту маленькую ручей-речку Водяновку, через которую повозки просто переезжали, вода не доходила до оси колеса. У каждой повозки под дугой находился колокольчик: бубенчик звенел и предупреждал о приближении повозки. Местные жители были в основном старожилы: большие династии Тихоновых, Лебедевых, Бабушкиных. Их маленькие домики располагались вдоль реки.

Когда она разливалась весной, вода подходила к каждому дому, а на разливах сами по себе выросли топольки, белолиственницы – они укрепляли и украшали берег реки Водяновки.

Повозка брэнчала бубенчиком, подъезжая к маленькой сельской церкви, находившейся на краю деревушки в две улицы, на каждой улице стояло по десятку домов. Молодая госпожа приказала остановить повозку, вышла, подняла вуаль и, перекрестившись, вошла в церковь. Это было деревянное маленькое сооружение – никто не знал, когда оно было построено. У входа, в пояс поклонившись, ее встретил старичок дьячок. Внутри пахло воском и лампадным маслом. Госпожа помолилась пред иконами, поставила свечу и что-то положила на кафедру, затем повернулась и вышла.

У церкви уже собралось несколько человек, они были бедно одеты, видно по всему – крестьяне. Люди поклонились госпоже в пояс, она положила им на ладони пяточки, те поблагодарили ее, и между ними завязался разговор о том, какие здешние места, давно ли они здесь живут. Хозяйка поблагодарила этих людей за то, что встретили ее у церкви, и обратилась к дьяку:

– А что это за домик рядом?

– Это сельская школа. Прасковья Ивановна там учит детей. Сейчас, наверно, идет урок, – живо отозвался дьячок.

Госпожа Евпраксия жестом руки указала слугам, чтобы повозка шла дальше по дороге, а сама в сопровождении тучного мужчины, приехавшего вместе с ней, направилась к школе. Школа представляла собой обыкновенный деревенский деревянный домик, под окном росли небольшие деревца, огороженные невысоким деревянным забором со старенькой калиткой, оторванная нижняя петля которой монотонно скрипела. Госпожа, открыв калитку, ступила на территорию школы. У порога стоял школьный истопник, он поклонился и, заметив, что лапти у него на ногах слабо завязаны, извинился. Госпожа спросила:

– Можно ли войти в школу?

Истопник охотно открыл дверь. Войдя, Евпраксия оказалась в комнате, где сидели на лавках с десяток детей, в руках они держали книжки. Учитель объясняла урок.

– Здравствуйте, Прасковья Ивановна, – поздоровалась Евпраксия.

Учительница была обрадована тем, что госпожа знает ее имя и так вежливо к ней обратилась.

– Ну, рассказывайте, как вы учите детей, что нужно школе, какие у вас дети, что они знают, – поинтересовалась Евпраксия.

Учительница торопливо стала рассказывать, что школа небольшая, нужны дровишки, кое-где нужно подкрасить, подпорку помянуть. Госпожа кивнула мужчине, который ее сопровождал, чтобы тот всё записал.

Ученики тем временем внимательно слушали, как госпожа и учительница разговаривают, и вдруг госпожа сказала:

– Ребята, меня зовут госпожа Евпраксия. Я буду часто заходить к вам в школу, помогать. Вы ведь живете здесь рядом?

– Да, рядом, – ответили дети.

– Ну-ка, расскажи, кто ты такой? – ласково обратилась Евпраксия к одному из учеников.

– Я – Тихонов, – отвечал высокий мальчик, – мой батька здесь работает. Мамка печет дома, наверно.

– Хорошо ли ты учишься? Умеешь ли считать? – спросила Евпраксия.

Мальчик начал считать, Евпраксия похвалила его. Другой мальчик, поднявшись, говорит:

– Я – Лебедев. Моя мама – Луша. Мы живем недалеко. Мама на кулесе по Кутумке повезла в город молоко на продажу.

– Как на кулесе? Это же далеко!

– На кулесе, на веслах. Мамка через день ездит, возит молоко или что другое.

Так ученики друг за дружкой рассказали госпоже, кто они такие, кто их родители. Познакомившись со всеми ребятами, госпожа поблагодарила учителя и детей, вышла из школы и направилась вдоль по улочке. А сопровождали ее те же местные жители в зипунах да лаптях. По обе стороны улицы располагались дома – наполовину деревянные, наполовину камышовые, с камышовыми крышами; где-то виднелись повалившийся забор, распахнутая покосившаяся калитка, а где – красивый отремонтированный дворик – чувствовалось, что там живет добрый хозяин. Госпожа всюду осматривалась, интересовалась: «А здесь кто живет? А там?», хвалила: «Молодцы,

улица ваша чистенькая». Так госпожа Евпраксия в сопровождении людей подошла к своему особняку. Тут один из мужиков говорит:

– Госпожа дорогая, дай вам Бог здоровья, пусть Господь вам поможет, чтобы в этом доме вам жилось очень счастливо. Мы вас будем любить, и вы нас не обижайте.

Около флигеля суетились многочисленные слуги, по всему было видно, что прислуга готовилась к встрече госпожи. Госпожа поздоровалась со всеми, поклонилась: «Здравствуйте, добрые люди. Дай Бог вам счастья. Будем жить-поживать вместе. Спасибо вам за встречу». С этими словами госпожа Евпраксия поднялась по лестнице красивого деревянного двухэтажного дома, который по истечении многих лет еще долго стоял как символ царствования госпожи Евпраксии на этой земле. А сад с каждым годом разрастался, давал много плодов, мальчишки лазили туда воровать яблоки.

Бог знает, как раньше называлось село, стоявшее в отдалении, через бугор. Хилые домики, покосившиеся ставни говорили о том, что там жил не очень работающий народ. Эти домики принадлежали людям, которые с верховьев Волги – из Тамбовской, Самарской, Нижегородской губерний – приехали в Астрахань в поисках лучшей жизни. Они были наслышаны о том, что в этом рыбном краю можно прожить, с голоду не помрешь. И вот они обосновались в этих местах. А село еще не имело названия.

Тем временем госпожа Евпраксия обживала новый дом. Новое деревянное здание пахло смолой, благородными сортами дерева. Очень вкусные ароматы витали в воздухе, повара готовили разные блюда для хозяйки, с повозок вытаскивали утварь, резную мебель, сундуки – работа в доме кипела. Все бегали, суетились, делая каждый свое дело.

Евпраксия подошла к реке. Вода тихо журчала, на берегу стояли куласики. Она села в один из них, чтобы покататься, и велела тучному мужчине грести на веслах. А деревенские ребята бежали вдоль берега, показывали, как надо грести на куласе, как пользоваться удочкой, как ставить сети. Молодая хозяйка Евпраксия хохотала, своими красивыми ручками обрызгивала мальчишек водой, а они уворачивались и убегали. Всю округу оглашал звонкий смех Евпраксии, как горный ручей звенел ее голос. Так продолжалось долго, солнце уже клонилось к закату. Кулас стал возвращаться

обратно; когда лодка причалила, взявшись за руку тучного мужчины, Евпраксия сошла на берег. Госпожа была рада встрече в своих владениях; довольная тем, что видела, что узнала, она шла к своему дому. А там деревенские девочки окружили ее хороводом, пели песни. Она повелела вынести для них пирожки и разные угощения, ребяташки охотно угощались и благодарили ее. Попрошавшись с ребятами и поблагодарив их в ответ за хоровод, Евпраксия удалилась к себе.

Быстро летели погожие летние деньки, согревая теплыми солнечными лучами стены нового дома, наполняя душу молодой госпожи радостью и светом. Бывали в доме и заезжие гости из Астрахани, из столицы. Жизнь шла полным ходом.

Тихая речушка Кутум скромно впадала в русло широкой, полноводной Прямой Болды, на которой располагались рыбные промыслы госпожи Евпраксии. На этой реке стояли села с такими затейливыми названиями, как Шумная, Василиска, Веселая Грива. Их появление связано с развитием рыбных промыслов. На промыслах работали люди, бежавшие от голода, холода с верховьев Волги – из Нижнего Новгорода, Самары, Казани. Шло народозаселение этих краев Астраханской губернии – владений молодой, изящной хохотушки Евпраксии.

Часть II

Ласковое июньское утро. Солнечные лучи вкрадчиво заглядывали в спальные апартаменты, где нежилась госпожа. Начинался новый день молодой хозяйки.

Известный волокита астраханский купец первой гильдии Владимир с самого утра добивался аудиенции госпожи Евпраксии. Слуги доложили о прибытии гостя, и Евпраксия, накинув халат, приведя себя в порядок, вышла ему навстречу. Она бодро спустилась по красивой деревянной лестнице и поздоровалась с гостем, тонкий стан молодой госпожи был замечен из-под легко охватывавшего ее тело халата. Купец Владимир украдкой вглядывался в образ госпожи, стыдливо изучал ее конституцию, чего, однако, не могла не заметить внимательная Евпраксия. Несколько возмутил хозяйку столь любопытный взгляд гостя. Оставив его одного, она

удалилась, пообещав скоро вернуться. Владимир осматривал дом, изучал каждый элемент этого шедевра, любовался, интересовался у слуг, кто строил дом, во что он обошелся, где доставали материалы; не скрывая своего восхищения, он повторял, что для такой красивой особы этот дом является украшением. Наконец Евпраксия вновь появилась на лестнице. Легкий июньский ветерок слегка развевал кончики ее роскошных густых кос и слегка приподнимал подол длинного, до пят, платья, открывая взору Владимира красивые стройные ноги молодой хозяйки. Однозвучно прозвенел бубенчик приближающейся повозки. Это собирались гости, намечалось что-то особенное.

Остров между Прямой Болдой и рукавом Воложкой был очень живописным. Небольшие куласики подвозили нарядных, изящно одетых дам в шляпках, слуги аккуратно, внимательно везли своих подопечных к небольшой пристани, где другие слуги, взяв за нежные ручки этих дам, помогали им сойти на причал, а дамы залиvistо смеялись, хохотали, визжали. Двое-трое мальчишек подготавливали места на берегу островка, чтобы гости могли полюбоваться рыбной ловлей, приготавливали удочки с удилищами, в банках были червячки для наживки.

Вот показались два небольших куласика, на веслах сидели два нарядно одетых парня. На куласиках были установлены тенты, чтобы хозяйка могла спастись от солнечных лучей. На острове около приспособленной пристани во фраке расхаживал с букетом роз в руках молодой купец Владимир, дожидаясь внимания хозяйки этих мест. Куласики причалили к красиво украшенной, удобной, с деревянными скамейками пристани. Молодая хозяйка осторожно подала руку слугам, и тут как тут оказался Владимир. Почувствовав нежный, легкий, загадочный аромат духов, доносившийся до него, Владимир вдруг растерялся и чуть не сделал то, чего так желало его сердце, – чуть было не обнял молодую госпожу, хотя это не полагалось по этикету. Он вручил букет госпоже, поцеловал ручку и сопроводил ее к массе людей, которые ждали ее для открытия важного мероприятия, а именно – представления этого небольшого островка как главного места отдыха для гостей хозяйки – важных, именитых лиц, купцов первой гильдии, гостей из Петербурга. Играла оркестровая музыка, молодые дамы со своими кавалерами грациозно кружились в вальсе. Для танцев соорудили деревянный подиум

размером примерно двадцать на двадцать метров, отделанный изящными узорами, множеством резных украшений из дерева. Купец Владимир с нетерпением ждал уединения, любясь хотя бы в отдалении обликом молодой хозяйки. В это время подошел тот самый тучный мужчина с аккуратно подстриженными усами, постоянно сопровождавший госпожу, и пригласил на рыбалку. Купец смело подошел к Евпраксии, и вместе они направились к берегу, чтобы посмотреть, как на удочку ловят рыбу. Владимир, желая показать, что он умелый рыболлов, сам насадил червя на крючок, взял удилище, закинул его в воду, а ручку удилища держал рядом с красивой маленькой ручкой молодой хозяйки, и это ему казалось большим достижением этого дня. Поплавки удилища затонули, не стали ждать, Владимир приподнял удилище, и из воды вынырнул подлещик, сверкая своей серебряной чешуей. Слуги показывали рыбу восхищенным гостям, а купец снова закинул удочку, и снова вскоре из воды вынырнула большая рыба. Это убеждало еще раз в том, что хозяйка располагает крупным рыбным богатством в низовье Волги.

Солнце садилось, гости начали расходиться, куласики отходили от пристани и везли пассажиров в сторону красивого двухэтажного дома госпожи Евпраксии. Гости сходили на берег, а здесь их ждали брички с бубенчиками, готовые отвезти господ в Астрахань. Причалил к берегу и куласик Евпраксии, купец Владимир помог ей выйти. Дом хозяйки очаровал всех гостей, которые в этот день были здесь. Они любовались его отделкой, искусным убранством: дом строили на деревянных гвоздях, без краски, отшлифованные лестничные марши ослепляли глаза, когда солнце отражалось в них, – гости находили особняк совершенно неповторимым. Горничная торопилась к хозяйке, приглашая на вечернюю трапезу, и вся свита вошла в красивый домик, чтобы скушать всё, что было подготовлено поварами.

В сладостных воспоминаниях о молодой госпоже в своем фэ-тоне ехал купец Владимир, ему не терпелось вновь ее увидеть. Это было нечто восторженное, чего жаждала его душа.

В стороне протяжно промычала корова, слышалось блеяние овец, окрики их хозяев. Это было время, когда местные жители занимались своим скотным двором, загоняли животных в катухи, доили коров, кормили птиц. Петухи на задворках пропели вечернюю программу, на западе вспыхнула румяная вечерняя заря. Госпожа

в сопровождении женщин собиралась в церковь для совершения вечерней молитвы. Молодые люди неспешно прогуливались по улочкам, пели народные песни, звучала гармоника, слышался детский смех. У порога встретил госпожу тот же говорливый дьячок, Евпраксия долго молилась, прося Господа о милосердии, мире, благополучии, просила, чтобы люди были добрыми, зерна – крупными, жизнь чтобы была хорошей. На обратном пути то там, то здесь Евпраксию приветствовали местные жители, около домов стояли женщины, мужики, ожидая хотя бы минутной встречи с этой доброй, понравившейся им хозяйкой. Евпраксия разговаривала с людьми, просила у них совета. Вместе с ними молилась Господу, говорили о сокровенном. Душа ее была преисполнена надежды, она думала о том, что эти люди, которые работали на земле, – добрые, красивые, умные – могут переделать мир в лучшую сторону, растут у них красивые дети, которые будут хозяевами этих земель, это ее радовало и успокаивало. Тучный мужчина с красивыми усами, как могучий орел охранявший Евпраксию, шел по улице в поисках хозяйки и, встретив ее на середине улицы этой небольшой деревушки, сопровождал к дому. То там, то тут были слышны девичьи голоса, красивый, веселый смех девушек, говор детворы, где-то в стороне, в углу сада, горел костер. Что бы это означало? Евпраксия вместе с женщинами и тучным мужчиной приближалась к этому костру. Здесь сидели молодые люди, увидев госпожу, они поднялись, поздоровались и пригласили к огоньку. Посадили ее на самый красивый пенек. Там было с десяток пеньков-скамеечек, разукрашенных в разные цвета. Евпраксия попросила ребят спеть, они охотно отозвались. Зазвучали старые песни. «Ты гори, гори, моя лучина. Догорю с тобою я», – протянул басистый голос молодого парня. Евпраксия вспоминала Петербург, своих родителей, которые были важными вельможами; песни, которые пробуждали чувство любви к родному краю, заставляя вращаться корнями, как дерево, в эту землю; родное имение в Новгородской области, таких же добрых людей, как эти астраханские девушки и юноши. Было уже поздно. Госпожа Евпраксия поблагодарила ребят, обняла девушку, очень похожую на ее сестренку, подарила ей свой вышитый платочек и, попрощавшись, ушла домой. Долго она не могла уснуть, думала, вспоминала, намечала свои добрые планы. Уже далеко за полночь она заснула. Ей снились красивые сны.

Люди строили догадки о родстве Евпраксии с Федором Матвеевичем Апраксиным, славным человеком, сподвижником Петра Великого, вместе с которым они создавали русский флот, строили корабли, волоком их тащили и на катках в северные моря. Некоторые старики поговаривали, что Евпраксия – имя старой женщины, которая ведала древними тайнами, и что имя это сулит молодой госпоже много несчастья. Тем не менее люди по-своему полюбили новую хозяйку.

Часть III

Как говорят в народе, летний день год кормит. Поэтому трудовой люд поднимался с зарей, поправлял свои хозяйственные дела и отправлялся на поля хозяйки, чтобы собирать урожай, пасти скот, ловить рыбу. Дел было очень много. Недалеко от Кутума, на участке Шелудивом, раскинулось большое поле, где выращивали кормовые культуры для скота. Это был один из лучших участков, где по поручению хозяйки главным был Тихон – родоначальник династии Тихоновых, потомок переселенцев из Нижнего Новгорода, которые когда-то бежали в поисках работы в Астрахань да и обосновались здесь большой семьей.

На берегу Малой Воложки стояло примитивное строение из камыша, оно служило убежищем от дождя и солнца для тех, кто работал в поле, рядом стояла стойка для хранения кос. Приближалась горячая пора, когда эти косы могли сразу же пойти в дело. Поле поспевало, мужики уже справлялись с другими хозяйственными делами, и Тихон со своей бригадой готовились к покосу.

Покос в этих краях считался делом важным, готовились к нему заранее. Бывалые старинные пятидюймовые косы ждали своего часа. К пуповине каждой косы привязывался брусок, для того чтобы ее подтачивать, лезвия с годами стали узкими, потому что служили эти косы уже много лет, их отбивали на больших, массивных железных плитах старики-умельцы, которые могли прямо вывести лезвие, без всяких искривлений. Во всей деревне Водяновке таких мужиков было два-три, и те друг на друга поглядывали, делали замечания, что, мол, по-другому надо отбивать. Молодежь старалась обучиться этому ремеслу. По окончании сенокосной поры косы раз-

бирали, смазывали, вместе с длинной ручкой-шестом с пуповиной оборачивали тканью и подвязывали вверх, чтобы ребятишки не трогали. И косы ждали следующего покоса.

Тихон в кирзовых сапогах, чтобы не намочить ноги в росе, прошелся в сопровождении двух сгорбленных мужиков в изношенных до дыр соломенных шляпах по полю, чтобы посмотреть, с какого конца начинать покос. А в это время жена его Агафья мастерила у котла, готовила поутру завтрак, вкусно пахло в их времянке овсяной кашей, чаем с молоком. Агафья торопилась накрыть на стол, чтобы накормить мужиков, ведь после этого они начнут заниматься покосом.

Вдали показались два всадника: тучный господин на пегом скакуне, а рядом дама на белом коне. Приблизившись к жилищу, всадники осадили коней и спешили. Агафья обратила внимание на богатую сбрую белого коня: седло обтянуто дорогой кожей, а стремена, казалось, сделаны из чистого серебра.

– Здравствуйте, мир этому дому, – произнесла гостя.

Женщина была одета в легкое одеяние: темные брюки и жакет, белую нежную блузу, голову прикрывала шляпа с короткими полями и сеткой, защищавшей от комара и мошки, а на ногах – начищенные до блеска хромовые сапоги. Агафья, узнав в гостье Евпраксию, которую встречала в день ее приезда около маленькой церквушки, улыбнулась:

– Мир и вам, хозяйюшка.

В это время Тихон с двумя сгорбленными мужиками возвращались с осмотра места покоса.

– Гости дорогие, милости просим, пожалуйста к нашему столу, разделите с нами нашу скромную трапезу, – пригласил гостей Тихон, поклонившись в пояс.

Госпожа Евпраксия стала помогать Агафье накрывать на стол, помогла достать с полок чашки, ложки, в это время Агафья принесла в большой кастрюле кашу, и госпожа попросила разрешения разложить кашу по плошкам.

– Не утруждайтесь, хозяйка, я сама справлюсь, – сказала Агафья. Но Евпраксия настаивала и при этом, улыбаясь, говорила:

– Агафья, какое у вас красивое имя.

Со словами «Мужики, садитесь» она подала кашу и взяла единственную деревянную ложку, тогда как все остальные ложки были железными. Евпраксия, смеясь, сказала:

– Дядя Тихон, давайте я возьму деревянную ложку. Можно мне деревянной ложкой кушать?

Тихон, заметив расположение хозяйки, тоже посмеивался:

– Хозяюшка, берите что вам угодно, всё к вашим услугам.

За столом Евпраксия расспрашивала Тихона об урожае, когда мужики собираются начать покос, сколько человек будет, успеют ли до дождей, как будут стоговать, куда стаскивать. Она рассуждала так, будто много лет занималась этим хозяйским делом. Расспрашивала Евпраксия и про домашние дела, про ребятишек, не надо ли им чего, ведь скоро в школу. Тихон застенчиво хмурился, не смел просить у хозяйки, видя ее в первый раз.

Пожелав удачи Тихону, Агафье и двум сгорбленным мужикам, Евпраксия села на коня. Тихон отметил про себя, как она лихо справляется с норовистым конем, гляди-ка, как резво его оседлала, как держит поводья, обратил внимание на то, как она вытащила нагайку из-за голенища и стегнула коня. И два всадника ускакали в сторону усадьбы.

На усадьбе слуги не заметили, как хозяйка вернулась, глядь, два коня на привязи у стойки. Вдруг с верхнего этажа послышалась фортепианная музыка. Сочинения Прокофьева? Или произведения Баха? Значит, играет хозяйка. Горничные забежали, засуетились оттого, что стол к обеду еще не накрыт, а хозяйка уже дома. А музыка всё звучала. Чудесные мелодии Баха, Шопена, Дворжака заполняли все уголки усадьбы. Мне как-то посчастливилось по чистой случайности слышать такое великолепие. Так играет только человек, который действительно наделен музыкальным талантом.

После обеда на усадьбе появились разодетые мужики, расположились в беседке недалеко от флигеля – намечалось какое-то собрание. Евпраксия и тот тучный мужчина с аккуратными усиками тоже подошли к беседке. Разговор пошел о том, как организовать жизнь, работу, деятельность усадьбы. Как организовать работу больших участков, которые тянулись далеко за Веселой Гривой. Евпраксия сразу наметила, что на Прямой Болде расположатся четыре-пять

рыбачьих бригад, тони, будут притонение делать, здесь будет ловиться рыба, ведь рыба-то есть. Евпраксия будет поставлять в Петербург и другие большие города России астраханскую рыбу, другую продукцию. Получив задания, согласившись с предложениями Евпраксии, эти деловые мужчины быстро разъехались – кто на повозке, кто на фаэтоне, о чем известило брэнчание бубенчиков под дугой.

Агаша, маленькая дочка распорядительницы усадьбы Акулины, быстро подбежала к хозяйке, стала помогать ей поливать розы, которые росли вокруг этого красивого особняка. Евпраксия звонко смеялась, ее смех был похож на ручей, который благонаравно, уступчиво давал свою чистую воду доброму человеку. Ее смех располагал любого, даже самого закоснелого невежу. Налаживалось дело в имении, вовремя был собран урожай, заготовлен сенаж, скотина была определена по местам расположения. О чем мечтала Евпраксия, осуществилось: рыбацкие бригады были созданы, тони работали, рыба уже отправлялась в Петербург и другие города. В Астрахани заговорили о молодой госпоже, появились и конкуренты. На усадьбе приближенные к госпоже Евпраксии люди добросовестно отозвались своим трудом на доброе отношение этой милостивой хозяйки.

Часть IV

Уже сентябрь на исходе, небо хмурилось. Нет-нет да и польет дождик. На усадьбе готовились к сбору яблок и других фруктов. Поздно поспевающая айва и та стала желтеть. Сама природа этой красивой богоугодной усадьбы благоухала. Стояли прекрасные дни осени. Но приближалось время отъезда хозяйки в Петербург. Это было заметно по всему. Домашние госпожи собирали вещи, соленья, которые успели заготовить, они должны были быть отправлены в Петербург, чтобы родители и близкие Евпраксии могли попробовать астраханские разносолы, готовилась и Евпраксия к отъезду. Последнее время госпожа ходила грустная, но всё-таки улыбалась, играла на фортепиано. Нарочитые аккорды Шопена, Дворжака говорили о том, какое у нее настроение. Ее одолевала грусть, тоска по летним погожим денькам в Астрахани, дням пребывания на усадьбе в Водяновке.

Серый день октября извещал о том, что хозяйшка уезжает в Петербург. Вдали послышался звон бубенчиков, это скакали кони за госпожой, чтобы увезти Евпраксию в Петербург с ее приятными воспоминаниями о доброй земле астраханской. Из-за поворота показался фэтон купца Владимира, он тоже ехал провожать милостивую хозяйку. Бог знает, смог ли он объясниться ей в своих чувствах.

Усадьба готовилась провожать хозяйку, красивый двухэтажный домик с флигелем стоял хмурый и невеселый. А около усадьбы собирались и старики, и детвора, весь народ, каждый хотел попрощаться с Евпраксией, сказать ей напоследок доброе слово. По деревянной, красиво инкрустированной, блестящей лестнице спускалась хозяйка, просто одетая. Она улыбалась, но в ее улыбке было что-то печальное. Что-то она, видимо, оставляла в этих краях. Может, не хотела уезжать. Было видно, что она грустила.

Сойдя с лестницы, она улыбнулась и сказала:

– Милые люди, спасибо вам за проводы. Пусть Господь поможет вам пребывать в благонравии и доброте. Пусть будет всё хорошо. Прощайте, до следующего моего приезда.

Старики, молодые женщины запросто подходили к хозяйшке, обнимали. Казалось, что она на равных духовно воспринимала этих простых людей. Для детворы, окружившей добрую госпожу, она приказала вынести с десятков корзин с булками, бубликами, сладостями.

– Миленькие мои, берите-берите, угощайтесь, не стесняйтесь. Я привезу вам еще сладости из Петербурга, – приговаривала Евпраксия.

Распорядительница усадьбы Акулина всплакнула, дочка ее Агаша ни на шаг не отходила от хозяйки, держала ее за руку. Вся толпа людей вслед за госпожой шла одной улицей к краю села, где располагалась небольшая церквушка. Маленький сгорбленный дьячок стоял у порога церкви, встречая хозяйку. Перешагнув порог церкви, она подошла к иконам, гладила их рукой, ставила свечки, стояла тихо и шептала молитву. Молилась она за добрую эту землю, которая располагалась недалеко от Астрахани, за добрых людей, которые здесь жили, молилась за мир, который должен сохраняться.

Благодарила Господа за то, что существует на земле добро. Ведь добро, как известно, порождает добро. Тихо повернувшись, перекрестившись, она вышла из церкви.

Тройка коней покатила в Астрахань. За тройкой ехали две повозки с чемоданами. А люди, стар и млад, ручкой махали, прощались, провожали свою госпожу, женщины потихонечку утирали платочком слезы. Это было хмурое утро октября.

Экипаж, качаясь из стороны в сторону, плелся по колдобинам и ухабам, по размытой дождями дороге, которая тянулась вдоль реки Кутум, впадающей в Болду. Подол легкого платья Евпраксии развевался от ветерка, проникавшего внутрь повозки. Управляющий, сопровождавший хозяйку до Астрахани, не сводил с нее завоженного взгляда. Евпраксия была обаятельна, изящна, прекрасно сложена, получила блестящее европейское образование, имела превосходные манеры, несколько лет, проведенных в Париже, научили ее элегантно одеваться, следить за собой, что позволяло ей без труда завоевывать сердца кавалеров. Она всегда была окружена толпой поклонников.

Евпраксия была наполнена добрыми воспоминаниями. Она размышляла о днях, проведенных в имении в Водяновке, вспоминала, как каталась по небольшой речушке на лодке с нехитрым приспособлением, защищавшим от жгучих прямых лучей астраханского солнца, вспоминала рыбалку с купцом Владимиром, доброе к ней отношение жителей Водяновки. Перед ее мысленным взором представляли милые лица деревенских людей: учительницы, которая рассказывала Евпраксии об истории этого маленького поселения, доброго, приветливого дьячка, девушек и парней, вместе с которыми они играли в народные игры, любовались красивой природой, с которыми она могла почувствовать себя не госпожой, а обычной молодой девушкой. Незаметно она задремала. Ей снилась деревянная церквушка, маленькая школа, в которой учились местные дети, украшенный искусной резьбой флигель, чудился неповторимый аромат яблонь, вишни, акации в ее саду, свежий запах дерева и тихий скрип деревянной лестницы. Это были счастливые для нее дни.

Время было за полдень, когда повозки приблизились к Астрахани.

«А может быть, остаться еще на несколько недель?» – подумала Евпраксия. Тут ямщик прикрикнул на коней:

– А ну, давай! Астрахань уже видна, въезжаем! Давай рысцой!

Часть V

Знатные вельможи столицы знали, что Евпраксия имеет богатые рыбные угодья в Астрахани, а потому с нетерпением ждали ее возвращения с астраханскими дарами – воблой и красной рыбой.

Столица встречала Евпраксию шумными балами, красивыми пейзажами, театры – интересными постановками, музыканты – изящными выступлениями. Но всё это казалось ей теперь чуждым. Она жила воспоминаниями о волшебных, драгоценных днях, проведенных в имении. Узнав о том, что Евпраксия возвращается в Петербург, ее супруг тоже поспешил в столицу. Он был рад, что эти дни они проведут вместе. Но, встретив ее после долгой разлуки, заметил в ней что-то особенное. Он присматривался. Евпраксия, знатная, властная, своенравная молодая женщина, имевшая вес в обществе, всегда выказывала перед знатью и крестьянами свое превосходство. Муж ее, уроженец Нижнего Новгорода, выходец из бедняков, который своим талантом добился признания, как никто был близок к народу. В прежние дни его тревожило такое поведение Евпраксии. Много раз в корректной форме он пытался объяснить ей, что все люди равны, ко всем необходимо относиться одинаково, простой народ – такие же люди, как и знать. Но не находил понимания. Поэтому перемены в ее характере и поведении его весьма удивляли. Евпраксия была проста в обращении с ним, своими слугами, гостями. Она перестала увлекаться балами, пышными торжествами, в ней что-то происходило, преломлялось в доброе. Его это радовало, он прижимал Евпраксию к груди, обнимал, много раз целовал и долго держал в своих объятиях. Он заметил и другое, в ней происходило что-то еще таинственное. Не было прежних жгучих любовных страстей, пылких объятий, пламенных признаний. Она просто, нежно обнимала мужа, ласково, любовно целовала, и в этих поцелуях было нечто новое.

Шли дни за днями. Однообразные столичные будни сменялись одни другими. Муж Евпраксии вновь уехал в Италию на стажировку.

ровку, а она просиживала ночи над своими письмами, записями об Астрахани. Конечно, она получала послания и от купца Владимира. В своих воспоминаниях она очень много добрых слов посвятила тем людям, которые жили в ее имении. Она подчеркивала, что в Астрахани живут люди особенные, не избалованные, как в столице, занятые каждодневными обыденными хлопотами. Она верила, что таланты будут рождаться на астраханской земле, таланты будут выходить из той маленькой школенки, из-под крыла сельской учительницы Прасковьи Ивановны.

Фрукты и рыба, которые были присланы госпоже из имения, пользовались особым успехом среди гостей Евпраксии. В ее гостиной на тяжелом дубовом столе стояла большая, инкрустированная умельцами ваза, привезенная из Франции. В ней всегда лежали спелые яблоки, которые отличались неповторимым запахом и вкусом, сочные вишни, черешня, виноград. Когда Евпраксия угощала гостей, она приговаривала, что это всё астраханское. И, поучая испорченную бездельем знать, добавляла, что там люди умеют работать, знают свое дело.

Осень заморосила дождем. Серые дни столицы приводили в уныние, навевали тяжелые мысли, наводили тоску на молодую женщину. Но добрые семена воспоминаний порой оживляли Евпраксию, возвращали радостное настроение. Тогда она брала лист бумаги и начинала строчить письмо и сельскому дьячку, и сельской учительнице Прасковье Ивановне, благодаря за то, какой добрый запас энергии она получила от поездки в Астрахань.

Евпраксия ложилась поздно и каждый вечер что-то себе намечала. Писала письма управляющему, распоряжаясь, чтобы тот заготавливал лес, материалы. Она планировала построить много красивых деревянных домов в Водяновке, чтобы в них жили люди, чтобы ее имение было самым красивым в Астраханской губернии. Планировала построить большую каменную церковь, школу с просторными классами, готовила план озеленения усадьбы в Водяновке, она горела желанием вложить средства, для того чтобы превратить этот край в цветущий сад. Чтобы он пробуждал в душе добрые чувства и воспоминания.

Купец Владимир, бывавший в столице, навещал Евпраксию,

намереваясь признаться ей в своих чувствах, но что-то удерживало его. Он любовался изяществом и красотой внешнего облика и внутреннего мира Евпраксии, удивляясь, как столь хрупкая женщина может быть рачительной хозяйкой русских земель, и всё рассуждал, достоин ли он сердца этой знатной представительницы известного дворянского рода. Не хватало смелости у купца Владимира просить руки и сердца Евпраксии. А она ждала, что он всё-таки осмелится что-то сказать.

Она часто гуляла пешком по улицам Петербурга. Часто бродила по тем местам, где было много зелени, – по паркам, скверам, дышала воздухом столицы, и ей грезилось, будто это воздух ее усадьбы, она представляла свой сад в Водяновке, представляла, как молодые девушки и парни прячутся, играя в прятки, и думала: «Побыть бы мне сейчас с ними».

В один из поздних вечеров Евпраксия, прогулявшись по парку, возвращалась домой, ощущая прилив бодрости и энергии. Когда она зашла в дом, служанка доложила, что пришло письмо из Франции. Оказалось, что оно было от Жюльана, француза, который патронировал Евпраксию, когда та училась во Франции в течение нескольких лет. Он обучал ее французским манерам, высокому искусству, музыкальной грамотности. Годы, проведенные во Франции, навсегда запомнились Евпраксии. В письме Жюльан приглашал ее на зимние вечера в Париже. Прочитав письмо, написанное на французском языке, Евпраксия приказала служанке подать бумагу и чернила, для того чтобы тотчас написать ответ. Она взяла в руки перо, а перед ее мысленным взором возникали образы Елисейских полей, Монмартра и парижской оперы, уютных французских ресторанов, в которых музыканты исполняли лиричные наигрыши на аккордеоне. Она торопилась написать письмо и скорее его отправить, чтобы Жюльан узнал, что есть удивительные места и в России. Она увлеченно писала о том, что провела лето в своем имении на юге страны, в Астраханской губернии. Писала про маленькую деревушку, свой новый особняк, про астраханскую воблю, красную рыбу, икру, яблоневые сады, а главное – про тех людей, которые окружали ее в то лето. Она хотела передать на бумаге всё, что было у нее на душе. Письмо она закончила далеко за полночь.

Часть VI

Париж. Первая половина двадцатого века. Жюльан и Евпраксия любят сказочным городским пейзажем с Эйфелевой башни. Намечены каждодневные поездки по знаменитым местам французской столицы, Евпраксия полна впечатлений от парижских дней, но в голове постоянно мелькают мысли о далекой астраханской деревушке. Евпраксия приглашает Жюльана посетить Астрахань, уверяет его, что он не пожалеет, потому как побывать в тех краях, пообщаться с людьми, живущими там, – это большое счастье.

Жюльан много лет питал нежные чувства к Евпраксии и не раз говорил ей слова любви на французском языке, но она объясняла, что недостойна его, ведь он – известная личность во Франции, а она всего лишь Евпраксия, простая дворянка из России. Он же убеждал ее в обратном. И в этот раз – Евпраксия не ошиблась – состоялся тот же разговор. Но она снова отказалась принять его предложение, объяснив, что время покажет, что она недостойна его имени. Он в свою очередь уверял, что она – та самая женщина, которая должна делить славу и почет вместе с ним.

* * *

Евпраксия возвращалась дилижансом в Россию. Это был 1915 год. Время тревог, больших волнений, Россия переживала трудный период. Шла Первая мировая война.

Господин Жюльан провожал Евпраксию до российской границы, здесь, на границе, произошло их расставание. Жюльан был действительно порядочным человеком, он в самом деле очень любил Евпраксию. Он был рядом все те годы, пока Евпраксия училась во Франции, и до сих пор его чувства к ней были сильны. Евпраксия тоже симпатизировала Жюльану, а может, и любила его. Но что-то сдерживало ее решиться на этот шаг. На границе они прощались. Встреча всегда окрыляет людей, доставляет радость, а разлука – трудная штука. Тяжело разлучались Евпраксия и Жюльан. Он не скрывал слез, обнимая, целуя ее лоб, щеки, глаза. Евпраксия была признательна ему за всё, что он для нее сделал, всем сердцем она стремилась выразить ему свою благодарность и сохранить в душе воспоминания об их светлых, чистых чувствах.

– Ты, Жюль, и я понимаем всё. У меня есть муж. Время покажет, рассудит нас. Приедешь в Россию, я покажу тебе свое имение, там, может, что-нибудь решится, – говорила она.

Жюль плакал, обнимал ее, целовал ее руки, она тоже не могла сдерживать слез. Это была любовь, которой не суждено было состояться. Дилижанс Евпраксии, минуя границу России, всё отдалялся. Жюль махал вслед рукой, прощаясь с возлюбленной. Скребло на сердце и у Евпраксии, слезы текли по ее щекам долгое время, пока из виду не исчезла фигура Жюльана.

Евпраксия возвращалась в столицу, а там происходили бурные события. Россия проигрывала войну. А революционеры уже готовили грядущий переворот. Государство стояло на пороге больших потрясений.

Прислуга встречала хозяйку у порога особняка, где собралось множество людей, которые знали о возвращении Евпраксии из Франции, они шумели, веселились, но почему-то ко всему этому Евпраксия была холодна и не выражала радости, она возвращалась задумчивая, встревоженная чем-то. Это заметили люди, которые встречали ее у особняка. Слуги заносили чемоданы, Евпраксия, поздоровавшись со всеми и поблагодарив за теплую встречу, удалилась в дом. Евпраксия все эти дни никого не принимала, обособилась, объясняя это тем, что ей нездоровится. Она тяжело переживала разлуку, так же как и Жюльан. Он вскоре заболел, в течение двух недель боролся с хворью. На душе у Евпраксии было беспокойно, она как будто ждала тревожных вестей. И вот в один из зимних дней пришло письмо из Франции, где подданные Жюльана извещали о том, что его больше нет. Евпраксия впала в траур. Этот человек сыграл значительную роль в ее жизни, занимал особое место в ее сердце. Всё валилось из рук, она забросила свои планы по благоустройству имения, ходила отрешенная, не понимала, что происходит вокруг. Не понимала, как вынести боль утраты. Это были самые тяжелые дни в ее жизни.

А тем временем из имения Евпраксии в столичные лавки продолжали поступать и рыба – красная, соленая, вяленая, свежая, и фрукты, и овощи, зерно. Ее подданные в Астраханской губернии не подводили свою госпожу. Столица лакомилась продуктами из имения Евпраксии.

Часть VII

Станционный смотритель приказывал своим подчиненным запрячь свежих лошадей в экипаж госпожи Евпраксии, которая следовала из Петербурга в Астраханскую губернию. Преисполненная надежд и добрых планов, она была на пути в свое имение.

Экономка Агафья давала распоряжения девушкам готовить особняк к приезду госпожи, так как управляющий уже известил о том, что госпожа Евпраксия вот-вот должна прибыть в Астрахань, а оттуда последует в свое имение. Люди суетились, Агафья громким голосом давала указания девушкам делать то, другое, третье, парням – подготавливать дрова для отопления особняка. Рыбопромышленник Агабабов, арендовавший тони на территории имения Евпраксии, тоже суетился, чтобы госпожа по приезде не сделала замечаний. Всё имение готовилось к встрече госпожи.

Лукерья Федоровна на кулесе возвращалась по Кутуму с ярмарки, где продавала молоко, покупала продукты, и, свернув на Водяновку, уже причаливала к берегу напротив своего домика. Мальчишки помогали Лукерье Федоровне донести до дома мешки с продуктами, пустые бидончики. Она их наставляла:

– Мальчишки, не шалите, сегодня госпожа приедет. Она уже в Астрахани, говорят. Так что смотрите, ведите себя хорошо.

Это было начало осени 1917 года. Евпраксия возвращалась в свое поместье, чтобы осуществить те планы по благоустройству имения, которые она наметила. Экипаж, в котором ехала Евпраксия, катился по дороге вдоль Кутума в сторону Водяновки. Хозяйка была воодушевлена, торопилась встретиться со своими подданными, друзьями, теми, кто не подводил все эти годы свою госпожу, подарить им подарки, которые она везла из столицы. Карета с двумя белогривыми лошадьми в упряжке с бубенчиком под дугой неслась по столбовой дороге. Настроение было хорошим, ямщик припевал песню. Ветерок уже не развеивал ее легкое платье, она была одета в длинный теплый дорожный костюм. Бубенчик, который был слышен уже за рекой, извещал, что госпожа Евпраксия приближается к своим владениям. Мальчишки гурьбой побежали навстречу, на околице они уже дожидались свою госпожу. Карета остановилась, появился грузный мужчина, открыл дверцу, из экипажа вышла

Евпраксия, ребяташки хором поздоровались, а она побежала навстречу, обнимала их, раздавала им подарки. Они в ответ благодарили ее. А из деревни на околицу уже бежали бабы и мужики встречать хозяйку. Невзирая на их неопрятность, Евпраксия обнимала их, они радовались, получали подарки от госпожи. Весь народ с госпожой, а впереди ребятня, шел пешком к той самой деревянной церквушке. Дьячок так же приветливо встречал госпожу, она в пояс поклонилась перед воротами, а дьячок, полусогнувшись, побежал вперед открывать дверь церквушки. Евпраксия, перекрестившись, вошла внутрь, а за ней следом – женщины и мужики. Она встала посреди небольшого, небогато убранного храма и стала молиться. Управляющий принес тем временем подарки для церкви, укладывал их на стол, а маленький дьячок всё благодарил.

– Господь с вами, сударыня. Мы вас очень ждали. Благодарим Господа, что направил вас к нам, – говорил он.

Помолившись, Евпраксия, опустив голову, молча вышла из церкви и повернула в сторону школы, на пороге которой ребята вместе с учительницей Прасковьей Ивановной уже ждали ее, кланялись в пояс. Управляющий принес большой и два маленьких глобуса, поставил на стол учителя. Ребята удивились:

– А что это такое?

– Это глобус. Помните, я вам про него рассказывала? Это наш земной шар, – сказала Прасковья Ивановна.

Карандаши, чернильницы, тетради – много подарков привезла госпожа Евпраксия.

– Ну как у вас тут дела? Не холодно ли? Как пережили зиму? Хватило ли дров? – поинтересовалась она у учительницы и ребят.

Прасковья Ивановна отвечала:

– Благодарю вас, госпожа. Дров было достаточно, школу отапливали.

– Ну и хорошо, зима ведь вновь грядет. Вам всё подготовят, дрова нарубят, всё сделают.

Евпраксия и простой люд шли гурьбой по улице вдоль домов. Она участливо интересовалась:

– Как живете? Какие проблемы? Что необходимо?

Люди отвечали:

– Господь нас не оставляет в беде. И вы заботились о нас. В столицу и из столицы к нам шли обозы с рыбой, овощами и другими товарами. Вы нам присылали подарки, мы их получили.

И вдруг Лукерья Федоровна подошла, обняла госпожу, говорит:

– Видите на мне, госпожа Евпраксия, платье, которое вы прислали мне? Ровно по размеру. А вон деду Федору валенки прислали, он зимой в них ходил. Спасибо вам. Дай Бог вам здоровья, пусть Господь вам помогает. А мы вас никогда не подведем.

Госпожа остановилась посреди улицы, народ всё собирался и собирался. И вот она заговорила:

– Милые мои, я пришла с планом. Некоторые ваши дома уже приходят в негодность, поэтому у меня есть такой замысел. Хочу поставить двадцать домов, будем туда вселять тех, кто особенно в этом нуждается. Будем благоустраивать имение. Сад новый посадим. Другие проблемы будем решать. Проект уже готов. Скоро будет поступать лес, начнем строить. Приедут друзья-иностранцы. Какие красивые дома у них стоят за границей, такие поставят здесь. Дырявые куласы тоже заменим на новые. А щепки на растопку печей вам всем раздадим. Я здесь буду долго, поэтому мы еще поговорим с вами об этом.

– Вы, госпожа, отдохнули бы с дороги, – обратилась к хозяйке Лукерья Федоровна, – девчата уже напекли пирогов.

– Лукерья, как вы узнали, что там пироги готовят? – спросила Акулина Ивановна.

– Так что ж, Акулина Ивановна, не чувствуешь? Оттуда пирогами пахнет. У тебя нюх есть?

Евпраксия засмеялась:

– Какая вы молодец, Лукерья Федоровна! Какой у вас нюх! Раз пироги уже готовы, идемте вместе, чай с пирогами будем пить.

Народ смутился.

– Ну что вы, госпожа, только приехали, не будем вас утруждать. Отдохните.

– Нет, дорогие, – настаивала Евпраксия, – пойдем все вместе. Мальчишки, девчонки, я вам столичных конфет привезла.

И народ гурьбой пошел за госпожой в особняк. У особняка Агафья встречала первой свою госпожу, поклонилась в пояс, так, что фартук свис вниз.

Акулина ей говорит:

– Агафья, да у тебя фартук на земле!

Они шутили друг над другом.

– Добро пожаловать, госпожа Евпраксия, – сказала Агафья, – проходите в дом.

– Ну, Агафушка, уместимся мы все в доме?

Та засуетилась:

– Может, столы поставим во дворе? Ведь еще тепло.

– Ну, распорядься, Агафушка. Говорят, пирогов вы напекли.

Правда, что ли?

– Да-да, так и есть. А кто же учуял-то?

Лукерья Федоровна говорит:

– Учуть-то нетрудно.

Через некоторое время зазвучала русская народная песня.

Ты гори, гори, моя свеча.

Догорю и я с тобой, –

не в рифму подпевал дед Федор, который сидел у края стола. А ведь это песня наших дедов. Хором ее пели и в одиночку пели.

– Какие были песни! Многие мы забыли, – проговорил старик.

А рядом сидевший дед Семен ему в ответ говорит:

– Нет, мы не забыли, мы многое помним. Мы еще споем, да, Федор?

Часть VIII

На деревню опустились сумерки. Деревенские жители разбрелись по своим дворам. Где-то блеют овцы, мычат коровы, слышно, как молоко журчит, наполняя доенку. Вдруг кто-то затянул песню, послышался веселый смех девушек. Евпраксия спрашивает:

– Агафья, там девушки смеются, что ли?

– Госпожа, это молодежь пришла вас проведать.

– Правда? Пусть зайдут в дом.

– Нет, они просят вас выйти.

– Ну хорошо, я выйду.

Агафья стояла с корзиной в руках, сыпала размельченный воск, чтобы натереть полы особняка, отделанные паркетом, и лестничную площадку, поэтому предупредила:

– Госпожа, будьте осторожны, очень скользко, держитесь за поручни. Смотрите, как блестят, они свежепокрыты лаком. Как постарались наши мастера!

– Агафушка, спасибо, моя хорошая, – поблагодарила Евпраксия распорядительницу усадьбы. – Дай-ка я оденусь потеплее, – добавила она и удалилась в свои покои.

Через окно особняка вдали слышалась гармонь и старая-старая песня:

Над окошком – месяц. Под окошком – ветер.

Облетевший тополь серебрист и светел.

Дальний плач тальянки, голос одинокий –

И такой родимый, и такой далекий.

У Евпраксии кольнуло сердечко. Услышав любимую песню, которую слышала не раз и в Воронеже, и в Петербурге, она накинула теплую шаль и быстро сбежала по лестнице, где ее ждали нарядно одетые девушки и парни. Парни стояли в красивых картузах, из-под них выглядывали чубчики. Один из юношей держал в руках гармонь. Девушки, увидев Евпраксию, весело приветствовали госпожу, а она вприпрыжку спустилась по лестнице и принялась обнимать девушек. Парни чинно здоровались. Она раздавала из корзины, что держала в руках, подарки, которые привезла из столицы. Девушки смеялись, как веселые ручейки, любовались подарками и благодарили Евпраксию.

– Ой, какие подарки! Ведь милые нам не подарят! – смеялись девчата.

Самая бойкая деваха Дарья сказала:

– А мне мой милый если подарит, то подавится!

Все остальные хохотали, спрашивали, как она добралась, девушки говорили, что очень соскучились по Евпраксии. Один из парней смело предложил:

– Госпожа, идемте с нами на посиделки!

– Мы бы очень хотели, – подхватил другой парень, державший в руках военный картуз, его кудрявый чубчик развевался на ветру.

Евпраксия обратила внимание на красивые черты его лица и, улыбнувшись, ответила:

– Конечно! Только обуюсь.

Ребята ждали госпожу внизу. Она пошла надеть легкие ботики. Поднялась по лестнице, вошла в комнату и вновь услышала из-за окна знакомые напевы:

То не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит, –
То мое, мое сердечко стонет,
Как осенний лист дрожит.
То мое, мое сердечко стонет,
Как осенний лист дрожит.
Извела меня кручина,
Подколотная змея,
Догорай, гори, моя лучина,
Догорю с тобой и я.
Догорай, гори, моя лучина,
Догорю с тобой и я.

В унисон песне звучали чудесные переливы гармонии. Видно, гармонист был опытный. Евпраксия остановилась у окна, призадумалась, слова песни напомнили ей что-то искреннее, ценное, дорогое для нее. Повернувшись лицом к окну, она тихо подпевала, и слезы текли по ее щекам. Она вспоминала своего дорогого Жюльана, очень долго переживала она его смерть. Другие неурядицы приходили на ум, эти мысли не давали ей покоя. Она стояла, перебирая в памяти эпизоды последних лет. Единственной надеждой в жизни Евпраксии были ее грандиозные планы превратить это имение в сказочную местность и поселиться здесь навсегда. Вспомнив о том, что внизу ее ждут, Евпраксия опомнилась, повернулась и быстро зашагала по паркетному полу, приближаясь к красивой лестнице. Открыв дверь, Евпраксия вышла на лестничную площадку и легкими шагами стала спускаться, держась рукой за поручни. А внизу ее с нетерпением ждали молодые люди, они немного настояжились оттого, что госпожа надолго задержалась, но Евпраксия объяснила им, в чем причина:

– В жизни каждого человека бывают моменты слабости. Так вот

немного и меня охватила слабость, когда я услышала вашу песню. Дарьюшка, ты же знаешь слова этой песни: «Догорай, гори, моя лучина...»

Дарьюшка подхватила, а парень, который держал в руках хромку, растянул гармонь и мелодично вывел песню. Обнявшись, молодые люди зашагали в цветущий сад, который растянулся на большое расстояние от Водяновки до бугра, а дальше приближался к устью реки Воложки. Осенний сад был особенным. Запах спелых яблок дурманил молодых людей. Они на ходу срывали зрелые плоды, хохотали, смеялись. Так они подошли к месту, где обычно разводили костры. Парни старались показать свою сноровку, мастерство при разжигании костра, галантно усаживали на специально заготовленную скамеечку сначала хозяйшку, вокруг рассаживались девушки. На головах всех девчат красовались венки из полевых цветов, Дарьюшка вынула из своей кошелки очень красивый венок, специально сплетенный для хозяйшки, и надела на голову Евпраксии.

– Как вы догадались, что я люблю эти цветы, что украшают венки? – смеясь и обнимая Дарьюшку, спросила Евпраксия.

Паренек по имени Глеб достал мешок, высыпал из него картошки и, бросая ее в огонь, приговаривал:

– В честь приезда госпожи мы будем есть печеную картошку.

Девчата пели старые душевные песни. Дарьюшка, как самая голосистая, своим немного грубоватым голосом завела:

Окрасился месяц багрянцем,
Где волны шумели у скал.
Поедем, красотка, кататься,
Давно я тебя поджидал.

Другие девушки и парни подхватили и продолжили песню. А красивый парень с хромкой в руках растянул меха, и музыка поплыла по этой благословенной местности. В красивом саду, где царил аромат осенних зрелых фруктов, Евпраксия чувствовала себя очень счастливой и своим нежным голосом помогала девушкам петь эту песню, а в душе у нее перемешались и светлые, и тяжелые мысли, которые не покидали ее ни на минуту.

Время было позднее, луна уже зашла, когда девушки и парни, обнявшись, весело шли провожать свою госпожу до особняка. А там уже поджидал тучный мужчина, беспокоясь о том, где же находится хозяйка. Евпраксия оглянулась, увидев его, сказала:

– Ты меня ищешь? Я вот здесь.

Вокруг особняка висели фонари, похожие на те, что освещали улицы столицы, которая когда-то была воспета Александром Сергеевичем Пушкиным. Фонари монтировались на высоких столбах, к которым в сумерки приставляли лесенку, кто-то из мужчин поднимался, открывал маленькую дверцу в этих призмических фонарях, и разжигал керосиновые лампы, стоявшие внутри. Фонари довольно хорошо освещали территорию вокруг особняка. Одна из ламп, что побольше, висела на берегу, где стояли красивые челночные лодки с веслами.

Евпраксии не хотелось спать. Вместе с управляющим они прошли к берегу, обсуждая грядущие планы. Прошли по окраине сада, который тоже был освещен фонарями-летучками. И возвращались к особняку, где около той самой красивой лестницы стояли лавочки, куда они и присели.

Сентябрьская ночь холодела, чувствовалось приближение настоящей осени, от сада тянуло фруктовым запахом, что усиливало радостное настроение Евпраксии, в голову приходили мысли о столице. Уже было далеко за полночь. Управляющий докладывал госпоже о том, что договоренность есть, лес и другие материалы уже в пути, на бумаге он показывал Евпраксии, где будут установлены дома. Весть о том, что дело продвигается, окрылила Евпраксию, она попросила управляющего ускорить начало работ. Намечались и другие дела по упорядочению, озеленению имения. Пожелав доброй ночи, Евпраксия легкой поступью поднималась по лестнице в свои покои. В полуоткрытое окно веяло свежестью. Евпраксия легла на кровать и снова погрузилась в воспоминания о Жюльане, которого уже давно не было, о муже, находившемся вот уже долгое время на стажировке в Италии, сетовавшем на то, что у него большие концерты. Внутри у нее всё горело, грудь ныла. Под утро она наконец заснула.

Часть IX

На участке Прикутумском Тихон подбирал корма, сено для хозяйства на зиму, когда заметил вдали двух приближающихся всадников. Ими оказались Евпраксия и управляющий имением. Евпраксия, облаченная в черную амазонку – костюм для верховой езды, подпоясанная дорогим блестящим ремнем, резво соскочила с коня и передала поводья пегого управляющему. Конь нетерпеливо бил копытом. Евпраксия подошла к Тихону, поздоровалась:

– Здравствуйте, Тихон. Как поживаете? Как ваша семья? Как вы здорово здесь обустроились! Молодцы! Вы хороший хозяин.

Тихон рассказал, что уже заготовлено много сена на зиму, показал госпоже стога, уверял, что эти кормов хватит на зиму. Она внимательно слушала его и в свою очередь благодарила за хорошую службу.

– Тихон, – вдруг перебила его Евпраксия, – ведь я привезла тебе подарок.

Управляющий принес мешок, в котором оказался набор хозяйственных инструментов: рубанок, фуганок, топор с красивой рукояткой, молотки – и красивая бутылка спиртного с надписью «С царского стола».

Тихон смутился, но обрадовался подарку, не знал, как выразить свою благодарность госпоже.

– Спасибо, госпожа Евпраксия, спасибо, – повторял Тихон.

Акулина Ивановна готовила косарям обед. Она очень ловко подхватила поварешку, налила в чашу хороший напиток и всё приговаривала:

– Милая госпожа, кваску отпейте. Я сама готовила. Присаживайтесь в холодок. Тихон, приглашай госпожу к кваску.

Евпраксия подошла к столу, за которым сидели шестеро молодых косарей, поздоровалась с ними и села у края стола, взяла кружку с квасом, пригубила немного и произнесла:

– Акулина, какая вы мастерица! Такого кваса в столице не сыщешь. Разучились наши столичные его готовить. Буду уезжать, попрошу рецепт вашего кваса.

Молодые косари, плечистые, мускулистые, по пояс раздетые, украдкой глядели на это нежное создание, как на сочное, наливное

яблоко. Один из парней до того залюбовался, что уронил ложку на пол. Полез под стол, поглядывая на стройные ножки Евпраксии.

Испив кваску, Евпраксия поблагодарила Акулину Ивановну и Тихона за гостеприимство, и с управляющим они подались к привязи, где стояли их кони. А парень, уронивший ложку, всё смотрел им вслед и не мог наглядеться на эту красивую женщину. Тихон издал крикнул:

– Эй, Михаил, ты чего там задержался? Давай скорей!

Михаил, поклонившись госпоже, побежал за другими парнями, которые шли на покос. Евпраксия, резво став на стремя, поднялась и удобно села в дорогое седло, потянула поводья и помчалась с управляющим на другой участок. Так начинался один из сентябрьских дней, которые несли новые изменения в жизни хозяйки этих земель.

Возвращались они к полудню, объехав все участки, в том числе и рыбацкие тони, которые были отданы Евпраксией в аренду рыбопромышленнику Агабабову. Евпраксия, довольная своим именем, тем, что хозяйство содержится в образцовом порядке, благодарил управляющего. Отдав ему поводья пегого, она поднялась по лестнице, чтобы переодеться. Через несколько минут в легком платье и накинутой поверх платья телогрейке, удобно расположившись в уголочке, она принялась помогать Агафье консервировать фрукты. Красивые длинные пальчики Агафьи проворно обрабатывали яблоки, складывали их в банки, закручивали крышки. Она делала всё с большим желанием. Евпраксия училась сноровке у Агафьи, была хорошей ученицей. Всё спрашивала:

– Агафья, правильно я делаю?

– Госпожа, вы лучше, чем я, делаете, – отвечала экономка.

«Хасбулат удалой, бедна сакля твоя...» – затянула Агафья. А Евпраксия, тоже любившая эту песню, подхватила. В унисон, в два голоса они красиво выводили мелодичные строчки. Молодые служанки, которые помогали им, тоже напевали себе под нос. Казалось, что здесь царит духовное начало.

Косарю Михаилу не спалось в ту ночь. Он вспоминал прекрасные черты лица хозяйки, не мог найти покоя, убеждал себя, что нельзя о ней думать, ведь она – госпожа, она недоступна ему. Но всё-таки до утра его мысли были заняты только ею.

Недаром говорят, что таланты рождаются в массах, простонародье. Михаил часто садился с угольком в руке и на фанере, доске или бумаге создавал такие рисунки, что все вокруг любовались. Михаил был единственным сыном того самого Семена, который говорил: «Эй, Федор, мы еще споем. Какие наши годы!» Семен тоже был наделен талантом, хотя годы брали свое, тем не менее он хорошо играл на тальянке, имел и другие дарования, которые по наследству передались Михаилу, он тоже был мастером на все руки. Мысли о Евпраксии не покидали Михаила. Удивляла белизна ее кожи, изящные пальцы, тонкие черты лица, плавные изгибы фигуры. Михаил сходил с ума от этих дум. Угольком на стене дома он нарисовал силуэт женщины, похожей на Евпраксию. Утром Семен, увидев этот силуэт, посмотрел и говорит:

– Михаил, подь сюда. Это твоя работа? Хороша! Кого-то мне напоминает. Кто же это, Михаил?

Пролетали дни и ночи. Евпраксия занималась хозяйством, вечерами у костра пели старые русские песни, грустили, веселились, рассказывали интересные истории. Однажды она пригласила ребят послушать классическую музыку. У нее в гостиной стоял белоснежный рояль. Парни и девушки недоуменно переглядывались: как же они войдут в барский дом? Но Евпраксия запросто их позвала, усадила на мягкие диваны и начала играть Бетховена, Баха, Моцарта, Дворжака, Листа, Чайковского. Ребята удивлялись, изумленно прислушивались. А Глеб, покоренный очарованием и обаянием Евпраксии, не мог оторвать от нее восторженного взгляда. Другие парни тоже смотрели на нее с восхищением. Девушки прильнули к роялю, слушая волшебные мелодии Бетховена – шестую, четырнадцатую симфонии. Это было нечто особенное.

Евпраксия легла спать далеко за полночь. В постели она ворочалась, приходили на ум разные мысли. Тогда, на Прикутумском участке, она обратила внимание на взгляд Михаила, он никак не выходил у нее из головы, ведь парень-то ей понравился. Она не могла заснуть до тех пор, пока петухи не пропели утро следующего дня.

Проходили дни, недели. На дворе стоял октябрь. Евпраксия собралась было обратно в столицу, откуда приходили разные вести. Вести о том, что Россия несет значительные потери на фронте,

в столице распространяются слухи о возможном свержении царской власти. На фоне этих тревожных известий Евпраксия всё не переставала думать о Михаиле, ее тянуло снова поехать на покосы, где она смогла бы еще раз увидеть этого человека. Девушки и местные бабы с песнями собирали фрукты в большом ухоженном саду имения, складывали яблоки в ящики, виноград – в большие плетеные корзины. Всё это готовилось к отправке в Москву, Петербург, другие города, где находились торговые лавки госпожи Евпраксии, рыболовецкие тони – ватаги тоже готовили продукцию: свежую, соленую, вяленую, свежемороженую рыбу – к отправке обозом в столицу.

Евпраксия, объехав имение, возвращалась вечером уставшая. Поднимаясь по лестнице в свою опочивальню, она почувствовала что-то необычное. Войдя в комнату, увидела на небольшом столике портрет женщины, написанный на холсте, помещенном в деревянную раму. Она удивилась, присмотрелась. Да это же ее портрет! Ее несколько это не смутило. Наоборот, она обрадовалась, после тяжелого дня этот портрет поднял настроение Евпраксии, она стала гадать, кто же так искусно владеет кистью. Евпраксия перебирала мысли, когда же и где она была в таком одеянии. Кто же этот художник? Эта мысль никак ее не покидала. Она позвала горничную и спросила, откуда появилось это полотно. Горничная пожалала плечами, взглянула на портрет и изумленно выдохнула:

– Да это же, госпожа, вы! В ваше отсутствие сюда никто не входил.

Евпраксия потихоньку выводывала у баб, кто же из местных так хорошо рисует. Может, они встречали кого-то из приезжих художников. Бабы пожимали плечами, не знали, что и ответить. Только однажды прибежала Акулина Ивановна и говорит:

– Госпожа, я не знаю, сказать вам или нет.

– Акулина, ну, скажите.

– Я как-то заходила к Семену во двор, а у него на одной стене углем нарисована женщина. Я подумала: неужели это портрет нашей госпожи? Уж очень похожа. Семен вроде не рисует, он старый. Может, это Михаил.

Косари поздним вечером оживились, выстроившись в ряд, по холодку гнали косы. Порядок у них такой: кто догоняет ведущего,

предупреждает: «Выходи на мою дорожку», а сам должен перейти на его дорожку. Так они допоздна работали. Начинали покос с зарей. Чуть забрезжит свет на востоке, чуть займется заря, косари тут как тут, приговаривают: «Коси, коса, пока роса». К жаркому полудню, когда солнце поднимается высоко, они заканчивают свою работу, чтобы возобновить ее вечером.

Евпраксия всё больше думала о Михаиле, искала встречи с ним. Но как это сделать, не знала. Искала повод.

Полнолуние. Вечер был тихий. То там, то здесь сверчки пели свои песни, тишина окутала имение, многие уже собирались спать, но Евпраксия готовилась ехать на покос. Она отвязала вожжи пегого, резко вскочила в седло и помчалась в поле. Сама не зная, сколько времени скакала, прилетела на стойбище косарей. Приближение хозяйки заметил Тихон. Он удивился, почему хозяйка так поздно приехала. Евпраксия легко соскочила с седла, Тихон подошел к ней, чинно поздоровался и заговорил:

– Госпожа, вы так поздно.

– Тихон, миленький, не спится. Вот решила проехаться по вечерней прохладе. Вы знаете, вечером ведь так приятно скакать на коне, когда ноздри щекочет вечерний ветерок. Потому решила вас проведать. Как вы здесь? Вы уж, Тихон, отдыхайте. Извините, что я так припозднилась. Пусть кто-нибудь из ребят меня проведет на покос, я посмотрю.

Тихон охотно согласился и прокричал:

– Михаил, ты где? Подойди-ка сюда!

Не дожидаясь, пока его снова окликнут, Михаил подошел.

– Здравствуйте, госпожа, – произнес он.

Евпраксия и Михаил, не торопясь, шли на покос. Приятно пахло свежескошенной травой, васильками, другими полевыми цветами. Это наводило приятную грусть. У Евпраксии сердце бешено колотилось в груди, они шли рядом, и вдруг Михаил рукавом коснулся ее рукава, в душе ее что-то дрогнуло, она не могла найти повода кинуться к нему в объятия. Они говорили о чем-то, иногда смеялись. Михаил держал в руках вожжи пегого, тот не заставлял тянуть себя за веревку, послушно следовал позади людей, так что почти ослабленный поводок можно было и не держать. Евпраксия сняла туфли,

чтобы прогуляться босиком по вечерней росе, наслаждаясь свежестью и прохладой. Михаил тоже шел босиком, показывая Евпраксии свежепокосенные участки. Вдруг они замолчали, Евпраксия коснулась плеча Михаила и сама его обняла. Михаил готов был к этому еще раньше. Обняв Евпраксию, он стал ее целовать. От этого получали они большое удовольствие. Евпраксия давно не чувствовала себя такой счастливой, как сейчас. Михаил легко поднял ее на руки, целовал и бережно уложил ее на свежескошенную траву.

Бесстыжая луна ярко светила и видела всё, что произошло той ночью на свежей траве между Евпраксией и Михаилом. Жгучее небывалое чувство впервые охватило Евпраксию. Она была в полной власти Михаила. Они были счастливы в эту ночь.

Проносились дни, недели. Октябрь заканчивался, пришло известие из столицы, что произошла Великая Октябрьская социалистическая революция, власть перешла в руки большевиков, организовывались Советы, менялась формация управления государством. Евпраксия понимала, что это означало, но ею в эти дни владело чувство любви зрелой женщины к молодому, красивому мужчине. Ее влекло к нему, в голове был только он, другие мысли отошли в сторону. Евпраксия ясно понимала, что, если власть перешла в руки Советов, такие понятия, как имение, господ, слуги и прочие, скоро уйдут в историю. Она понимала, что надо уладить дела и в столице, ведь там ее семья, она собралась в Петербург.

Все знают, что в деревне секретов не бывает, многие догадывались об их отношениях с Михаилом, меньше досаждали Евпраксии девушки и парни, они уже были наслышаны о встречах молодых людей. Кто прав, кто нет – рассудит Всевышний, говорили старики. Никто не судил, не обсуждал, все знали, но молчали, всё так же сохраняя доброе отношение к Евпраксии.

Приблизился день отъезда. Михаил и Евпраксия тайком от посторонних глаз встретились на том самом месте на покосе. Опять бесстыжая луна глядела, что происходило в ту ночь. Евпраксия нежно прощалась с Михаилом, звучали обещания, слова грусти, разлуки. Но ничто не могло измениться, потому что это было не в их власти. Михаил, красивый, крепкий парень, плакал, обнимая Евпраксию. Они друг друга очень крепко полюбили. Что будет дальше, никто не знал, никто не мог ничего посоветовать, дать готовый рецепт.

Стоял серый октябрьский день. Тепло одетая, Евпраксия была готова к отъезду. Оboзы ждали у ворот, необходимая провизия погружена, ящик успокаивал лошадей. Евпраксия сошла по той же лестнице особняка вниз, где ждал народ от мала до велика, чтобы попрощаться с госпожой. Они тоже недоумевали, что же будет дальше, но догадывались, что, возможно, это их последняя встреча с Евпраксией. Каждый из них хранил в себе частичку той доброты, которой их одарила эта удивительная женщина. Они не знали, каким манером они будут прощаться с ней, какие слова будут говорить. Евпраксия тоже понимала, что это, быть может, последний раз и ей не придется вновь приехать в эти края, эта мысль сверлила ей голову. Какая-то непонятная грусть, ностальгия по этим местам тревожила ее и бередила душу. Вместе с народом она прошлась по деревне, дошла до школы, попрощалась с учениками, старой учительницей Прасковьей Ивановной, прошлась до деревянной церквушки. Маленький старенький дьячок всё так же открывал дверцу калитки, встречал госпожу, проводил ее до церкви. Евпраксия молила Господа о прощении ее прегрешений, о благополучии этого края, чтобы Бог дал счастья этим людям. Здесь, в храме, она чувствовала духовное единение с Господом. Это было что-то неопишное, но никто об этом не догадывался. Она плакала, вытирала платочком слезы. Это видел только дьячок, что стоял рядом. Люди на этот раз в церковь не вошли, зная состояние Евпраксии, дали ей возможность уединиться с Господом. Евпраксия долго пребывала в храме, стоя на коленях и шепча молитву. Наконец, перекрестившись, она вышла. Со двора никто не уходил.

Евпраксия подходила к каждому, начиная от старого деда Семёна, ко всем старикам, бабушкам. Обняла Лукерью Федоровну, Акулину Ивановну, мальчишек, девчонок. Здесь же были резвые девушки, парни, с которыми они долгие вечера проводили у костра, пели веселые народные песни, но на этот раз они погрузнели. Для того чтобы поднять дух людей, Евпраксия улыбнулась им, сказала шуточные слова Акулине Ивановне:

– Акулина Ивановна, вы мне обещали рецепт того кваска. Я обязательно вернусь, и вы им со мной поделитесь.

В этот раз Евпраксия села в карету одна, управляющий оставался в имении. Бубенчики под дугой известили о том, что повозка госпожи покидает усадьбу. Старики, старухи, дети махали платочками, руками, прощаясь со своей госпожой. Каждый из них в душе желал ей удачи, молил Бога о следующей встрече с этой доброй женщиной. На извилине речушки Водяновки и Кутума имения уже не было видно. На дороге стоял Михаил, поджидая карету. Ямщик протянул поводья:

– Тпру...

Лошади остановились. Михаил поздоровался с ямщиком. Евпраксия обрадовалась, выскочила из экипажа и кинулась на шею Михаилу. Они долго стояли, обнявшись, целовались, плакали. Евпраксия обещала, что обязательно будет следующая встреча: либо она вернется в Водяновку, либо Михаил приедет в столицу, никто, кроме Господа, не разлучит их. Так давали они друг другу клятвы.

Часть X

Время шло. Дни за днями, недели за неделями, месяц за месяцем, год за годом. Деревня жила своей жизнью. За калиткой женщина звала:

– Евпраксия! Где ты? Иди домой, уже поздно!

Удивительно! Уже старая Лукерья Федоровна призадумалась: кого же это зовут, кто эта Евпраксия?

– Евпраксия, хватит играть, уже поздно!

Недалеко на лавочке сидела Акулина Ивановна.

– Да это же Дарьюшка дочку зовет домой, – сказала она, заметив недоумение на лице Лукерьи Федоровны.

Дарьюшка вышла замуж за Глеба, родила дочку, которую называли Евпраксией.

Добрая память окрыляет людей, придает сил, направляет на правильный путь, ведь Господь так велел. Человек, который следует законам божьим, законам совести и справедливости, не забывает добрых людей.

Добрая память о госпоже Евпраксии надолго сохранится в памяти людей. Тот самый деревянный особняк и прекрасный плодоносный сад будут напоминать о Евпраксии многим поколениям.

В столице Евпраксия занималась неотложными делами. Муж оставался в Италии. Потрясения, произошедшие в России, многое изменили. Видные деятели, талантливые люди России, находившиеся в это время за границей, решили не возвращаться, пока не утрясется это лихое время. Так поступил и муж Евпраксии, известный певец из простонародья. Он уговаривал Евпраксию бросить всё, ехать в Италию, оставшиеся годы жизни провести в Европе, но ее что-то держало в России.

Проснувшись, она глянула в окно. Хмурое утро в столице навело тоску. На небольшом столике стоял ее портрет, написанный Михаилом. Она часто вспоминала их первую встречу, когда тот уронил ложку под стол. Ее образ навсегда запечатлелся в сердце Михаила. А портрет долгое время стоял на столике в столичной опочивальне Евпраксии.

Изменялись порядки, изменялись планы. Те двадцать домиков, которые хотела построить для людей Евпраксия, остались на бумаге. Понятие имения уже исчезло из обихода. Добрые старые отношения также забывались. Но люди оставались те же. Ведь меняется только формация, а люди остаются теми же. В людях продолжают жить их мировоззрение, обычаи, порядки, законы, которым они следовали раньше. Только хамелеон теряет часть своего тела, а потом восстанавливает. Во многих странах формация не меняется столетиями, лишь потому что там живут закоренелые консерваторы, следующие законам предков, они их не собираются менять каждое пятидесятилетие. Очень многое не устраивало Евпраксию. Но что поделать, приходилось мириться с новыми порядками.

Евпраксия переживала все эти дни. Что было дальше, ее бывшие деревенские слуги не знали, но в душе они хранили добрую память о своей хозяйке, помнили ее имя в каждом доме, рассказывали часто о ней добрые байки, передавали их своим детям. А время шло. Старики уходили их жизни.

Осенний вечер навел грусть, солнце уже садилось. Лукерья Федоровна удобно расположилась на лавочке, к ней с палочкой в руках ковыляет Акулина Ивановна, садится рядышком. Вспоминают былые времена, госпожу Евпраксию, эту очень красивую душой и сердцем женщину. Акулина Ивановна всё сожалела, что

не успела дать ей рецепт кваска. «Почему же она не приезжает, не проведает нас?» – часто думала она.

– А как она любила старые песни, – вспоминала Лукерья Федоровна, –

У церкви стояла карета, там пышная свадьба была.

Все гости нарядно одеты, невеста всех краше была.

Все гости нарядно одеты, невеста всех краше была.

– И церковь-то, Лукерьюшка, заколотили, – вздохнула Акулина Ивановна. – Ох и времечко стало...

АУЛИЕ ТУБАЙДУЛЛА

Стоял душный, жаркий полдень, нещадно палило солнце. Мысленно я представлял знакомые мне с детства места и тропы, истоженные мною еще в те далекие годы, пятьдесят лет назад. Невольно вереницей проносились в памяти события прожитых дней – и радостные воспоминания, и горькие факты. Мысли перескакивали с одной на другую, и, прислонившись к двери заднего сиденья автомобиля, я размышлял, как же всё это было давно.

Я ехал на зират на бугор Кабаний, где похоронены мои родители аулие Губайдулла и красавица Латифа, дочь подрядчика Шакуша Шораева, и мои родные сестры.

Помню, в те годы, когда я был зрячим, всегда при приближении к этому довольно высокому бугру уже издали, на расстоянии километра-двух, я видел полумесяц из легированной стали, отшлифованный, установленный на высоте почти четыре с половиной метра на пирамидальном монументе на могиле моей матери. Аулие Губайдулла лежит рядом со своей ненаглядной, буквально в тридцати-сорока сантиметрах от нее.

Они делили все тяготы и радости жизни на двоих, шагали в ногу друг с другом, воспитали десять детей, старшего сына Шайхе они потеряли в Великую Отечественную войну под Сталинградом. И вот Всевышний распорядился так, что через тридцать лет после смерти отца мать нашла успокоение рядом со своим красивым

аулие Губайдуллой. Наверное, Всемогущий Аллах это место специально готовил для нее.

В 1947 году аулие Губайдуллу направили в здешние края, назначив председателем колхоза «Энбек». Вдоль реки Кара-Бузан тянулись покосные луга, которые весной во время половодья заливало водой. Вода доходила почти до бугра, у подножия которого располагалось селение. В основном здесь жили русские – потомки переселенцев с верховьев Волги, перебравшихся сюда когда-то в поисках работы и пропитания, так как эти места были богаты рыбой. Она выходила на полои, нерестилась здесь. Это было прекрасное, благодатное место.

Губайдулла как председатель колхоза ездил на рессорке. В нее запрягалась резвая лошадь, которую называли председательской. Аулие Губайдулла родом из степей, поэтому был хорошим наездником и скакал на коне и ездил на рессорке очень лихо.

Я мысленно представил, что мы находимся у брода на реке Кара-Бузан. Через открытое окно машины доносился приятный запах луговой травы, готовой к покосу, благоухание полевых цветов, люцерны, я как будто вернулся в те прежние времена. Позже заливные луга превратились в мелиорированные земли, здесь был пал, были чеки, где сажали рис и помидоры.

Вспомнилось мне, как однажды мы переправлялись через брод на рессорке на другой берег. Дно брода было ровное, но иногда лошадь оттаскивала рессорку в сторону, и ее колесо попадало в яму. В результате мы оказались в воде. Тогда мне почудилось, что мы плывем на корабле. Приятно было ощущать запах талой воды, луговой травы. А под ногами лежали ящики с дынями, аромат которых возбуждал аппетит. Всё это дарило безмятежное, радостное настроение.

Мне казалось, что вот сейчас наш автомобиль остановится около бугра Кабаньего и мы найдем на богарной бахче большой, спелый, сочный арбуз и ароматную дыню, разрежем и почувствуем вкус прошедших ярких лет.

Уже к 1947–1948 годам жители, заселявшие бугор Кабаний, Новояцкое (позже Алтын-тубе), Седлистое, Седловатое (потомки переселенцев двадцатых – тридцатых годов), перебрались кто

в Новокрасное, кто в Марфино. Остались лишь некоторые казахи. Раньше граница колхоза «Энбек» проходила по реке Кара-Бузан, у брода. Аулие Губайдулла через райисполком, облисполком добился, чтобы границы колхоза расширились, в частности, за счет тех участков, которые некогда заселяли уехавшие оттуда люди. На этих землях теперь располагались молочнотоварные и овцетоварные фермы. Колхоз был многоотраслевым, большое внимание Аулие Губайдулла уделял развитию животноводства, растениеводства, морского и речного рыболовства.

Вспомнил я, что существовал и второй брод – через Нижнюю Худяковку. Что характерно, берег реки с одной стороны был пологим, с другой – крутым, резвая лошадь тащила рессорку буквально вертикально. А на берегу под деревьями стояли юрты тех сельчан, которые жили в саманных домах на бугре Алтын-тубе. Такие дома так же, как и в Мынтюбе, на родине аулие Губайдуллы, называли «кыстау». В них жили зимой, они были теплые, а летом переходили в легкие юрты. До моего носа доходили запахи бешбармака, варившегося в котле у юрты, домашнего сливочного масла, курт – шариков из сушеного творога. Это было очень давно, пятьдесят с лишним лет назад, но запахи эти я помню как сейчас.

Вспомнился мне 1958 год, когда аулие Губайдулла с тремя спутниками, среди которых был и я, совершил последний визит в атамекен, в родной Мынтюбе, который находился очень далеко под Гурьевом. Там похоронены его родные и близкие. Во время этого путешествия я узнал множество интересных фактов из жизни отца. Родные рассказывали, каким был аулие Губайдулла в детские и юношеские годы, как он, покинув родные места, уехал в Астрахань со своей возлюбленной – Латифой из рода Адай. Рассказывали, что аулие Губайдулла успешно окончил медресе, а потом духовную семинарию, хорошо знал арабскую грамоту. Близкие думали, что он станет муллой, продолжит духовное образование. Он был наделен особым даром предвидеть будущее. Уже тогда он с поразительной точностью предсказывал грядущие события. Говорили, что от его рук исходило необыкновенное тепло, дававшее энергию любому человеку и исцелявшее от разных недугов.

Работая председателем Тулугановского, Тюринского сельских советов, колхозов «Кызыл Тан», «Энбек», начальником райзо, Губайдулла много внимания уделял развитию животноводства. Ему принадлежала идея развития тонкорунного овцеводства в степной зоне, он приложил немало усилий, чтобы на отгонных пастбищах были выделены участки, куда сгоняли тонкорунных овец из колхозов «Кызыл Тан», «Жана жол», колхоза имени Сталина. Степная трава намного богаче полезными веществами, нежели трава, которая растет в низовьях на заливных лугах, поэтому Губайдулла был уверен, что результат не заставит себя долго ждать, и оказался прав. Высокие качественные показатели мяса и шерсти доказали эффективность данного направления.

За создание многоотраслевого хозяйства, расширение материальной базы и границ колхоза, внедрение передовых технологий, создание инфраструктуры и улучшение условий жизни сельчан аулие Губайдулла был награжден поездкой на Выставку достижений народного хозяйства, где в качестве подарка ему вручили ковер.

Работал Губайдулла также учителем в Сизобугорской, Сахминской, Алтынжарской школах. Там, где ныне располагается мавзолей Курмангазы, раньше стояли саманные покосившиеся дома. В одном из этих домов в одной половине находилась школа, а в другой – жил аулие Губайдулла. Так начиналась его педагогическая деятельность. Он часто вспоминал своих учеников, многие из которых продолжили его дело и стали учителями: Зулъкарима Джакупова, Хамарья Туракова, Имамрат Кущербаев и другие.

Автомобиль наш с трудом поднимался на бугор, а потом и вовсе застрял в песке. Пока молодежь пыталась его вытолкать, я продолжал перебирать в памяти события пятидесяти-шестидесятилетней давности. Я огляделся вокруг и стал припоминать, что на южной стороне бугра стоял маленький деревянный магазин, я вспомнил женщину, которая там работала, и ее мужа – он сажал тут богарные арбузы.

Росло здесь большое тутовое дерево, а около него в два ряда тянулись дома казаков. Дома были похожи один на другой, все имели ставни, а крыши были крыты камышом. В половодье вода очень близко подходила к бугру, а когда она сходила, берег оказывался

почти в двух километрах от домов. Помню, женщинам тогда приходилось идти в такую даль за водой с коромыслами на плечах. По северному же склону бугра находилось христианское кладбище.

Процветали в здешних местах пушной промысел и рыбная ловля, мне самому приходилось видеть, как во время половодья сазаны плескались прямо около домов.

Впервые аулие Губайдулла прибыл в эти места в тридцатые годы в качестве директора школы. Это была красивая типовая начальная школа с четырьмя учебными кабинетами и гимнастическим залом. По области было всего несколько таких школ: в селах Калинино Володарского района, Караозек Красноярского района, Лебяжье Камызякского района, Фунтово Приволжского района, Курченко Наримановского района.

Большую роль сыграл при строительстве школы и в развитии Володарского района в целом талантливый руководитель Мухамбеткали Аленович Сужиков. Именно он добился, чтобы в Калинино в 1935 году началось строительство школы. Затем обком партии направил его на высшие партийные курсы в Москву, по окончании которых в качестве первого секретаря Актюбинского райкома партии он уехал в Казахстан. Заканчивать строительство довелось аулие Губайдулле.

Первых учеников школа приняла в декабре 1937 года. В ней работали замечательные талантливые учителя, многие из которых по приглашению Сужикова уехали в Казахстан, где сейчас живут их потомки. С некоторыми из них я поддерживаю связь, обмениваюсь новостями и поздравлениями.

В последние годы Мухамбеткали Аленович жил на даче под Алма-Атой, но никогда он не забывал ставшие ему родными места. Он часто прилетал на самолете-кукурузнике в район Денгизской МРС, что на берегу реки Кигач, где со своими товарищами Хайдаром Ирмуратовым и аулие Губайдуллой они встречались у Ахмеджана-ата Исмагулова, об этом рассказывали его дети, которым сейчас уже под восемьдесят лет.

Село в то время носило имя бая – Тюлендиевка, а в советское время вопрос классовой принадлежности воспринимался очень болезненно, поэтому часто заходил вопрос о переименовании

села. Но аулие настаивал на сохранении существовавшего названия. Как историку, ему были известны факты из истории становления села. Раньше оно называлось Обжор. По легенде, когда море отступало, здесь возник небольшой остров. И вот однажды мальчика, рыбачившего на острове, проглотила большая рыба. С тех пор это место стали называть Обжор. Уже при царской власти бай Иргали Тюлендиев испросил разрешения у астраханского губернатора заселить эти земли, и ему стоило немалых усилий обжить эти территории. В селе строились красивые добротные дома, украшенные ажурным резным орнаментом. Лес для строительства специально сплавляли по реке. Эти дома, помнится, в шестидесятые годы вошли в реестр исторических памятников как образцы резного искусства. В одном из таких зданий располагалась мечеть, которую в советское время превратили в клуб. Я помню эту мечеть в ее изначальном виде: небольшая сцена, где мулла произносил молитву, по обе стороны от сцены деревянные резные колонны исключительной красоты. Но самым большим и красивым был дом бая Тюлендиева: фундамент поднимался от земли более чем на метр, дом имел стеклянную веранду, флигель и был выстроен из сруба. В другом здании, возведенном при бае Тюлендиеве, позже расположилась больница. Оно стояло высоко на каменном фундаменте, высота составляла примерно три с половиной метра. Меня всегда восхищали двери этого строения: деревянные, массивные, многослойные, они напоминали двери Эрмитажа.

Жаль, что эти памятники архитектуры утрачены и от них не осталось и следа.

Сегодня в Калинино нет даже музея, хранящего в своих стенах богатую историю села. Когда-то я подарил Калининской школе книги, написанные мною, – «Две дороги, две судьбы», «Сердце, отданное детям», диски, в частности диск «Копыта тулпара», выпущенный в 2005 году, где я описывал основные семейные династии этих мест начиная с начала двадцатого века. Я надеюсь, что эти материалы не утеряны и послужат моим вкладом в дело сохранения истории Калинино. Это село дорого моему сердцу, ведь именно здесь в 1962 году я начинал педагогическую деятельность и проработал до 1974 года, пока руководство партии не направило меня в другое село.

Но вернусь к главному повествованию.

Аулие Губайдулла работал директором школы с конца 1937 года по 1943 год. После него было много директоров и талантливых учителей, но их имена незаслуженно забыты. Ведь их роль в жизни села огромна. Учитель оставляет след в душе каждого, сложно переоценить его влияние на формирование человека.

Было бы замечательно провести своего рода референдум, в котором приняли бы участие нынешние ученики и выпускники, чтобы школа была названа именем одного из тех людей, которые отдали свои сердца детям.

В 1945 году аулие Губайдулла работал председателем Тюринского колхоза, а директором Тюринской школы был Сираж Макиев. Вместе они поднимали колхоз, обратили внимание руководства на состояние школы, и в результате Тюринская школа стала одной из образцовых школ области. В 1946 году Сиража Макиева назначили директором Калининской школы, и волею судьбы в 1947 году аулие Губайдулла по распоряжению партии тоже вернулся в Калинин в качестве председателя колхоза «Энбек» для повышения его производительности, так как колхоз считался одним из отстающих. Сираж Макиев и аулие Губайдулла шутили: «Бегаем друг за другом, как хвостики».

За короткий период аулие Губайдулла добился значительных успехов в работе колхоза: была расширена территория колхоза, проведена демаркация территории, увеличились посевные площади, колхоз занимался зерноводством, овощеводством, животноводством, только на то время в колхозе было пятьсот голов лошадей, несколько молочнотоварных и овцетоварных ферм, в селе была создана необходимая инфраструктура (больница-стационар, роддом, поликлиника, рыбкоп). Ближе к 1950 году в колхозе появился элеваторный узел, где сеяли, веяли, молотили зерно, в колхозе обрабатывали овощи, функционировали маслозавод, пекарня и другие объекты. В Калининской школе учились дети из близлежащих сел – Мултаново, Блиново, Новокрасное, Марфино. Для них построили небольшой интернат.

Вместе с Макиевым аулие Губайдулла организовал народную

стройку, чтобы общими усилиями возвести второй корпус школы. Всё село участвовало в этой стройке, колхоз выделил сто кубов леса. И вот появилось второе здание школы, где обучались дети до 1969 года.

Гордостью колхоза была полуторка, автомашина с деревянным кузовом и фанерной кабиной, поступившая где-то в 1951 году. А раньше сюда ходил только пароход, другого транспорта не было, и люди во главе с председателем колхоза ездили на лошадях и рессорках.

В 1949 году колхоз приобрел мотор-болиндер для полива полей. Тогда бахчи и огороды колхоза поливали с помощью чигира. Это большое деревянное колесо, которое приводила в движение лошадь. Ей завязывали глаза, и она по кругу вращала колесо, и вода попадала в каналы. Но этот метод устарел. Для повышения эффективности ирригации аулие Губайдулла попросил районное начальство выделить один мотор-болиндер. Стоил он очень дорого, но всё-таки колхоз его получил, в частности, благодаря председателю райисполкома Хайдару Дюйсималиевичу Ирмуратову, который всегда поддерживал новаторские идеи и добрые начинания аулие Губайдуллы. Мотор состоял из одноцилиндрового двигателя, он вполне обеспечивал водой все посевные поля.

Как водится, нашлись недовольные, заявившие, что колхоз растрачивает государственные деньги. И Хайдар Дюйсималиевич и аулие Губайдулла получили два года лишения свободы. Позже руководство разобралось в этом вопросе, им вернули партийные билеты. Но факт остается фактом. И для сегодняшних дней характерна такая тенденция среди «особо сознательных» граждан – сидеть на диване и необоснованно критиковать тех, кто честно исполняет свой гражданский долг, стремится улучшить условия жизни людей. Хочется надеяться, что наш край вырастит достойных, толковых руководителей, которые прославят родные места. А примером им пусть служат такие люди, как Иргали Тюлендиев, хоть он был баем, его уважали, доверяли ему, избрали председателем волостного совета.

Наконец наш автомобиль выбрался из песчаных оков и домчал нас до зирата. Мы вышли из машины и по мусульманскому обычаю сразу же перед зиратом почтили память усопших молитвой. Потом

нашли могилы аулие Губайдуллы и красавицы Латифы и, преклонив колени, молили Всевышнего, чтобы зло, которое поселилось в сердцах людей, растаяло, чтобы в них воцарились мир и добро, чтобы потомки не повторяли ошибок своих отцов, были открыты душой, приносили светлые, добрые изменения в свое село, свою малую родину.

К сожалению, сегодня в Калинино много проблем: памятники архитектуры уничтожены, дороги разбиты, здание школы, построенное в 1937 году, в аварийном состоянии.

Как я могу судить, школьному вопросу внимание уделялось только в тридцатые годы, когда школа строилась, и в 1947–1950 годы, когда Сираж Макиев и аулие Губайдулла построили второе здание школы. Следующие значительные подвижки в школьном вопросе произошли в начале девяностых годов, когда председателем колхоза работал Жумабай Елекенович Жумалиев. На пленуме райкомпартии он заявил о необходимости реорганизовать Калининскую девятилетку в среднюю школу. Это предложение встретило противодействие и упорное сопротивление со стороны скептиков, но благодаря настойчивости и волевому характеру этого человека вскоре в Калинино были открыты средняя школа и новый детский сад, который по сей день приветливо распахивает двери для маленьких калининцев.

После Губайдуллы Калиевича директорами школы были Жамали Исимович Исимов, Утеуле Кошмухамбетович Дюсембаев, Николай Ищанович Лукманов, Адильбек Нахуович Тураков, Мади Шукурович Абуев. А должность председателя колхоза занимали Габбас Абуевич Абуев, Шайдулла Батыргалиевич Ахмедов, Фазыл Низаметдинович Маркаев, Дауд Биисович Ихсанов, Рахим Иксанов, Талфых Урумбаев. Каждый из них работал на благо села. Но вместо доброго слова они получали за свои труды только критику, упреки и даже судебные иски. Один из известных писателей вопрошал: «Есть ли что-нибудь чудовищнее неблагодарности человека?» Действительно, человеческая неблагодарность не знает границ. Наверное, такая лютая болезнь поразила сердца людей, что они не видят доброго труда других, при этом живут по принципу: «Моя хата с краю – ничего не знаю», бездействуют, не желают поднимать свою

родину на патриотическую высоту, прилагать усилия, чтобы прославить родные края.

Размышляя об этом, я продолжал свой путь.

На территории Калининского сельского совета располагаются четыре места захоронения усопших: Ак Кусе, Кабаний бугор, Кашкын-тубе и Алтын-тубе, или Малоярское. Меня очень огорчает, что эти захоронения, последние пристанища чьих-то родителей, дедушек, бабушек, находятся сегодня в запущенном состоянии. Во время большой жары и нашествия комаров сюда забредают табуны лошадей и ломают хрупкие саманные ограждения. Благоустроить территорию захоронений – значит отдать дань памяти и уважения покоящимся здесь людям.

Почтив память усопших на зирате Кабаньем, мы отправились в обратный путь. Наша долгая, тихая дорога навевала воспоминания, которые вернули меня в детство.

Шел 1949 год, середина мая. Кругом царил безмятежная тишина. Река, разлившаяся широко и величественно, вышла из берегов, а ее чистые, прозрачные воды переливались серебряным блеском. За рекой, на другом берегу, стояло маленькое село Новокаргино. Вечернее безмолвие вдруг нарушило бляние овец и протяжное мычание коров, подгоняемых пастухами. В кронах деревьев послышался веселый птичий гомон. В тех местах водилась маленькая птичка, которая, вбирая какое-то количество воды, громко укала, казахи называют ее аупильдек. Нас, маленьких ребятишек, этот звук очень пугал. Тут из-за поворота появился аулие Губайдулла, он подошел ко мне, взял за руку, и мы вдвоем пошли по тихому берегу, вдоль которого растянулась вереница бударок и реюшек, причаленных для защиты от волн.

В вечерней тишине слышно было, как к пристани подходит пароход. А мы с аулие Губайдуллой не спеша шли по берегу, потом заглянули на маслозавод. Аулие Губайдулла поинтересовался у девушек-работниц, какие у них успехи, а они в ответ предложили продегустировать свежее сливочное масло, аулие Губайдулла, посмеиваясь и подшучивая над ними, похвалил их за труд, и мы пошли дальше.

Я тогда очень любил ситро, а его продавали только в буфетах пароходов. И вот вместе с аулие Губайдуллой мы поднялись на пароход, и у меня в руках оказалась бутылочка с любимым напитком. Мне казалось, что это и есть настоящее счастье.

Дальше наш путь лежал через рыбокп, магазины, пекарню, больницу, школу. Таким образом аулие Губайдулла обходил все объекты села, осматривая вверенное ему хозяйство, интересовался у жителей об их нуждах и проблемах. Заботу о сельчанах он считал своей главной задачей.

Тут меня потрянуло на кочках, и я вернулся из воспоминаний к действительности. Оказалось, что мы уже въезжаем в село, и я попросил подъехать к месту, где когда-то стоял наш старый саманный дом, где аулие Губайдулла провел последние минуты жизни.

Отчего дома давно уже нет, поэтому мы вместе с домочадцами сели на колени рядом тем местом, где он прежде находился, и я прочитал молитву, чтобы аулие Губайдулла нашел приют и милость Всевышнего на том свете.

Аулие Губайдулла ушел из жизни 29 ноября 1959 года. За день до этого землю припорошило снежком, однако ничего не предвещало зимней стужи. Но аулие Губайдулла чувствовал, что вот-вот ударит сильный мороз. Печку дома мы топили камышом, поэтому я взял ора и ушел в камышовую чашу, накопил камыша, погрузил его на телегу, запряженную волами, и вернулся домой.

В то время у села располагалась высоковольтная линия, местная электростанция обычно тарахтела до полуночи, а в полночь в домах отключался свет. Аулие Губайдулла, предчувствуя скорую кончину, просил председателя колхоза Габбаса Абуевича, своего ученика, подать электричество до часу ночи.

На предсмертном ложе аулие Губайдулла говорил также с известным костоправом, сыном великого коккоз-ата Шарипом Шомовым, просил похоронить его на бугре Кабаньем или на высоком месте по дороге к броду на реке Кара-Бузан.

Умирая, аулие Губайдулла подозвал своих детей и сказал: «Если вам будет плохо и тяжело, приходите к моей могиле и вам станет легче». И вот с тех пор хотя бы два раза в год мы бываем на могиле

аулие Губайдуллы. Это место для нас – источник духовных, моральных сил. Он помог нам выдержать крупные испытания, вынести трудности жизни, найти силы для борьбы с болезнями и преградами, помог моим детям встать на ноги.

В ночь на 29 ноября ударил двадцатиградусный мороз. Ровно в час ночи аулие Губайдулла простился с жизнью.

Снегу наутро было по колено. Габбас Абуевич дал указание расчистить дороги и подготовить автомобиль. Лед на реке Кара-Бузан тогда еще не совсем окреп, но чудесным образом автомобиль Газ-51, провожавший аулие Губайдулла в последний путь, переправился на другой берег.

Рядом с бугром Кабаньим раньше находилась птицеферма, в той стороне жил Байболат Кабдышев со своей семьей. Он часто говорил, что на могиле аулие Губайдуллы светится яркий огонек. Мы пытались объяснить это явление тем, что, возможно, его тело выделяет фосфор, который в жаркую погоду воспламеняется. Но Байболат был уверен, что это проявление чудодейственной силы.

Моя ненаглядная супруга работала в то время главным зоотехником, и ей часто приходилось и ночью, и днем ходить на контрольную дойку на фермы мимо могилы аулие Губайдуллы. И, как она утверждает, она всегда внутренне чувствовала его защиту и поддержку.

Такие люди, как аулие Губайдулла, приносят в мир только добро. И хотя их прах уже давно истлел, но своим незримым присутствием они продолжают помогать и оберегать. Как духовные наставники они учат нас справедливости и добродетели, верности и безоговорочной преданности Всевышнему, бескорыстному служению Богу и людям.

Известный хирург Николай Иванович Пирогов однажды заметил, что талантливые люди очень ранимы, к ним нужно быть очень внимательными, нужно создавать необходимые условия, которые позволят им приумножить свои таланты и принести пользу обществу. Одним из таких людей был аулие Губайдулла.

Мы уезжали из Калинино. Наша «Нива» по кочкам, по непроходимым дорогам везла нас домой. Я мучительно пытался найти

ответ на вопрос: почему же после стольких невзгод аулие Губайдулла в 1950 году решил вернуться в это село, ведь ему предлагали должности и в других школах? Это для меня оставалось загадкой. Но сегодня, анализируя этот поступок, я начинаю его понимать, ведь он был человеком благородным и не держал зла на людей.

Его по сей день помнят в Володарском районе. Недавно в селе Тулугановка старожилы этого села, одной из которых уж за восемьдесят лет, вспоминали его, приговаривая, что Губайдулла-агай – это великий человек. Помнят о нем и в других селах района: и в Кызыл Тане, и в Тюрино, и в Володаровке.

Память о наших предках – главное наше богатство. Сохранить память об отцах и дедах, дорожить ею, передать будущим поколениям те добрые традиции, на которых воспитывались мы сами, учить их чуткости, доброму отношению к людям и всему окружающему, как учили нас наши родители, – в этом заключается наша главная обязанность.

В архивах аулие Губайдуллы, датированных 1953 годом, есть строки, которые можно перевести с казахского так:

Чистоту совести не иметь,
Багыру родину не иметь,
Хайваны кругом на чигире,
Удел бездушных – злой удел.

Хотелось бы, чтобы наша молодежь изучала и бережно хранила историю своих предков, историю своей родины. Быть может, тогда добрые семена дадут добрые всходы.

Дорога, по которой мы ехали, объединяет Марфино с Калинино. По этой дороге мы везли из роддома наших детей. Вот мы проехали село Карататыр, где появилась на свет наша дочь Соня. Годы промчались, исчезли в туманной дали, словно затерянные следы аргамача. Таково течение жизни: умирают одни, рождаются другие. Но хотелось бы, чтобы всегда мы стремились к такой жизни, которая приносила бы радость людям.

СОКЫР ІНГЕН

Урочище Мынтыюбе – живописное, очаровывающее взор место. Мынтыюбе в переводе с казахского означает «тысяча холмов». Холмы эти образовались в результате отступления Каспийского моря с севера на юг. Удивительная красота местных ландшафтов действительно потрясает. Под ясным небом великолепным зеленым ковром раскинулись бескрайние безмятежные луга. По склонам холмов пробегают узкие извилистые дорожки. Луга эти богаты кормовыми травами и использовались в качестве пастбищ для скота. Конечно, в этих местах занимались исключительно скотоводством: разводили верблюдов, лошадей, овец, коров. Казахи с древних времен верили, что у этих четырех видов животных есть свои мифические боги: богом овец считается Шопан-ата, богом верблюдов – Ойсыл кара, богом коров – Зенги-баба, богом лошадей – Камбар-ата. Эти верования нашли отражение и в эпосе казахского народа.

Самый высокий холм в урочище Мынтыюбе называется Карагоз Йалаган, что в переводе на русский означает, что на вершине этого холма гнездились ястреба. Здесь, на этом высоком холме, было кладбище рода Агатай-бериш.

У подножия холма с давних времен жили казахи. Они строили саманные дома, которые называли «кыстау», что значит «зимовье». В летнее время они погружали свой скарб на вьючных верблюдов, на телеги и перебирались в места летних стоянок, перегоняли скот на летние пастбища и там разворачивали юрты. Такой кочевой образ жизни вели несколько семей из рода Агатай-бериш. Старшим представителем рода был Курманали-ата.

Верблюд у казахов издревле пользовался большим уважением. Казахи называют верблюдов по-разному: інген – верблюдица, которая приносит верблюжат, нар – одногорбый верблюд, который выполнял в основном перевозки тяжелых грузов, бура – верблюд мужского пола, бота – верблюжонок, тайляк – годовалый верблюжонок.

* * *

Белая інген уже вот-вот должна была разродиться, поэтому Курманали-ата наказал сыновьям Кали и Сундету зорко смотреть

за ней, чтобы верблюжонок благополучно родился. Каждый день когда на конях, когда пешком они следили, чтобы верблюдица всегда была на виду. И вот наконец сыновья прибежали к отцу и известили о том, что верблюжонок должен вот-вот появиться.

Дедушка Курманали-ата, а ему уже было в это время за восемьдесят лет, быстренько встал, подпоясался, взял нагайку и, сев на коня, направился к восточному склону холма, где обычно паслись верблюды. По приближении он увидел, что верблюдица уже рожает. Дед слез с коня, вместе с сыновьями они опустили на колени и, подняв руки перед лицом, стали молить Всевышнего, чтобы всё благополучно разрешилось.

Инген была очень красивой, все остальные верблюды не могли сравниться с ней по красоте. И вот на свет появился белый-белый, мохнатый-мохнатый верблюжонок – казалось, это копия его мамы. Верблюдица облизывала своего верблюжонка, тот нежился и то клал свою голову на голову мамы, то старался подняться на ноги, падал, потом снова вставал, а Кали и Сундет смеялись над ним. Курманали-ата в то время молился и просил Аллаха дать благополучия белому мохнатому верблюжонку. Юную верблюдицу прозвали Ак бота.

Ак бота любила прыгать и резвиться возле мамы. Когда мальчишки звали ее по имени: «Ак бота, ты где?», она уже издали кричала им в ответ: «У-у-ух! У-у-ух!» Это был любимый звук верблюжонка. Мальчишкам нравилось играть с ней, гладить ее, а она, бывало, пускалась от них вскачь и бегала вокруг мамы. Ребятишек это очень смешило, и они громко и заливисто хохотали.

Ранним утром в урочище все уже были на ногах: женщины доили верблюдиц, кобылиц, коров, дети тоже были на ногах, помогали матерям и бабушкам относить ведра с молоком, кумысом, шубатом домой, телят отгоняли на пастбище, верблюжата и жеребята бегали вокруг – вот такую интересную картину можно было наблюдать каждое утро.

Как-то раз дед Курманали услышал зов своей старушки: «Скорее, верблюжонок Ак бота ударился головой!» Дед прибежал к желе – это место, куда подвязывают уздечки, привязывают скотину во время дойки, подошел к Ак бота, погладил верблюжонка, почесал

за ушами, похвалил, осмотрел внимательно и, ничего не сказав, ушел домой. А когда все домочадцы собрались за достарханом – было время завтрака, – наконец произнес: «По-моему, Ак бота не видит, верблюжонок слепой...»

Это действительно оказалось так: верблюжонок не видел.

Время неумолимо мчалось, менялось всё вокруг, старики уходили из жизни, дети повзрослели, выросла и Ак бота.

Верблюды выполняли разные функции: помогали в труде, здоровые верблюдицы приносили потомство. Ак бота тоже нашла свою нишу в кишлаке. Весной все собирались на джайляу, грузили на однопоробого верблюда или телеги, запряженные верблюдами, всю необходимую утварь, выбирали хорошее место, где есть кормовая трава, перегоняли туда скот и оставались на джайляу до поздней осени, пока не наступали холода, а с наступлением холодов возвращались в свои землянки. Так протекала жизнь в урочище Мынтюбе, так протекала жизнь верблюдицы Ак бота, сопровождавшей чабана на джайляу.

Чабанские точки, юрты находились далеко друг от друга. Каждый хозяин имел свое определенное место, где пас скот и куда каждый год отправлялся на джайляу. Сообщение между ними было очень простое – связь держали с помощью коней, верблюдов. Если были какие-то плохие вести, высоко над юртой стоял шест, на вершине которого зажигали фонарь, – это служило сигналом другим.

Ягнят, козлят, жеребят, коих было множество, хозяин грузил на телегу – на телеге было приспособление в виде загона, – и верблюдица тянула телегу к месту стоянки, там всю эту компанию загоняли в специальные загоны, пока они не окрепнут. Первые дни их кормили из бутылок, они требовали заботы.

В функции Ак бота входило подвозить, отвозить какие-нибудь грузы. Также она, запряженная в телегу, сопровождала в последний путь тех, кто отошел в мир иной. Колеса телеги редко смазывались, поэтому по их скрипу можно было распознать приближение Ак бота.

Люди способны думать и анализировать пройденный путь. Мне кажется, Ак бота тоже умела думать. Мне кажется, что ей порой снились детские годы, когда она была маленьким веселым верблю-

жонком, что она часто думала о своей жизни и помнила всех, кто с ней говорил, кого она подвозила.

Слепая верблюдица была свидетелем многих событий – и радостных, и горестных, она была свидетелем, как женился Кали на красавице Айше, как женился Сундет на прелестной девушке из рода Байбакты и... как ушли из жизни Курманали-ата и бабушка Айшат.

Иногда можно было видеть Ак бота с тяжело опущенной головой, тогда приходила в голову мысль: «О чем же думает Ак бота? Что тревожит ее?»

Рано утром к кладбищу подъехал на своем коне сокыр Кадир, уважаемый старец, он жил недалеко от кладбища. Сокыр Кадир слез с коня, держа поводья в руках, отыскал камень, сел на него и задумался. Он много лет не видел, но хорошо слышал, всё знал, всё умел и часто говорил, что у слепого глаза – на кончиках пальцев. Местные агатаи просили его сыграть на домбре, часто ездили к нему или приглашали его на тои (свадьбы), чтобы он сыграл на инструменте свои знаменитые кюи.

Он приехал на кладбище Карагоз Ййалаган попрощаться, проводить в последний путь старца, которого знали все в урочище. Он сидел в ожидании и вдруг услышал скрип колес, сразу узнав о приближении Ак бота. Телега уже была рядом, верблюдицу за мурындык держал парень. Проходя мимо сокыр Кадира, парень громко поздоровался: «Ас-саламу алейкум, аксакал». Сокыр Кадир ответил: «Уа-алейкум ас-салам, балам».

Мулла читал молитву, сокыр Кадир сидел на том же месте, тоже молился Аллаху, а поодаль стояла сокыр інген Ак бота. Они, сокыр Кадир и Ак бота, два существа, лишённые возможности видеть, друг друга почти не знали, но каждый из них мог бы понять чувства другого. Каждый из них размышлял о чем-то своем, а о чем – известно только Всевышнему.

Шло время. Берег моря отдалялся от Мынтюбе. В Забурунском районе жила красивая Латифа, дочь подрядчика Шакуша Шораева, и красивый парень из рода Агатай, сын Кали и Айши – Губайдулла. Он был грамотным молодым человеком, окончил медресе, прекрасно владел арабским, казахским языками, немного знал русский язык. После прихода к власти большевиков в Казахстане его

избрали представителем советской власти в урочище Мынтюбе. Молодые люди, Губайдулла и Латифа, полюбили друг друга, и, так как сословное неравенство их разделяло, они решили сбежать морем в Россию, в Астраханскую область, где мечтали начать новую жизнь.

Братья Губайдуллы Нурмухан, Жалмухан, Ермухан и друг детства Шылбыр на конях украли красавицу Латифу из рода Адаев. За ними по пятам мчалась погоня, но им удалось запутать следы, а Латифа и Губайдулла, попрощавшись с братьями и другом, уже садились в лодку и поднимали парус. Верный пес Алак визжал и лаял, потому что чувствовал, что хозяин его оставляет.

В это время Губайдулла услышал знакомый звук: «У-у-ух! У-у-ух!» и воскликнул: «Это же Ак бота кричит, слышишь, моя ненаглядная? Это слепой верблюд! Как же она могла дойти до берега моря, ведь Мынтюбе находится так далеко?!» Все очень удивились. Губайдулла был уверен, что ему не показалось и он правда слышал Ак бота. Он очень любил верблюдицу, всегда заботился о ней, угощал пряностями. Губайдулла вдруг погрузился, ведь ему приходилось прощаться с дорогим существом, которое почувствовало, что хозяин покидает его навсегда. Еще долгое время в голове Губайдуллы звучал голос слепой верблюдицы, а он гадал, действительно ли Ак бота была на берегу или ему показалось.

Наконец молодой Губайдулла и красавица Латифа морем прибыли в Астраханскую область, где начиналась новая страница их жизни. Ак бота тем временем оставалась в Мынтюбе.

Долгие годы Губайдулла не забывал Ак бота, эту слепую верблюдицу. Впервые я услышал данную историю, когда мне было где-то четырнадцать лет, и с тех пор часто ее вспоминал, особенно когда сам ослеп в 2001 году после долгой работы в школе. Я часто размышлял: почему отец сам рассказал мне ее? Он как будто бы знал наперед, предвидел, с чем мне придется столкнуться. История Ак бота учит, что, даже не видя окружающего мира, можно почувствовать его красоту и гармонию своим сердцем – прозреть сердцем. Жизнь прекрасна, и нужно ценить ее во всех проявлениях.

ДВЕРЬЕ ПЕРЕМЕНЫ

В послевоенный период – 1947–1950-е годы – детей в Калинино стало постепенно прибавляться, к тому же в Калининскую семилетнюю школу приезжали дети из близлежащих сел, жили они в интернате. Типовое здание школы с надписью «1937» имело четыре классных кабинета и гимнастический зал. Работало учреждение в две смены, но места для проведения внеклассных и других мероприятий всё равно не хватало. Таким образом, соответствующих условий для того, чтобы принимать всех детей, чтобы они могли учиться и комфортно жить в интернате, при школе на тот момент не было. Поэтому пришлось думать о том, как решить эту проблему. В послевоенные годы район не имел возможности строить новые образовательные учреждения. В отличие от Калининской, в других селах школы находились в еще более удручающем состоянии: по три-четыре (а где и больше) ветхих здания были разбросаны по территории населенных пунктов. В таких условиях детям приходилось учиться.

Понятное дело, страна только оправлялась после войны, всюду царил разруха. Но задача расширения школы являлась первоестественной. Тогда было решено самостоятельно, силами родителей, педагогического коллектива, колхоза, общественности строить новое здание. Подключили к этому вопросу и районную администрацию, которая пообещала помочь с приобретением столярки, материалов для крыши и так далее.

Летом, когда рыбаки вернулись с моря, принялись изготавливать саманные кирпичи. В стройке участвовало всё село – и мужчины, и женщины, и дети. Не считаясь со временем, все выходили на стройку, как на субботник или воскресник. Ребятишки-старшеклассники вместе с родителями готовили месиво самана. Оно делалось следующим образом: на большом перепаханном участке земли в виде круга укладывали солому, для того чтобы кирпич укреплялся; потом ребятишки на лошадях по кругу перемешивали раствор – детям кататься на лошадях было очень интересно. Родители носили саманную глину мастерам, которые на выровненной площадке выкладывали с помощью формочек саманные кирпичи размером 40x20x20. Некоторое время они сохли, а так как в то время часто шли дожди,

чтобы саманные кирпичи не промокли, женщины и мужчины вели дежурство – иной раз приходилось кирпичи накрывать от дождя. Когда они высыхали, на телегах с запряженными лошадьми – в то время это был единственный транспорт – готовые кирпичи подвозили к месту стройки. Определили размеры, границы строения, подобрали мастеров из числа родителей, рыбаков, которые вернулись с моря. И началась кладка здания школы. Лес для балок пола и потолка подвозили из райцентра. Посильные столярные работы, например изготовление рам и дверей, выполнялись в колхозе, в колхозной мастерской, а более трудоемкие – в районе.

Примерно к 1951 году всенародная стройка была закончена и новая школа приняла в свои стены первых учеников. Новое здание было построено почти по тому же проекту, что и школа 1937 года: длинный коридор, четыре кабинета плюс библиотека и буфет. Два здания-близнеца располагались друг напротив друга, разделял их забор из штакетника. Из кирпичей вымостили дорожки – цемента тогда не было, поэтому приходилось использовать имеющиеся материалы. Школа получилась неплохой. Я ее помню, в ней довелось учиться и мне. Сейчас участники той стройки – почтенные люди, которым уже за семьдесят лет.

Главным координатором строительства новой школы, объединявшим общественность, родителей учеников, колхозников, был председатель колхоза Губайдулла Калиевич. Та школа, построенная общими усилиями, стояла очень долго, и местные жители до сих пор называют ее школой Губайдуллы Калиевича Калиева.

Я к чему это говорю? Я веду речь о том, что любое хорошее дело объединяет людей. Когда люди заняты общим благородным делом, каждый из участников этого движения проявляет всю свою активность и целеустремленность, желая добиться общего успеха. А для детей результат общей работы, в которой они принимали непосредственное участие, становится более ценным. Они говорят: «Это наше, мы сами строили». Сотрудничество родителей, педагогического коллектива, общественности, детей – это великая сила.

Во времена Советского Союза после окончания учебных заведений молодых специалистов по всесоюзному направлению распределяли по местам работы. И в Калининской школе трудились

учителя, которые приезжали по направлению из других регионов страны. Например, Мариам Айвазовна Канеева, Менслу Абдировна Абдирова, Дамиля Жарасовна Жарасова, Таисия Тихоновна Крашенинникова. Многие учителя впоследствии остались в селе, нашли здесь свою судьбу. К примеру, Мариам Айвазовна Канеева, которой сейчас девяносто семь лет, долгие годы работала в Калининской школе завучем, учителем химии и биологии. Этого прекрасного учителя помнят ее бывшие ученики, а им сейчас, наверное, уже под семьдесят-восемьдесят лет. Дамиля Жарасовна Жарасова много лет жила и работала в Калинино, потом переехала в другое село Володарского района. Менслу Абдировна Абдирова тоже связала свою жизнь с Калининской школой, здесь же, в Калинино, она вышла замуж, здесь в их семье появился сын Карим, и здесь же Менслу Абдировна похоронена. Таисия Тихоновна Крашенинникова долгое время работала в школе учителем словесности, позже переехала в Астрахань, ее не стало в начале 2000-х годов. Гузаир Жумагалиевич Жумагалиев живет в городе Камызяке, в Калининской семилетней школе он был учителем физкультуры. Жамали Исимович Исимов занимал должность директора школы после Сиража Макиева. Галлям Сайпеденович Самарханов долго работал завучем после Мариам Айвазовны Канеевой, потом переехал к детям в Алма-Ату, работал в одной из средних школ Капчагая завучем. Это был человек великолепной души, прекрасно играл на домбре. Он часто приезжал, и мы устраивали товарищеские встречи в те прекрасные молодые наши годы. Губайдулла Калиевич когда-то открыл дорогу в педагогическую деятельность для Имамурата Джарденовича Кушербаева, и он долгие годы работал учителем начальных классов, потом учителем казахского языка, умер он в начале 2000-х годов. Всё это были люди, воспитанные на примерах выдающихся педагогов, последователей К.Д. Ушинского, В.А. Сухомлинского, А.С. Макаренко. Они душой и сердцем переживали за детей, за будущее поколение.

Одним из тех директоров школы, которых вспоминали добрым словом долгие годы, был Сираж Макиевич Макиев. Но проработал он недолго. Он заболел, и в самые лучшие свои годы, в 1952 году, умер, прожив на земле сорок два года. Похоронен Сираж Макиев

на кладбище на бугре Кабаньем. Внуки Сиража Макиевича ныне живут в селе Водяновка Приволжского района, они тоже уже дедушки и бабушки, у дочери Сиража Макиевича Гульнары – Гуленьки – сын и дочь, которым тоже предстоит обзаводиться своими семьями.

После Сиража Макиевича директорами школ были Жамали Исимович Исимов, Утеуле Кошмухамбетович Дюсембаев, Николай Ищанович Лукманов, Адильбек Нахуович Тураков, Мади Шукурович Абуев, Иосиф Губайдуллаевич Магзамов и другие. Директора сменялись, но память о тех из них, кто сделал большую работу для Калининской школы, сохранится.

В 1970 году школу, которую считали всенародным творением, разобрали. Потолок в одном из кабинетов просел, и здание, по просту говоря, разошлось по рукам – кто рамы забрал, кто кирпич. Я считаю, что это было неправильно, потому что можно было перекрыть потолок или найти альтернативные варианты, тем более что к тому времени в школе обучалось свыше четырехсот учеников.

С тех пор прошло много лет, было достаточно времени, чтобы решить вопрос: либо построить новое здание, соответствующее потребностям, либо возвести второй этаж в здании 1937 года постройки, но ни один из директоров эту проблему не поднял. Однажды в товарищеском разговоре с директором Калининской школы я обратил его внимание на то, что детям-старшеклассникам приходится ездить кому в Володарскую, кому в Марфинскую школу и посоветовал поставить этот вопрос в районной администрации – открыть два-три дополнительных учебных класса, добавить небольшое количество часов, предоставить школе статус среднего общеобразовательного учреждения. И вот в начале 1990-х годов Калининская девятилетка была реорганизована в среднюю школу. Ее надо было расширять, и благодаря председателю колхоза Жумабаю Еленковичу Жумабаеву, серьезному и ответственному руководителю, к основному зданию школы пристроили два учебных кабинета. Позже в Калинино появился детский сад, но место оказалось выбрано неудачно, на болотистом участке. Тем не менее по настоящее время в этом здании располагаются и детский сад, и кабинеты школы. А ведь за эти сорок-пятьдесят лет можно было провести масштабные преобразования.

Я часто бываю в Калинино, это моя родина, нынешнее руководство села – мои ученики, я у них спрашиваю: как же они до сих пор не могут решить вопрос о строительстве дороги? Ведь если есть дорога – значит, есть и жизнь у села. Тут в силу снова вступает человеческий фактор. Существуют в Калинино и другие проблемы. Разве мало на селе проблем? Вот к чему я веду этот разговор: на мой взгляд, золотой слиток человеческого потенциала пришелся на те, прежние времена – военные, послевоенные годы, когда люди были устремлены к общим идеалам и слово «надо» для них не было пустым звуком.

Еще раз вспомним о том, что в Калинино 1947–1950-х годов были все необходимые социальные учреждения: школа, больница (стационар, роддом, амбулатория), пекарня, маслозавод, рыбкоп, колхоз имел свои подразделения, производил собственную продукцию – всё было сосредоточено в одном селе, колхозники являлись полноправными хозяевами этого села, всё решалось на месте, а не то что сейчас. Много в Калинино поменялось, и поменялось, не побоюсь этих слов, не в лучшую сторону. Сегодня, например, в селе нет больницы, только небольшой фельдшерский пункт, да и то отсутствует медицинский работник. Это обязывает районное и местное начальство задуматься. Там, где продуманы социальные аспекты жизнедеятельности населения, – люди более воспитанны, более образованны, врастают корнями в свою землю, украшают эту землю. А что говорить сейчас, если почти вся молодежь из села Калинино уехала, ищет работу в Астрахани или за пределами области? Это не дело, эти проблемы надо будет решать.

Хотя я живу в Приволжском районе, тем не менее я – коренной володарец, проблемы села мне близки, поэтому на разных уровнях власти, будь то на уровне района или области, я всегда говорю в открытую. Давайте посмотрим правде в глаза. Кого мы пытаемся обмануть, оправдывая нынешнюю ситуацию событиями 1991 года? С того времени прошло много лет. Ну, назовем не колхозом, не совхозом, которые многие руководящие лица целенаправленно разваливали, хотя и понимали, что это – движущая, объединяющая коллективная сила. Люди работали, занимались не только делами колхоза, но и вели личные хозяйства. Назовите иначе, но объедините,

например, колхоз «Энбек» (ныне «Калининский»), найдите для молодежи интересное дело, расширьте отрасли, пусть ребята работают, заинтересуйте хорошей зарплатой, тем же рыбаком сейчас не зазорно работать. Тогда село станет совсем другим, похожим на то Калинин, что было в наши детские годы. Хотя, конечно, тогда таких архитектурных сооружений, как современный клуб в Калинин или современные жилые дома, построенные с помощью коммерческих банков частными застройщиками, не возводили. Тогда строили саманные дома с плоскими крышами, которые я описывал в своей первой книге «Две дороги, две судьбы». В то время условия жизни были хуже, но что-то нас объединяло – какая-то невидимая сила, сила любви к своей малой родине. Несмотря ни на что, люди жили, творили и не теряли надежду на лучшее.

Я нередко бываю в тех школах, в которых работал. 29 октября каждого года, в день рождения комсомола, я обязательно посещаю Калининскую школу. И вот как-то раз, в одно из таких посещений, собрались старшеклассники, учителя, многие из которых у меня учились. Я задаю им вопрос: «Помните ли вы Макиева Сиража Макиевича, Николая Ищановича Лукманова?» Никто не помнит. Спрашиваю: «А помните ли вы меня, Геннадия Губайдуллаевича Калиева?» Многие не помнят, не знают. Конечно, они и подавно не знают, кто такие Губайдулла Калиевич Калиев и Иргали Тюлендиев, первый председатель колхоза «Энбек». Почему? Потому что об этом не рассказывают, не говорят.

Для того чтобы мы не растили Иванов, родства не помнящих, нужно продумать систему работы школы, ведь школа – это не просто образовательное учреждение, это центр культурного и духовного развития детей, место, где воспитывается наше будущее поколение: будущие председатели, директора, учителя. Молодое поколение обязано поднимать и прославлять свою малую родину. А как? Думаем ли мы об этом? Я часто сравниваю «Моральный кодекс строителей коммунизма», которым мы руководствовались в те годы, когда атеизм был элементом государственной идеологии, и Коран (раньше я сам читал Коран, но так как давно потерял зрение, моя ненаглядная сейчас читает мне его). В основе Корана и «Морального кодекса» лежат одни и те же принципы и ценности.

Коран преследует цель воспитать человека порядочного, добродетельного, верующего, любящего свою родину. И Библия, и «Моральный кодекс» требуют того же. Цели одни и те же. Поэтому, чтобы стать настоящим человеком, нужно во что-то верить. Что-то для человека должно быть самым ценным.

В настоящее время в Калинино нет ни церкви, ни мечети. Русских жителей в селе не было, но говорят, что две-три семьи там поселились. Однако мечеть нужна, чтобы подрастающее поколение учить основам, принципам, назначению веры. Школа тоже должна прививать детям моральные ценности, чтобы они выросли порядочными, любящими свою родину, верными своей малой родине людьми.

ЛАТИФА

Наше поколение жило в советское время. Каждый советский человек должен был неукоснительно следовать нормам и требованиям «Морального кодекса строителей коммунизма». Он был своего рода коротким программным документом для советских людей, очень красиво оформлялся и вывешивался на больших щитах. «Моральный кодекс» провозглашал такие нравственные принципы, как честность, скромность, взаимопомощь и взаимоуважение, когда человек человеку – друг, товарищ и брат. Во времена моей юности, молодости, когда я учился, работал, люди намного больше помогали друг другу. К примеру, если человек поймает две рыбки, то одну он отдаст соседу на уху. В нынешнее время он эту рыбу продаст.

Однако зачатки сегодняшнего нашего образа жизни обнаруживались уже тогда, в конце сороковых годов. У Губайдуллы и Латифы было много друзей, родных, близких, которым они помогли перебраться из Казахстана в Россию. Если им что-то было нужно, Губайдулла и Латифа отдавали последнее со своего достархана. Они пережили и горести, и беды, но за добродетельность, праведную жизнь Всевышний одаривал их Своей милостью. У них остались дети, внуки, которые берегут по сей день светлый образ своих предков.

В 1949 году, когда Губайдулла был очернен стервецами из колхоза «Энбек», несмотря на все его труды во благо колхоза, он был осужден вместе с председателем райисполкома Хайдаром Дюйсималиевичем Ирмуратовым. Но через два года, после смерти Сталина, их реабилитировали и вернули в ряды партии. Кого ни возьми из руководителей села: директоров школ, председателей колхозов, парторгов, я не помню, чтобы кто-то из них пошел вверх по карьерной лестнице за высокие достижения, высокую оценку работы местными жителями. Наоборот, это село покидали как проклятые. Отдавали себя целиком работе, а уходили словно дрянные люди, вредители. Говорят ведь: умеи открыто в глаза сделать замечание за проступок, сказать правду, умеи ценить людей, которые делают доброе дело для тебя и твоих детей. Но, насколько я помню, полсотни руководителей было в этом селе – никто до сих пор не удостоен ни наград, ни званий, не отмечен в исторических источниках. Я часто езжу в Калинино, в школу, где учился и начал трудовую деятельность. Там нет даже музея, а в коридоре до сих пор висит стенд «Они сражались за Родину», который в 1969 году я своими руками сделал ко Дню Победы вместе с Сапаром Джунусовичем Ермишевым. Неужели нет ни одного человека, который соберет архивные материалы о людях, внесших большой вклад в развитие школы и села, и возьмется за создание сельского музея?

Многие люди, работавшие в Калинино на заре советской власти, начиная с бая Иргали Тюлендиева, ушли как оплеванные, опозоренные. О них никто сегодня не вспоминает. В 2003 году я выпустил диск на казахском языке «Гулпардын туягы» («Копыта тулпара»), где описываются династии людей, которые жили и живут в этом селе; рассказывается об односельчанах, колхозниках, людях, которые отдали свои жизни на полях сражений в Великой Отечественной войне; названы имена людей, которые в шторма работали в море, в тяжелые времена трудились для фронта, для победы; имена людей, которые работали в селе в разных отраслях производства, в школе, больнице и других учреждениях, отдавали свой труд для этого села; имена тех, кто ушел из жизни, не получив даже благодарности. То же случилось и с Губайдуллой Калиевичем в 1949 году. Небольшая группа людей говорила: сколько труда

человек вложил, а его несправедливо, ни за что ни про что осудили. Равнодушные молчали. Правду говорят: с молчаливого согласия равнодушных творятся неблагоприятные дела. Я нередко делаю замечания жителям села: «Сколько вы здесь живете, неужели не можете даже дорогу элементарно построить к селу?» А уж о школе, которая как была в заброшенном состоянии, так и остается, и говорить не приходится.

В 1949 году, когда задержали Губайдулла Калиевича, многие родственники замолчали, притаились. Нужно было нанять адвоката, нести материальные затраты. Но никто из них не помог, не откликнулся, не поддержал морально, хотя бы из уважения к тому, что Губайдулла для них сделал. Не поддержал даже брат Латифы Хаирле, который скитался все эти годы, где-то мотался, то появлялся, то исчезал, как молодой месяц, искал богатство, но и богатства не нашёл.

Зима, декабрь. Губайдулла задержан, находится в сизо, ожидает суда. Адвоката нанять не на что, денег нет. И вот из всех родственников отозвалась только тетка Латифы Нурзия. Она была слепой много лет и жила на окраине села Сорочье с внучкой Ару. Тетушка Нурзия отправила к Латифе внучку: «Ару-жан, съезди к тете Латифе. Скажи, пусть она приедет сюда, заберет сколько нужно коров, продаст, а деньги использует, чтобы нанять адвоката, чтобы Губайдулла-жан освободить». Это был человек редкой души. Таких родственников, к сожалению, больше не оказалось. Это была единственная родственница, слепая много лет, которая в трудную минуту откликнулась.

Губайдулла еще сохранял некоторый авторитет как бывший председатель колхоза. И хотя в это время уже был назначен новый председатель, завконюшней Мукуп отозвался на просьбу Латифы и по старой дружбе согласился запрячь сивого скакуна в сани. В трескучий мороз свободолюбивая, боевая женщина села в сани, конь, как бешеный, рвался вперед. Укутав сына в тулуп, Латифа надела шубу Губайдуллы, рукавицы, натянула вожжи и, как бы вальсировала, по бездорожью, через лед погнала на всех парах в Сорочье. К полудню она прибыла на место. Тетка стояла у дома, приветливо встречая племянницу. Они обнялись, поплакали.

Гордая, упрямая Латифа стойко проходила через все трудности, и эту беду, которая выпала на ее долю, она старалась вынести, потому что надеяться ей было не на кого. Выпив стакан чая, погрузив самую большую корову на сани и попрощавшись с тетушкой, Латифа с сыном отправилась обратно. Нужно было засветло добраться до дома.

На следующий день корову зарезали, продали, полученные деньги Латифа завернула в платочек, готовясь отвезти их адвокату, чтобы защитить Губайдуллу от несправедливых наговоров. Латифа плакала, просила Бога, чтобы сберег мужа. А время шло. Латифу ждало следующее испытание.

Как говорят: явился – не запылится. Вернулся брат Хаирле, который пропал где-то, странствовал, искал лучшей жизни. Он даже не знал, что Губайдулла в тюрьме. Будто желая помочь, Хаирле купил для сестры десять килограммов черной, ржаной муки и говорит: «Давай я пойду к адвокату, отдам ему деньги и вернусь». Надел новый белый полушубок Губайдуллы, прихватил что было ценного в доме, что можно было продать, взял деньги и скрылся на ближайшие десять-двенадцать лет.

Я этот пример привел в назидание. Когда человек попадает в беду, родные должны помогать, особенно если видели от него много добра.

В этом селе родных у Латифы не было, дети маленькие, поддержки ждать не от кого. Тогда она попросила односельчанина Науршу Джангалиева, отзывчивого человека, помочь переехать в Тюрино, где жил старший брат Губайдуллы Нурмухан. Наурша снарядил две бударки и, уложив все нехитрые пожитки Латифы, посадив женщину с детьми в лодку, подняв паруса, по ветру направился в Тюрино. Надо было идти вверх по течению через мыс Ак Кусе, Лебяжье, Марфино, Кудрино. К вечеру бударки были на месте. Там их особо не ждали, тем не менее предоставили необжитое саманное строение, куда Латифа вынуждена была вселиться. Сделали небольшой ремонт, насколько хватило сил, Латифа устроилась работать уборщицей в местную Тюринскую семилетнюю школу. Так складывалась дальнейшая судьба нестигаемой, сильной духом Латифы.

Ей предстояло ждать Губайдуллу, а пока самостоятельно поднимать на ноги четверых детей.

Шайхе

Зима 1942 года выдалась особенно суровая, трескучая. Сугробы были настолько глубокими, что снег заваливался за голенища валенок и сапог. Наш народ стойко и мужественно сражался против гитлеровских захватчиков. Жестокие бои велись на всех направлениях, немцы прорывались к Волге, с фронта приходили дурные вести. Наши земляки из Калинино воевали на Кавказе, где немцы пытались захватить перевал, чтобы получить доступ к грозненской нефти. Шли бои за Сталинград. Немцы рассчитывали, взяв город, перейти через Волгу и захватить Астрахань. В это время вся страна работала только для фронта. С предприятий, учреждений, колхозов, совхозов снимали лучших специалистов, которые пополняли ряды действующей Красной Армии. На защиту Сталинграда были брошены огромные силы.

Шайхе тогда только исполнилось семнадцать лет, и после окончания школы он пошел работать. С другом Хадимом на санях с запряженными лошадьми они часто ездили к девушкам в соседние села Мултаново и Новокрасное. Шайхе был бойким парнем, нравился многим девушкам, но сердце его принадлежало девушке по имени Мархаба.

По селу ходили слухи о том, что на фронте тяжелое положение, требовалось больше продовольствия и одежды. Семьи получали похоронки и извещения, где значилось «пропал без вести», редко кто в это время возвращался домой. Все были на войне. Женщины и дети с надеждой ждали своих мужей и отцов, молили Бога, чтобы эта война скорее закончилась. Шайхе, сын Губайдуллы, тоже торопился на фронт. В один из декабрьских дней он сказал отцу, что хочет записаться в добровольцы. Шайхе часто говорил, что не может отсиживаться в тылу, когда другие сражаются за Родину, но всё же его решение встревожило родителей. Мархаба тоже переживала за своего возлюбленного. Много времени они проводили вместе, и ча-

сто, когда отец спрашивал, где Шайхе, мать отвечала: «Наверное, он с Мархабой». Они дружили со школьной скамьи и свою дружбу и любовь хранили, несмотря ни на какие трудности.

Когда наступил январь 1943 года, Шайхе принял окончательное решение отправиться на фронт. Мархаба с тяжелым сердцем провожала любимого на сборы в Астрахань. Со сборного пункта в облвоенкомате его сразу направили в Татаробашмаковку на недельные курсы молодого бойца. Командир корпуса со словами: «Тебе только семнадцать! Куда ты такой молодой рвешься? Что тебе не сидится дома? Успеешь еще повоевать!» – не хотел принимать молодого человека. Но Шайхе отвечал, что не останется дома, когда рвутся снаряды, льется кровь, Родина в опасности. И командир не стал возражать. А в это время фашистские самолеты бомбили завод Сталина, недалеко от города падали зажигательные бомбы. Молодые парни и девушки, такие же как Шайхе, скидывали их с крыш и тушили. Это тоже было подвигом и требовало от юных ребят мужества.

В конце января отец и мать на рессорке-одноконке поехали проведать сына в Татаробашмаковку. Дни стояли ненастные, дул сильный, пронизывающий ветер. Предстояло переправиться на пароме через реку Чурку в Володаровке, Бузан – в Марфино, потом через Белый Ильмень, Кривую Болду, Прямую Болду, так как мостов тогда не было, а в Марфино до сих пор только паромная переправа – только таким образом можно было попасть в Астрахань, а оттуда в Татаробашмаковку на место сборов. Там отец договорился с командиром корпуса забрать сына на один день. Командир отпустил его на двое суток. Дома Шайхе сказал родителям: «Ну, какой прок из того, что я дома буду две ночи оставаться? Сегодня заночую, а завтра вернусь обратно в учебку, потому что мои ребята могут без меня уехать». Ранним утром Шайхе с небольшими пожитками, с котомкой за плечами покинул родной дом. Это была последняя его встреча с родителями, братьями, сестрами. В город его провожала Мархаба. Как потом она вспоминала, добирались они на попутках, едва успели доехать, а там уже формируется эшелон. Еще вчера молодые влюбленные строили планы, надеялись, что война вот-вот закончится и они поженятся, создадут

счастливую семью, у них появится много детишек. А теперь их ожидало прощание. Не в силах расстаться они долго-долго стояли обнявшись. Такой чистой любви, как у них, не было ни у кого. Вернувшись в село, Мархаба утешала родителей Шайхе и в то же время сама не могла сдержать слез. Первая любовь – прекрасное, светлое чувство. Только когда люди дорожат ею, умеют ждать во что бы то ни стало, воспринимают ее как Божий дар, тогда они способны сохранить ее на долгие-долгие годы.

Шли бои. Сельчане, застыв у репродуктора, с замиранием сердца слушали сводки Совинформбюро о ходе боев в Сталинграде и на других фронтах и с надеждой ждали вестей о своих близких и родных. Ждала своего любимого и Мархаба. От него долго не было писем. Долгожданную весточку девушка получила в конце февраля. Шайхе писал о том, что сидит в окопе под Сталинградом и скоро они поднимаются в бой. Потом снова наступило затишье и писем не было. Месяц за месяцем проходили в ожидании. Родители Шайхе и Мархаба пристально вглядывались в знаки и приметы. Например, существовала примета, что если на заборе сорока стрекошет, то вот-вот придет какое-то известие. И вот в середине мая, когда полноводные реки вышли из берегов, вся природа буйствовала, будто предвещающая недоброе, пришло извещение о том, что Шайхе пропал без вести. Мархаба надеялась, что Шайхе жив и всё же вернется. Прошел сорок третий, за ним сорок четвертый, сорок пятый год. Война закончилась. А в сорок шестом покалеченные ею земляки – кто без руки, кто без ноги – возвращались домой. Сельчане радостно, с цветами в руках встречали своих героев. Но Шайхе не возвращался.

Мархаба, скрывая ото всех слезы, продолжала ждать. Она была красивой девушкой, среднего роста, с тонкой талией и косами толщиной с локоть. Как говорят: красивые не могут быть счастливыми.

Годы шли. Мархаба ждала любимого очень долго. А когда наконец собралась выйти замуж за другого человека, девушка пришла к матери Шайхе, чтобы попросить благословения, хотя она могла бы этого не делать. Долгие годы муж ее работал председателем колхоза «Белек», потом они уехали в город Уральск, у них появились дети. Она часто приезжала в Калинино к родственникам и всегда

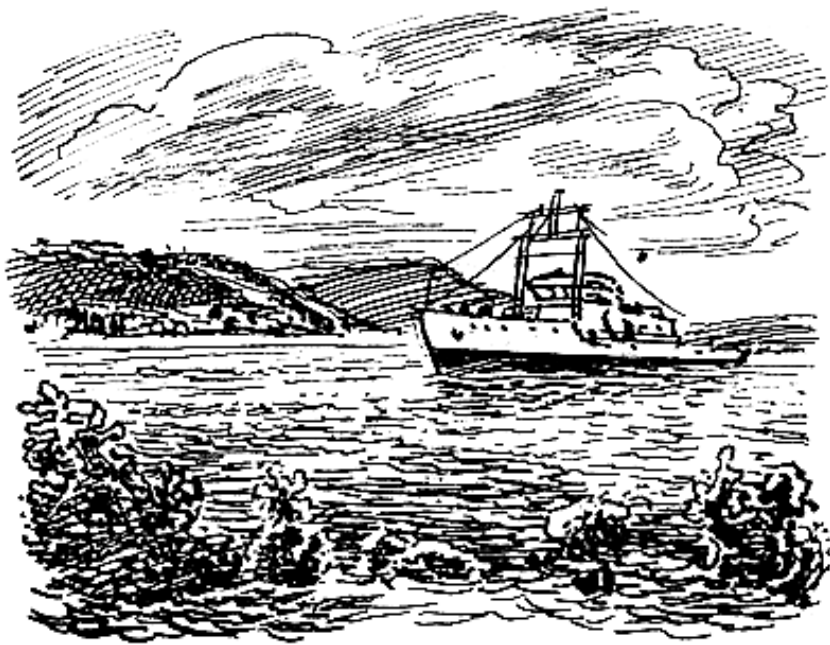
забегала к матери Шайхе, вместе они оплакивали дорогого им человека. Воспоминания приводили ее в те места, которые хранили счастливые моменты их первой, чистой любви. Она бродила у реки, где до войны они с Шайхе подолгу сидели на высоком яру, любовались друг другом, купались, дурачились, хохотали, кидали друг друга в воду, брызгались, ныряли. Ходила на старую баржу недалеко от берега, куда они забирались, прятались и там долго-долго целовали друг друга. Однажды она рассказывала, как ездила в Волгоград, на Мамаев курган, и в списках защитников Сталинграда долго-долго искала имя Шайхе...

Мархабы уже нет, лет пятнадцать минуло с тех пор, как ее не стало. Последние годы ее жизни мы не виделись, правда, однажды я звонил ей в город Уральск. Это был наш последний разговор. Шайхе и Мархаба – 1926 года рождения. Сейчас им было бы за 90 лет. Люди часто говорят, что любовь и дружба забываются. Это неправда. Сильные духом люди сохраняют чувства в своих сердцах. Они берегут любовь, как берегут в шкатулке драгоценный камень.

НА ПАРОВОДЕ

Летом одно удовольствие совершить прогулку на пароходе.

Двухпалубные «Красная Башкирия» и «Панфиловец» ходили по очереди. Пароходы отчаливали от 17-й пристани города Астрахани часов в шесть вечера. Солнышко потихонечку садилось, приятно освежала вечерняя прохлада. В тихую погоду большинство людей располагалось на верхней палубе, чтобы полюбоваться открывавшимся городским пейзажем. Пароход поднимался вверх по Волге, потом неторопливо поворачивал на Кривую Болду, по Кривой Болде шел мимо Кирикилей, спускался вниз по реке, оставляя позади много-много сел. К утру пароход добирался до Марфино, потом до Калинино, проходил мимо Тюрино и направлялся в сторону Казахстана, мимо МРС, Котьявки, Чертонбая, и возвращался обратно – таков был обычный маршрут парохода. Пассажиры старались выбрать места поудобнее, чтобы приятно провести время. Те, кто ехал чуть поближе – в Новый Рычан, Камардан, – не привередничали,

потому что уже ночью прибывали в назначенные места. Те же, кто направлялся в Марфино, Калинино, Мултаново, тем более в Казахстан, наряду с приятными впечатлениями от поездки, встречали и неудобства. К примеру, в июле пассажиров к вечеру начинали одолевать комары. Поэтому, чтобы как-то от них спастись, часть освещения на пароходе отключали. Пароходы в то время использовались как для перевозки пассажиров, так и для транспортировки грузов. Из Астрахани на пароходы грузили муку, крупу, сахар, которые выгружали на пристанях, расположенных по пути следования пароходов. Это были послевоенные 1946–1948 годы.

Та самая красивая, немножко избалованная дочь забурунского подрядчика Шакуша Шораева Латифа ехала из Астрахани, куда возила к врачу сынишку, появившегося на свет в годы войны, которая унесла ее старшего сына Шайхе. Рожденные после Шайхе дети тоже долго не жили, умирали. Горе, постигшее семью Губайдуллы и Латифы, заставляло их часто задумываться, почему им так не ве-

зет в этой жизни. Латифа вспоминала Забуруны, Мынтюбе, их друга Шылбыра, пса Алака, который был очень привязан к Латифе, и она любила этого пса и угощала его мясом, баурсаком, сладостями, когда они гуляли с Губайдуллой по берегу моря. Вспоминала, как Губайдулла нашел ее, сбежавшую из дому, в степи, как вдвоем с возлюбленным они на лодке бежали в Астраханскую область, не получив благословения ее родителей, и как Губайдулла в ночь, когда они садились в лодку, простался с отцом Кали и матерью Айшой. Это была последняя встреча, последнее свидание родителей с младшим сыном. Позже Губайдулла только посещал могилы отца и матери, которые подарили жизнь сыновьям Нурмухану, Ермухану, Жалмухану, дочке и младшему Губайдулле, которого они отдали красавице Латифе. Они знали, что такое любовь, ведь сами встретились при непростых жизненных обстоятельствах.

Латифа сидела на верхней палубе парохода, обнимая прижавшегося к маме сынишку лет четырех. Сожаления жгли ее грудь, она то плакала, то успокаивала себя, вспоминая детей, которых похоронила. Корила себя за то, что не уговорила Шайхе не идти на фронт, ведь ему не было и восемнадцати лет. Шайхе рос хорошим парнем, окончил семилетнюю школу с похвальным листом, был патриотом своей родины, умел любить. Таких война не жалеет. Латифа спрашивала себя, почему же жизнь так несправедлива к ним, почему вместе с радостью рождения детей Всевышний посылает им горе и беды. И вот еще сынишка заболел, потерял один глаз. Ездили к главному врачу Баталову, но тот ничего определенного не сказал. Вспоминала родителей – отца Шакуша, маму Катиман, их уже не было на этом свете. Упрекала себя, что сбежала, не спросив их благословения, ведь деда наши говорили, что благословение родителей священо для детей.

Однажды случилось непредвиденное происшествие, ставшее отдельным темным пятном в истории нашей семьи. Губайдулла с Латифой уже жили в Володаровке, Губайдулла работал председателем колхоза «Кызыл Тан». Отца Латифы давно не было на этом свете, он умер в Забурунах, там же и похоронен. Мама Катиман вынуждена была приехать в Володарский район, сюда же переехали родственники Губайдуллы и родные Латифы. Все они жили и работали в Во-

лодарском районе: одни – в Тюрино, другие – в Сизом Бугре, Архаровке. Старший брат Латифы Хаирле женился неудачно, потом поглядывал на других женщин. И вот как-то раз беспутный Хаирле украл жену своего близкого родственника. Рупаш была красивой, но легкомысленной, шаловливой женщиной и неверной женой. Ночью, подложив под одеяло пальто и фуфайки, будто Рупаш там спит, они убежали от ее мужа.

Катиман жила с Латифой и ее семьей, в их доме было три комнаты: в одной комнате жила бабушка Катиман, другую отвели для Рупаш с Хаирле, а в третьей жили Губайдулла с семьей. Это доставляло большие неудобства. Латифа была как между двух огней: бабушка Катиман возненавидела своего сына и женщину, которую он привел, за такое злодеяние, ведь муж Рупаш был близким родственником семьи Шакуша Шораева. Всякий раз, когда Катиман встречала Рупаш, она швыряла в нее всё, что попадалось под руки, будь то кумган с водой или что-то другое, и намеревалась поколотить женщину.

У Рупаш не было детей, потому она окружала вниманием сына Губайдуллы и Латифы, красивого мальчугана, родившегося в годы войны. Однажды Латифа увидела, как Рупаш, взяв на руки малыша, видимо, сильно прижала его к своей груди, ребенок ахнул. Как мать, Латифа почувствовала что-то неладное. С того момента мальчик начал болеть. Его возили по докторам, народным целителям, но ничего не помогало. В то время в селе под названием Сорочье Володарского района жил известный имам Душен, который обладал даром исцеления от недугов и мог назвать причину болезни. К нему приезжало много людей со всей области, люди говорили, что выздоравливали после его лечения. Губайдулла и Латифа решили отвезти сынишку к этому человеку.

На дворе стояла весна, вторая половина мая, рыбаки полным ходом ловили рыбу недалеко от сел Сорочье и Анастасьино, тянули невод, ловили сазанов, осетров, частиковую рыбу. Осмотрев мальчика, имам сказал, что ребенка сглазила женщина, сильно прижавшая его к груди, и этот сглаз может стать гибельным для мальчика – либо у него не будет видеть один глаз, либо мальчика не станет. Еще он сказал: «Губайдулла-жан, здесь недалеко тянут невод,

съезди туда. В невод должен попасться большой сазан, положи его в бочку с водой и привези сюда. Я буду лечить мальчишку этим сазаном». Губайдулла исполнил наказ. Имам Душен посадил мальчишку на коврик и обвел сазаном вокруг его головы, чтобы рыба забрала болезнь ребенка. К удивлению Губайдуллы и Латифы, после совершения этого обряда сазан сразу почернел. Имам велел рыбу отпустить в море. «Пусть уйдет со своей судьбой», – вымолвил имам Душен. Мальчик пошел на поправку, но один глаз у него не видел.

На палубе стало темно, и Латифа с сыном спустились вниз. На нижней палубе кто-то пил чай, вскипятив воду в кружке кипятильником, мужики в углу курили, молодежь пела песни. Латифа, взяв мальчика на руки, села и стала размышлять о будущем. Уже было далеко за полночь, но женщина не могла уснуть. Рядом, прижавшись к маме, спал сын, Латифа прикрыла его своим платком. Подождать сидела молодая пара, они обнимались, целовались и не могли оторваться друг от друга. Латифа вспомнила юношеские годы, как они с Губайдуллой бродили по берегу, плескались в воде, пес Алак кружил вокруг них, радостно лаял. Казалось, будто это всё было вчера. Эти воспоминания придавали ей сил, чтобы думать о лучшем. Она задремала, но встряхнулась и сказала про себя: «Ничего, выкрутимся» – и еще крепче прижала сына, который сладко спал у нее на коленях. Рядом сидящая немолодая женщина, увидев, что Латифа уже несколько часов держит на коленях ребенка, обратилась к ней: «Миленькая, давай-ка уложим мальчика рядом, укроем пологом, чтобы комары не кусали, и ты сама тоже немного вздремни». Латифа улыбнулась, женщина казалась доброй, приветливой и порядочной. Когда наутро Латифа проснулась, солнце уже вовсю светило, а женщина давно встала, заварила ханский чай в своем маленьком чайничке, два куска сахара лежали рядом на листе бумаги. Она подошла к Латифе со словами: «Кызым, вставай, чаю давай попьем, уже утро». Латифа поздоровалась с женщиной: «Апа, салем бердик», умыла водой сына, утерла своим платком, и вместе они уселись пить чай из жестяных кружек. Латифа угостила эту милую женщину бубликами, батоном, что везла из города, между ними завязался приятный разговор. Оказалось, что женщина тоже ехала из Астрахани, испытала в жизни и горести, и радости. Так две

женщины делились друг с другом, разговаривая вполголоса, чтобы не тревожить других пассажиров.

Пароход «Красная Башкирия» издавал протяжные гудки, и мальчик захотел посмотреть, что это за пристань, к которой они приближались. Латифа с сыном вышли на палубу, вокруг было очень тихо и красиво. Справа расположилось село Камардан. Слева – село Алтынжар. Вдалеке виднелось старое кладбище с возвышавшимся над ним памятником. Мальчик спросил: «Мама, что это за памятник?» Латифа объяснила сыну, что это памятник великому казахскому композитору Курмангазы Сагырбаеву, который там похоронен. Это был самый первый памятник великому кюисту, поставленный на месте его захоронения.

Пароход приставал к берегу, гудел. На берегу собралось много людей, подали трап, одни выходили, другие садились. Латифа тихо плакала, приговаривая: «Айналайын, анау аники олик жанын майит гой». Здесь, на этом кладбище, рядом с могилой великого Курмангазы, красивая, своенравная Латифа и Губайдулла похоронили дочь. Снова нахлынули воспоминания. Губайдулла когда-то работал в Курлыкской школе, что находилась недалеко от кладбища в Алтынжаре. Латифа всегда была рядом с мужем. Начальная школа для детей, которых учил Губайдулла в 1920-е годы, располагалась в одной из двух комнат в старом саманном здании, в другой половине дома жила семья учителя. Вспоминались холодный ветер, трудности, которые они здесь испытали. Вспоминала Латифа маленького Шайхе, зимние вечера, когда она с сыном ждала Губайдулла, который затемно возвращался из Сизого Бугра с ликбеза. Губайдулла тогда обучал детей и одновременно сам учился.

Пароход проходил пристань за пристанью, село за селом, одни люди садились на пароход, другие сходили. Так протекала послевоенная жизнь жителей сел Володарского района, которые управлялись после жестокой войны, залечивали свои раны, всё еще не переставали ждать своих сыновей, мужей, отцов, надеялись, что когда-нибудь они найдут дорогу домой.

Пароход уже поравнялся с мысом Ак Кусе, вдали показалось село Калинино, где Губайдулла работал председателем колхоза «Энбек». На берег, как обычно, сбежалась ватага детей. Они махали руками,

одеждой, бежали, соревнуясь с пароходом, до причала. Весна была необычная. Пароход подходил к пристани, где тоже было многолюдно. Губайдулла встречал свою любимую взбалмошную, своенравную, самолюбивую, но справедливую Латифу. Сынишка, завидев отца, не дождавшись, пока трап поправят, прыгнул к нему на шею. По трапу сошла Латифа, обняла Губайдуллу и при всех поцеловала любимого. Тогда старики считали это неприглядным, но она не боялась таких проявлений их нескончаемой любви.

Пароход, двумя гудками известив об отплытии, стал на малом ходу отчаливать от пристани. Проходя мимо Губайдуллы, Латифы и их сына, он подал четыре коротких гудка. Это означало, что будут и другие поездки на этом белоснежном пароходе, другие воспоминания, а впереди ждут новые приключения и испытания.

ДЕД ФЕДОР

Прошло много лет. Это уже был год 1965-й. Латифа нянчила внучку, родившуюся в том же году.

С рождением Наденьки был связан такой интересный эпизод. 19 августа, рано утром, невестку повезли в роддом, под утро 20-го родилась Надя. Роды были тяжелыми, невестка потеряла много крови, местные марфинские врачи искали подходящего донора. Этим человеком оказался дед Федор Космачев.

Космачевы жили в Марфино с незапамятных времен, их знали как хороших, добропорядочных людей. Они занимались охотой, рыбной ловлей. Несколько сыновей Федора Космачева жили на взморье, там стояла их землянка.

Было прямое переливание крови, дед Федя, чтобы скоротать время, спрашивает у мамы Наденьки: «Дочка, ты откуда?» А та отвечает: «Я из Калинино, моя фамилия Калиева». «Ты дочка Кубеса?» – обрадовался дед Федор. Кубес – так звали Губайдуллу в Калинино, дед Федор его хорошо знал и помнил. Ему часто доводилось через Калинино ехать на взморье, иногда там менял он на переправе коней, дальше до взморья надо было долго добираться. В летнее

время, в период половодья, добирались на лодках. Нередко приходилось просить помощи у председателя колхоза, которым работал Губайдулла Калиевич. Невестка и дед Федор разговорились, ему было тогда за шестьдесят, много интересного он рассказал невестке о ее свекре. Федор Космачев считал Губайдуллу своим другом, говорил, что Губайдулла Калиевич – самый добропорядочный человек, которого он встречал.

Наденька подрастала, ей было уже где-то четыре-пять лет. Я часто ездил на взморье на охоту или рыбалку. Дед Федя прекрасно меня знал. Однажды ко мне приехал из Москвы хороший друг со своим тестем. Друг родом из Астрахани, по специфике работы переехал в столицу, тесть – москвич. Они были заядлыми охотниками. На лодках мы поехали на взморье, а чтобы туда попасть, нужно было ехать по реке Кара-Бузан через маленькое село Нариманово, далее переехать через ерик Илья и близко подъехать к взморью. Иногда воды там бывает по щиколотку, поэтому на лодке не проедешь. Если идти на быстроходном катере, значит, нужно на полном глиссере, на полном ходу мотора проскакивать по рыбоходным каналам. Но в любом случае путь лежал через землянку деда Федора.

Вот мы подъехали к зимовью деда Федора. До него оставалось метров сто, когда собаки подняли лай, почуяв гостей. Дед Федор держал охотничьих собак, зимой и летом добывали с их помощью дичь, ондатру. Дед Федор постоянно был начеку. Подъезжая, я громко его окликнул: «Дядя Федя!» Он отозвался: «Гена, это ты? Давай подъезжай!» Подъезжаем, а там обязательно нужно было проехать через узкий ерик около его дверей, чтобы пройти на рыбоходный канал. Дед Федор встретил нас, я познакомил его с гостями. Оказалось, что тесть и дед Федор – ровесники. День близился к закату. Мы собрались на охоту и хотели поставить сети, чтобы поймать рыбу на уху. А дед Федор говорит: «Сетку ставь рядом с домом. А вон там кутец, открывай его, выбирай рыбу, чтобы засветло поставить уху».

Справа, на востоке, ровными рядами растут на воде деревья и уходят далеко-далеко за горизонт. Около этих деревьев берет начало рыбоходный канал, который выходит прямо на море, он начинается от заповедника, который находится с правой стороны, а слева

от рыбоходного канала – свободная зона, где во время открытия сезона разрешается охотиться. Что интересно, дичь – лебеди, бакланы, прочая птица – раньше водилась по правую сторону, где заповедник, по левую сторону дичи было совсем мало. Эти места и сегодня привлекают своей красотой, особенно в тихую погоду, когда слышен гомон птиц – каких только голосов здесь нет! Когда солнце начинает садиться, птичий гомон постепенно смолкает. В это время происходит вечерний перелет птиц, и вот то там, то здесь раздаются выстрелы – это начинается вечерянка. Рыбаки по рыбоходному каналу едут еще дальше, от ерика Илья, где стояло зимовье Федора Космачева, километрах в двадцати пяти начинается море. А вот чуть поодаль расположен небольшой островок, на нем стоит маяк, который указывает дорогу в море и на рыбоходный канал. И зимой, и летом на маяке дежурит семья. Нет-нет да послышится рокот подвесных моторов. Это охотхозяйства, егери. Они проезжают по каналу и выборочно проверяют, где, кто, сколько настрелял, так как существует норма охоты. Здесь же, на рыбоходных каналах, но подальше, ближе к морю, в камышовых крепях, живут рыбаки, они подъезжают на своих бударках к этим крепям, в них во время ветра тихо. Это защита от ветра во время путины. Тут же они собирают выловленную рыбу и запускают в большие сетевые мешки, их называют кутец. Когда рыба накапливается, ее в лодке везут на приемный пункт Старой протоки, который находится недалеко, на границе Казахстана и России.

Мой костер, который разгорелся под котлом (а в котле варилась уха), увидела небольшая бударка, узенькая лодка на двух парах весел. Двое человек садятся на весла и в унисон гребут. Лодка оказалась настолько быстроходна, что я и не заметил, как она причалила к берегу. Ребята поздоровались, оказалось, что это егери заповедника – Володя и Валера. Я их знал, потому что они часто приезжали в село. Пока разговаривали, уже стемнело. Я фонариком помигал в сторону, куда уехали мой друг Саша с тестем Тимофеем, а в ответ оттуда раздался выстрел. Что бы это означало? Я попросил ребят разузнать, в чем там дело. Когда они подъехали к месту, собака с длинными ушами бегала взад-вперед, выискивая стреляную дичь, дед Тимофей, облаченный в химкостюм,

не пропускающий воду, стоял неподвижно. Оказалось, что грузный мужчина завяз в иле, да так, что Саша не смог его вытянуть в одиночку. Ребята помогли выволить деда Тимофея и на двух лодках подъехали к месту нашей стоянки. Комары не давали покоя, поэтому все мигом залезли в большой полотняный полог, зажгли фонарик, чтобы чуть светил огонек, укрепили со всех сторон полы полога, чтобы комары не залетали внутрь, от жужжания комара на душе совсем невесело, и начали вечернюю трапезу свежей ухой с лучком, чесночком, сельдереем и ароматными специями. Дед Тимофей после долгого пребывания в воде уплетал уху за обе щеки, запивая из рюмочки горячительным. После ужина, укрытые от надоедливых комаров, мы спокойно заснули и не заметили, как занялась заря. Дед Тимофей, Саша и я быстро собрались и поехали на лодке на утрянку.

Утрянка оказалась на редкость продуктивной, собачка с длинными ушами не успевала таскать чирков. Решили позавтракать на све-

жем воздухе, доехали до островка, полог убрали, посидели, вчерашняя уха была очень вкусной, а когда мы ее подогрели, она показалась ещё вкуснее, потому что мы уже чувствовали, что проголодались. Собравшись, мы тронулись с места нашей стоянки в сторону землянки дяди Феди Космачева.

Ехали на шестах, и вот подъезжаем к дяде Феде, собаки протрубили тревогу, Дядя Федя вышел к нам навстречу в своем красном кушаке и с сеткой на голове, потому что комары всё-таки понемножку беспокоили. Подъехали, собаки окружили нас, не подпускают к землянке. Дядя Федя их запер в одном загоне, чтобы они нам не мешали, и мы стали рассказывать, как прошла охота. А дядя Федя доложил, что наши сетки он поставил, так что вместе с Сашей мы поехали выбирать рыбу из сетей, а дедушка Тимофей со своим годком Федором сели чаевничать.

Столичный друг мой Саша – неопытный, неуклюжий, то накалывает пальцы о поплавки рыбы, то упускает рыбу, выбирая из сети. Тогда я предложил ему два кольшка вытащить, сети затащить в лодку, а потом рыбу и выбирать. Рыбы было много: сазан, лещ, один сом попался. Когда мы вернулись к зимовью, два старика сидели за рюмочкой самогона, закусывали балычком из красной рыбы, дед Тимофей облизывал пальцы, потому что с балычков сочился жир. Этот жир с блюдечка дед Тимофей кусочком хлеба собирал и посылал в рот, ему было очень приятно, потому что такую закуску к самогону в Москве не отыскать. Дядя Федя долго меня расспрашивал о том о сем, об отце и матери, вспоминал очень интересные эпизоды из их жизни, рассказывал, как с Губайдуллой часто встречались в Марфино, очень тепло отзывался об этих встречах. Я его спрашивал, бывал ли Губайдулла здесь, в зимовье. Дядя Федя смеялся, говорил, что они вместе с Александром Андреевичем Нестеровым, начальником Обжоровского участка заповедника имени Владимира Ильича Ленина, неоднократно обещали приехать. Кубес уверял, что они обязательно будут в зимовье с Александром Андреевичем, но не довелось, не приехали они, но в Марфино часто встречались.

Дядя Федор подарил своему годку десять шкурок ондатры. «Слушай, Тимофей, – сказал он, – в Москву приедешь, сшей себе шапку ондатровую». Из своих заказников, что находились в землянке,

вытащил трехлитровую бутылку черной икры и говорит: «Годок, вот тебе, в Москву приедешь, будешь закусывать и запивать своим коньячком. Мы здесь коньячок не пьем. Приедешь в следующий раз, захватишь самогон хороший. Хороший самогон тоже, наверное, делают в Москве». Достал какую-то тряпку, я еще пошутил: «Дядя Федя, это, наверное, бабушкин фартук», он тряпку развернул, а там пять-шесть готовых балычков, с которых сочится жир. Всё это он положил в сумку и говорит: «Годок, захвати это своей жинке, скажешь, здесь Федор имеет завод, который изготавливает балык и икру», и оба старика обнялись и хохотали долго-долго.

Через два часа мы были дома, а здесь уже моих гостей ждала машина. Они выпили по чашке чая и уехали в Астрахань, потому что ночью им нужно было садиться на самолет в Москву. Это была последняя наша встреча в Калинино, в тот же год я со своей семьей переехал в другое село руководить другой школой. А к дяде Феде в Марфино я заезжал несколько раз. Будучи уже в годах, он мне как-то говорит: «Гена, я в зимовье часто не езжу, потому что болею, спина беспокоит, а там мне помощь оказать некому. Там больше сыновья охотятся, рыбачат. Они ведь тебя знают, будешь в тех краях, встретят, как гостя варяжского».

* * *

Я часто вспоминаю ушедшие годы, растворившиеся в дымке прошлого, словно затерянные следы быстроходного аргмака, который когда-то, образно говоря, носил меня по жизни. Это было время, что воспитывало в нас порядочность, искренность, обязательность перед людьми, начиная с наших родителей.

Мой сосед, заядлый рыбак, раньше, в восьмидесятые годы, с рыбалки вернется, обязательно судачка или сазанчика даст, говорит: «Губайдуллаич, уху свари себе». Я спрашиваю: «Сколько я тебе должен?» Он отвечает: «Да ты меня обижаешь. Какие могут быть деньги?» Тогда сосед с соседом без всякого разговора делился. Сейчас иначе: привозят рыбу, молодая жена с этой рыбой носится по всему селу – то к тем, то к другим, то к третьим: «Кому рыбу? Кому рыбу?» На руках у нее весы – безбен, взвешивает и тут же говорит цену, получает деньги, кладет их куда-то в гомоник в лифчике,

а мужик к этому отношения не имеет, он привез рыбу и больше не подходит. Я удивляюсь. Неужели так и будет продолжаться?

Я очень рано встаю, выхожу во двор и, как велит Господь, подметаю дорожку, после этого сажусь на пенек и начинаю слушать. Весной особенная благодать: сядешь и слушаешь, как певчие птицы голоса на разные лады, из года в год поют свои песни. Это лучшее время, я люблю их слушать, но в гомоне птиц остальных звуков не слышать. В шесть-семь часов утра вокруг ни одной человеческой души. Помню период с 1985 по 1991 год: я тогда также выходил, подметал дорожки, садился на пенек и слушал пение птиц, но в это время уже начинали трактора, машины заводиться, люди спозаранку собирались на работу – кто в поле, кто на участки в ПМК, другие спешили на автобус, чтобы ехать на работу в город, ребята собирались в школу. Слышу, пастух гонит коров мимо моего дома, коровы режут, пастух их подгоняет, собаки громко лают. Это было действительно рабочее время, когда люди вставали с зарей, чувствовалось оживление, село просыпалось, жизнь просыпалась, и на душе становилось весело, возникали новые планы. То время было намного чище и честнее, люди были ответственнее и трудолюбивее. Душа радовалась. Каждый нес ответственность за свою страну, за свою малую родину, за хлеб, за ячмень, что выращивали в поле. Мы чувствовали пульс Родины. Утренний бодрящий воздух, прохлада, которой веяло от реки, запах цветущих садов, говор людей, полных забот, веселый смех детей – всё олицетворяло движение жизни, и каждый из нас чувствовал себя причастным к этому. Страна просыпалась, страна начинала трудовой день, и ты вместе с ней, вместе вы несли ответственность за свою родину.

В ПМК-35 мелиоративные работы велись на больших тракторах-кировцах. Их было много на машинном дворе. Эти громадины казались настолько неуправляемыми, что я думал, как же на самой высоте, в кабинах маленькие человечки управляют такими машинами. Кировцы выходили один за другим и направлялись на поля. Гордость брала за то, что это моя родина, эти мощные машины будут облагораживать родную землю. Уже издали чувствовался запах свежих помидоров, огурцов, капусты, трав, растущих на полях, и становилось так легко дышать! Свежий ветер доносил прекрасные

ароматы с цветущих люцерновых полей. Я любил проехаться на мотоцикле по этим полям, просто для того чтобы подышать, полюбоваться красотой выровненных каналов, облицованных бетонными плитами, красотой распределителей, поставленных очень умными людьми, правильной планировкой полей. Мне часто приходилось летать на самолете, с высоты я обращал внимание, как красиво расположены поля, на которых растут великолепные богатырские урожаи. Эта неопишуемая картина до сих пор живет в моем воображении. С досадой думаешь: что же случилось с нами, с нашим народом, с нашим руководством, что мы прошляпили такую страну?

У меня до сих пор хранятся лобзики, которыми мы в школьные годы вырезали на листах фанеры слова «Братство, товарищество, единство». Потом монтировали их в красивые ящики, вставляли лампочки, делали реле на уроках физики, мастерили модели спутников Земли – всё это украшало новогоднюю елку. Вот на таких примерах мы учились. Куда же это всё подевалось?

ВЕЧЕРНИЕ ПОСИДЕЛКИ ФЕДОРЫ И ФИЛИМОНА

Уже вечерело. После сытной трапезы два старичка сидели на берегу речки Бузан и наслаждались тихим вечером. Дед Филимон жил когда-то на бугре Кабаньем. Там сохранились могилы его предков, долгое время, до семидесятых-восьмидесятых годов прошлого столетия, железные и деревянные кресты виднелись на склоне бугра.

– Космач, помнишь, на бугре Кабаньем водилось много кабанов? Крайняя улица, на которой находился мой дом, проходила у бугра, магазин там стоял, а в нем работала Фая, иногда мы брали у нее взаймы, тогда ведь с деньгами было плохо. Иной раз занимали у нее бутылочку после работы, – вспоминал дед Филимон, обращаясь к своему собеседнику.

– Слушай, Филимон, ты вот мне что лучше расскажи: почему село Калинино раньше называли Обжором.

– Друг, ты помнишь, наверно, хотя мы были мальчишками, во время половодья вода подходила очень близко к Кабаньему бугру. Его так и прозвали, потому что, когда вода подступала, кабаны вплотную приближались к бугру, некоторые даже забредали в село. Вода поджимала. Эти бугры позже ученый иностранец Бэр изучал, их переименовали в Бэровские. А они, как ты заметил, тянутся с запада на восток, это говорит о том, что море отступало в этом направлении. Какой-то приезжий из города Хвалынска мне рассказывал, что раньше Каспийское море называлось Хвалынским. По всему выходит, что мы живем на дне моря. Наши предки заселили эти места позже. Мои предки родом из-под Москвы. Во время голода они прослышали, что в Астрахани живется намного благодатнее, поэтому они переехали в эти места. Поселились на бугре Марфы, позже там основали село Марфино. Здесь кругом была, дружок, вода. Это сейчас Каспий находится далеко. Мой батя рассказывал, на месте, где стоит село Калинино, раньше оно называлось Тюлендиевкой, а еще раньше Обжором, был маленький островок. Как-то один мужик из наших мест, кабаньевских, там рыбачил, и какая-то большая рыба проглотила его сына. Он долго горевал, поэтому это место назвали Обжором. А ведь участок-то заповедника тоже называется Обжоровским. Так ведь там рядом, Космач, твоё зимовье! Как же ты не знаешь? Уважаемый, ты ведь должен знать те места. Там проходят протоки, что ведут к взморью. Раньше никаких протоков не было. Мальчишками во время половодья мы брали сандовь и бегали за сазанами, ты ведь не забыл? Это были благодатные места, вокруг бугра сажали бахчевые, тыкву, богатый урожай собирали. Прах наших предков лежит в этом бугре. Ты бываешь, Космач, в тех местах? Я недавно заезжал туда. Нашего дома вообще нет, всё сровняли, никаких улиц, домов. Кругом мелиорация, всё перекопали. Осталось только большое тутовое дерево.

– Филя, я в тех местах не бываю, потому что на зимовье проезжаю на моторной лодке по реке Конной, через Новокрасное. Там как раз через проток выхожу к зимовью. Ведь и не помню уже, когда в тех краях бывал. Вообще, ты прав, надо посмотреть, помолиться Господу, побывать там, где наши предки похоронены. Тогда ведь эти земли – Кабаний, Седловатое, Новояцкое, Маячное, Новокрас-

ное – заселяли в основном русские, и ныне сохранились, наверно, их могилы, хотя сейчас никто там не живет. Эти земли ведь принадлежали Коле, был такой богатый рыбопромышленник, который жил в Новокрасном. Здесь его орлы ловили рыбу, даже и в помине не было тогда моего зимовья.

– Космач, ты слышал когда-нибудь, что на Кабаньем было много дичи, зверей? Мы были подростками, когда наши родители в начале двадцатого века переехали в Марфино, с тех пор мы там не бывали.

Космач, мне как-то отец рассказывал, что на тех островах, что прозвали Обжор, раньше кругом вода была, потом вода постепенно отходила, появлялись деревца, потом образовались русла рек. Вырисовывались очертания реки Кара-Бузан, которая течет вдоль села Калинино в сторону Нариманово. Там было очень глубоко. Чуть повыше, к Лебязьему, идет небольшая ветка – Нижняя Худяковка, она идет к Новояцкому, а еще выше – Верхняя Худяковка, идущая к Седловатому. А почему прозвали Худяковкой? Жил такой пастух, Худяков, он заселял эти земли, у него было много скота, в честь него, наверно, и назвали.

– Филимон, а мне отец рассказывал, что где-то в 1890–1895 годах часть этих земель принадлежала Букей-хану, который подчинялся оренбургскому белому генералу, другая часть земель – Астраханской губернии. Тогда появился казахский бай Иргали Тюлендиев. Он вроде как пригнал сюда свой скот, поселился на этом острове, построил богатый двухэтажный дивный барский дом, большую красивую больницу, мечеть. Это возвышенное место огородили вокруг валом, чтобы во время половодья местность не затопляло. Прислышав это, потянулись бедняки из Букеевской Орды, Нарынской степи, казахских земель к этому богатому, но доброму человеку. Тем, у кого не было скота, он хоть по одной голове, но раздавал, для того чтобы они тоже занимались хозяйством. Так образовался аул. Неофициально его называли Тюлендиевкой. На берегу уже образовавшейся реки Бузан в отдалении бай построил деревянную баню, поодаль поставил деревянную вышку, чтобы взбираться на нее и наблюдать за окрестностями, за скотом, который отдалялся на большие расстояния. Люди, которые приезжали к нему, отец мой рассказывал, отзывались очень хорошо об этом человеке.

– Космач, у тебя кисет с собой? Давай-ка козью ножку закрутим. Два старых пня закрутили в старую газету табак и закурили, задымили, отгоняя от себя комаров.

Солнце уже давно село, но старики не собирались расходиться, а продолжали дальше беседовать. К их разговору присоединялись и другие старые люди.

– Космач, ты слышишь меня? Мой отец даже однажды встречался с этим баем. Бай очень статный, видный мужик был, хороший, в детстве рано лишился родителей и служил подпаском у какого-то богача, потихоньку он создавал и свое богатство. Отец мой рассказывал, Космач, ох, какие красивые у него белые двугорбые верблюды были, среди них был и один серый одногорбый бура. Кто такой бура? Это верблюд мужского пола. Отец мой рассказывал, какие стада, отару овец он держал. Отец удивлялся, этот бай не отпустил его без угощения, угощал бешбармаком, наливал кумыс, шубат. Отец никогда не пил таких напитков, и мама рассказывала, что он вернулся оттуда косой, ведь, оказывается, кумыс – как горячительный напиток. Отец имел рыбацкое снаряжение и научил этого бая Иргали и его работников рыбачить, ставить сети, мастерить лодки. А сколько было у него тогда леса! Мечеть-то он построил деревянную, дома деревянные на берегу, очень красивые. Где от Бузана отходит рукав Кара-Бузан, на том остроге у них кладбище было. Они научились выращивать капусту, помидоры, огурчики и другие растения.

Бедняки, которые жили у него, очень тепло отзывались о своем хозяине, один мужик рассказывал: «Мы не голодаем, рыбы полно, свой скот держим, ухаживаем за хозяйским скотом. В обиду мы хозяина не даем, и он нас не обижает. Научились выращивать растения. Так что мы не прогадали. Раньше-то жили в глухой степи, кругом песок, воды нет. Здесь мы привыкаем к новой жизни, научились на лодках ездить, плавать, а то один из бедняков чуть не утонул однажды. Хозяин из города привез курочек, сейчас выращиваем, яйца кушаем, потихоньку начинаем учиться у русских наших братьев новым ремеслам. Приезжает к нам на лодке купец, привозит хлеб, соль, другие нужные продукты. Хозяин наш с помощью опытных плотников построил большую барку, эта барка под парусом ходит

в Астрахань, там загружается продуктами, необходимыми товарами, привозит нам. Так что мы живем сейчас хорошо». «Когда моя жена родила сына, – рассказал сгорбившийся мужик-нацмен, – хозяин подарил моему сыну барашка».

Слушай, Космач, каждый казах, оказывается, принадлежит к какому-то роду. Хозяин, Иргали, был из рода Шеркеш. Мы-то многого не понимаем. Он намеревался собрать там еще семьи из рода Шеркеш. А его жена была доброй женщиной, хозяйственной, дети у них были, отец рассказывал, очень хорошими, прилежными. Космач, вот ты в тех местах ведь не бывал, да?

– Нет, не бывал.

– Мой отец рассказывал, пятница у казахов считается священным днем, в пятницу все ходят в мечеть, мулла читает молитву, все молятся, просят Аллаха о благословении, здоровье, удаче, после молитвы в пятницу каждый из них занимается домашними делами. В этот день, оказывается, стирать нельзя, другими делами полезными занимались.

Как-то в субботу Иргали с детьми и супругой собирались идти в баню. Баня находилась километрах в полутора от аула, на берегу реки Бузан, прямо у обрыва. Когда отец пришел в дом Иргали, тот его тепло встретил, как дорогого гостя, но отец заметил, что семья собирается в баню, и не стал их утруждать, объяснил, что хочет порыбачить. Об этом нужно было обязательно попросить хозяина, потому что эти земли и река принадлежали баю Иргали Тюлендиеву. Он ответил: «Иван, лови-лови, пару рыбок и мне поймай». Потом вся семья села в двухколесную повозку, конь тронулся, и они поехали в баню. Отец сел в лодку, стал не спеша грести веслами вниз по течению. Он тоже ехал к месту недалеко от этой бани, там находилась яма Кулнияз, где располагалось лежбище сазана.

В то время не многие знали, что есть такой запрещенный инвентарь для ловли рыбы, как накидка. Я, хоть был мальчишкой, знал от отца, как эта накидка мастерится: сначала подвязывается сеть, она принимает форму колпака, края которого должны замыкать тяжелые предметы. Отец, помню, плавил свинец, из него делал небольшие кусочки – приспособления типа шариков – и их подвязывал к подолу этой сетки. Когда накидку подготавливают к броску, а потом

резким движением кидают в яму, длинная веревка остается в руках хозяина, накидка идет ко дну и накрывает кучку рыбы, хозяин потихоньку подергивает веревку в руках, грузила смыкаются, и в этом небольшом мешочке остается часть рыбы. Потом хозяин вынимает рыбу. Космач, ты слушаешь меня? Спать, наверное, хочешь. Тогда давай пойдем.

Космач кивнул Филимону и пробормотал:

– Нет, еще рано.

– Ну, тогда слушай, Космач. Когда отец накидкой орудовал, бай Иргали стоял на берегу, наблюдал. Ему было интересно, как, каким орудием будет пользоваться Иван. Когда он увидел, как отец вытаскивает рыбу, не смог удержаться и крикнул: «Иван, молодец!»

Отец уже возвращался на веслах против течения и заметил, что и повозка повезла семью бая Иргали домой после бани. Отец подумал, что скорее нужно подъехать, потому что пора уже было домой возвращаться. Он резко повернул к берегу, пристал напротив барского дома и крикнул: «Иргали, выходи за рыбой». Тут же отец услышал: «Казыр, досым, казыр келем! Балыгында азирле!» Это означало: «Сейчас, друг, сейчас я подойду. Подготавливай свою рыбу».

Отец из люка достал пять-шесть крупных желто-красных жирных сазанов, двух сомов, и с большим удовольствием по одному отец кидал их на траву на берегу. Прислуга прибежала с мешком в руках, положили рыбу. Подошел и Иргали, попрощались с Иваном, обнялись. Отец сказал, что ему надо засветло домой доехать.

Легкий ветерок с моря натягивал парус, и кулас всё быстрее и быстрее мчался вперед. Уже опустились сумерки, когда мать помогала с берега нести рыбу, весла, и что-то она держала в большой авоське. Мама принесла, высыпала содержимое на стол, мы, ребятишки, кинулись: там были баурсаки, калачи, курт, иримшик, позже мама нам объясняла, что курт, иримшик делают из молока. Это жена бая Айганым прислала маме и нам, ребятишкам, гостинцы, чтобы мы полакомились. Бывало, отец на лодке переправлял бая на другой берег, когда тот ездил в город. Когда он гнал скот на забой, отец и здесь помогал переправлять скот через реку. Космач, ты зеваешь, что ли? Давай тогда пойдем.

Знаешь ведь, 1917 год, революция. В 1918 году советское правительство издало указ о создании Тюлендиевской волости. Ты представляешь, Космач? Его ближайшие и дальние родственники, те люди, которые жили в ауле Тюлендиевка, избрали его, Иргали Тюлендиева, председателем волостного совета! Представляешь, какое доверие? А дальше были годы лихолетья, создания хозяйств, раскулачивания в 1928–1929 годах. Отец говорил, что Иргали Тюлендиев, его хороший друг, умер в эти годы. Могила его находится где-то на отроге Бузана и Кара-Бузана. Там было кладбище. Ныне, наверно, от этого кладбища ничего нет.

– Да что ты, Филимон, куда кладбище может подеваться?

– Я слышал, что ограждения казахи делали тогда из досок. В 1956 или 1957 году случился пожар, когда сжигали камыш, и некоторые ограждения сгорели. Ограждение могилы Иргали Тюлендиева, по-моему, тоже сгорело.

– Слушай, Филимон, вот то, что ты рассказывал, – это хорошо, ведь такие люди имели скот, богатства, и быть при этом таким простым, конечно, нелегко. Но среди людей не говорят о нем плохо. В Калинино, наверно, до сих пор живут потомки тех, кто тогда заселял этот остров. Почему же они не помнят об этом человеке? Я слышал, что тот барский дом разобрали, переделали и какой-то чужак выкупил его, больницу тоже разобрали. В те годы, когда советская власть пала, директор школы приватизировал здание сельского совета. Сколько там леса! Зачем это сделали? Надо было сохранить, это ведь история. Я помню мечеть, подиум, на котором мулла читал молитву, красивые резные столбы там были. Почему же старшее поколение не смогло сохранить? На берегу, кроме барского дома, стоял деревянный магазин, чуть ближе располагались базы рыбкопа, правее, выше по течению, в сороковые годы были построены маслозавод, больница новая, пекарня, школа работала, красивое здание правления колхоза. Ведь всё разрушили. Недавно внук мой ездил в Калинино. «Там, – говорит, – деда, от старых зданий ничего не осталось».

Филимон, у меня спину заломило. Это к дождю. Давай-ка пойдем домой.

– Да, разные были баи. Но Иргали Тюлендиев отличался ото всех,

он помогал бедным. Это лихолетье смело ведь их, может, и есть где его потомки. Но он похоронен на том отроге, это я знаю.

– Филимон, я знаю, что коллективизацию проводили очень осторожно, ведь многие говорят, что бедняк со своей деревянной сохой и дохлой лошадьё, конечно, не мог поднять такую махину, как Советский Союз. До войны-то ведь очень трудно мы жили, государство занимало у нас деньги, выпуская облигации, вон у меня кучка облигаций до сих пор лежит. После войны быстро восстановили мы разрушенное хозяйство. Это всё народ делал, значит, может быть, правильно проводили коллективизацию. Бедняки не могли сами справиться, поэтому решили объединиться в колхозы. Ведь я знаю, Филимон, среди председателей колхоза в Калинино были и неграмотные. Ты помнишь председателя Доскалы Умралиева? Неграмотный ведь был. Маху Утебалиев – тоже неграмотный. Но они были в то же время хозяйственными. Я помню Кубеса Калиева. В самые трудные послевоенные годы как он колхоз поднял! Ты ведь помнишь, в Новояцком две отары колхозных овец стояли? На Кара-Су стоял крупный рогатый скот, на Кабанай бахчи были, на Бистерек стояли фермы. А сколько было лошадей! Ты должен помнить, когда он пришел председателем, колхоз был разваленный, он построил маслозавод, элеваторный узел, здесь же и молотили, и веяли, и распределяли зерно между государством и населением. Масло с маслозавода поступало в больницу. Там ведь и больница-стационар была. Помнишь Якова Мамонова? У него сынишку тоже Яковым звали. А наших девчат, которые в универмаге работали, – Надя и Соня Мельниковы? Кубес хозяйственным мужиком был, колхоз поднял. Он всегда обходил все объекты села: рыбкоп, пекарню, больницу, школу, распоряжался, чтобы маслозавод немного молока, масла передавал населению в эти трудные годы. Ко мне официально всегда обращался – Федор. Лет десять назад московских гостей ко мне на шлюпке привозил его сын Генка. Хороший парнишка, он работает учителем в Калинино. Я угостил их рыбкой, икрой, своим самогоном. Они меня угостили столичной водкой. Хорошо посидели мы. Они на утрянку, вечерянку охотились. Генка – нормальный парень. Вроде еще один мальчишка у них есть.

– Космач, ты помнишь, как в 1929 году косили всех баев? И у нас в Марфино многих выслали в Сибирь, в Архангельск. Под эту гребенку попал бы и Иргали, если бы не умер тогда. Как несправедливо это! Не все баи были ненаедами. Иргали был не таким. Мне отец рассказывал, а я отцу верю. Мы тогда маленькими мальчишками были. Едва-едва я его помню. А в 1930 году Тюлендиевскую волость упразднили, селу дали название в честь всесоюзного старосты Миши Иваныча Калинина. Нет, это несправедливо. Я бы название села Тюлендиевка сохранил. Он наравне со всеми бедняками трудился, это многое значит.

– Филимон, от Кабаньего до Нариманово речка текла. Мы ее переходили вброд. Еще тогда, в 1949 году, Кубес Калиев через ту реку мост хотел строить. Около брода лежало много бревен. Но потом разговоры, возня началась, стали его обвинять, что какой-то чигир пропал. Помнишь, с Хайдаром Ирмуратовым, председателем райисполкома, их обвинили ни за что ни про что и осудили? Позже разобрались, через полтора года вернулся Кубес, а через некоторое время и Хайдар Дюйсималиевич. Видишь, какая несправедливость? Пока Кубес сидел, этот лес с берега исчез. Мост так и не построили. Позже назначили нового председателя, хорошо хоть он деревянный мост построил через реку, только ближе к устью. Народ калининский я никак не пойму, они друг к другу только в гости ходят, водку пьют, а дело не делают. Мы с Синельниковым, что за бугром жил, ветеринарным врачом работал, часто ездили туда, он коров лечил, прививки делал.

Однажды случилось, что наши побединские рыбаки не могли пройти на взморье через ерик, потому что там было очень мелко. Тогда Кубес разрешил всем рыбакам проехать через их территории, договорился с Сашкой Нестеровым – ты помнишь, Филимон, Александра Андреевича Нестерова, который руководил Обжором? – так рыбаки на взморье выехали. Кубес был человеком доброй души. Рыбаки тогда и на ставнушках, и на вьюшках, и на бударках много рыбы ловили. Одним из передовых колхоз считался. А сколько скотины у них было! Ни за что осудили человека.

А мужики тем временем воспользовались тем, что у многих баб мужья не вернулись с фронта. Эти вдовушки забыли о своих

мужиках и снова повыходили замуж. У них, Филимон, первая жена называется байбише, а вторая – токал. Я помню, многие бабы повыскакивали. Зато дорога у них внутри села до сих пор паршивая. Когда грязь, не пройдешь. Вот что за люди, а?

Филимон, с такими людьми, как Кубес, я дружил. Хорошая у него семья была, жена такая бойкая. Он работал тогда председателем колхоза, колхоз имел баркас с деревянным корпусом под названием «Сокол». Те, кто не успел на пароход в Марфино, садились на этого «Сокола». Однажды жена Кубеса тоже ехала, и некоторым шалопаем она запретила садиться на этот баркас, такая боевая женщина, молодец! Кубес, помню, в 1937 году приехал, первым директором школы был, обживал эту школу, потом во время войны его перевели в какой-то колхоз председателем, в 1946 или 1947 году он вернулся обратно в Калинино в должности того же председателя колхоза. Позже, где-то в 1953 году, я тогда его не видел, он, говорят, вернулся учителем в школу, воспитателем. Умер где-то в шестидесятые годы и похоронен там. Он воспитал хороших детей.

Филимон уже зевал, и Космач говорит:

– Эй, дружок, ты скоро заснешь. Поднимайся, пойдем на лежанку.

– Космач, ты на себя посмотри. Ты мне расскажи, ты как-то в больнице лежал, спина у тебя болела. Ты рассказывал вроде, сноха Кубеса тоже лежала в больнице тогда.

– Да-да, Филимон, ты прав, это был 1965 год. Хорошая больница была, при советской власти построенная, ее потом тоже разрушили. Эх, какую власть мы потеряли! Так вот, лежу в больнице, ночью меня поднимает хирург, он заикался еще, говорит: «Слушай, дядя Федя, поднимайся давай. Твоя помощь нужна». Я, кряхтя, переваливаясь с боку на бок, поднялся, спрашиваю, в чем дело. Он отвечает, что кровь моя нужна, стариковская кровь, говорит, сейчас на вес золота. Меня привели в кабинет, там женщина лежит, прямое переливание, мне говорят, будем делать. Я испугался, думаю, сейчас всю кровь мою высосут и хана мне, Космачу. Но куда не денешься. Хирург – вроде Сергеем его зовут – говорит: «Лежи, дядя Федя, и не двигайся».

Пока переливание делали, я спрашиваю у женщины: «Доченька, ты откуда?» Она говорит: «Я из Калинино». – «Доченька, ты

чья?» – «Я Калиева». – «Ты дочка Кубеса Калиева?» «Чья?» – переспросила она. «Губайдуллы Калиева, председателя колхоза, директора школы. Ты его дочка, что ли?» – «Нет, я его сноха». – «А какого мальчишки ты жена?» – «Гены». – «Так ты Генки жена? А кого же родила ты?» – «Дочку родила». – «Ой, молодец. Будешь помнить, дочка, что в тебе кровь Космача. Меня зовут Федор Космачев, я Кубеса Калиева знал хорошо. Это был замечательный человек. Ты, дочка, попала в хорошую семью. Матуха жива, что ли?» – «Кто-кто?» Я говорю: «Свекровь жива, что ли?» – «Да, жива, будет встречать первую внучку». – «Ой какая бойкая женщина она была, справедливая. Передавай привет. Скажи, Космачев дядя Федя привет передает».

Смотри-ка, Филимон, деревянная голова, ты помнишь эту историю, оказывается. Да, это так было. Это оказалась сноха Кубеса Калиева. Она рассказывала, что работает главным зоотехником, я удивился, говорю ей: «Молодец, ты пошла в свекра. Его почерк виден. Ты там нажимай на этих управляющих. А Имамурат Джиренчиев работает еще?» «Да, – говорит, – работает». – «Ох, беззубый, всё работает!» Я расспросил ее обо всех, кого знал. Филимон, какая память у тебя хорошая! Давай, дурака не ваяляй, пошли по домам.

Два старика заковыляли по дорожке, шлепая своими полувалками. Филимон напевал себе под нос:

Расцветали яблони и груши,
 Поплыли туманы над рекой.
 Выходила на берег Катюша,
 На высокий берег, на крутой.

Его песню тихонько поддерживал Космач.

– Э-э, у тебя голос хороший, Филя. Молодец! Тебе надо концерт устраивать. Баб соберем возле дома, галстук-бабочку тебе завяжем, фартук наденем. Скажу: «Выступает Филимон по прозвищу Филя». И ты будешь баб забавлять.

– Ах ты, старый черт, подначиваешь меня? Сам давай пой, я больше петь не буду.

Так, за разговором старики подошли к своим домам.

– Космач, будь! – Филимон махнул рукой другу.

Старики потопали к своим лежанкам. Филимон во сне что-то бормотал, ему снился бой под Вязьмой, будто с винтовкой в руках он бежит по полю.

СТАРИКИ ВСЁ ЗНАЮТ

Старики Федор и Семен жили на центральной улице села, поутру им не спалось, поэтому они рано вставали и делали кое-какую работу в своих дворах. Семен с большой метелкой в руках уже подметал около калитки, как вдруг увидел вдали Федора.

– Федор! Ты что там делаешь?

Федор оглянулся:

– Здравствуй, Семен! Подметаешь, что ли?

– Федор, подь сюда! Разговор есть, давай посидим.

Из глубины двора жена Семена Таисия крикнула:

– Эй, старый! Чай готов, давай чай пить!

Семен важно ответил:

– Старая, чай подождет. Есть разговор с Федором. Накрывай на стол, скоро приду.

К скамейке у двора Семена уже ковылял в домашних тапочках Федор.

– Ты, Семен, для чего меня позвал?

– Федор, новый председатель, прапорщик, знаешь, что придумал? Не слышал? Так я тебе расскажу. Часто я бываю в войсковой части, с одним молодым офицером разговорились. Я спрашиваю: с чего это их прапорщик к нам пришел председателем? Мы теперь маршировать будем? Майор мне говорит: «Дед Семен, зачем тебе это дело нужно? Этот человек плохой. Хотим его сбegrить. Может, вы, старики, научите его уму-разуму».

– Семен, погоди. Его же депутаты избрали на сессии исполкома.

– Э-э, Федор, я ведь тоже был одно время депутатом. Знаю, как это дело делается. Его в войсковой части ребята невзлюбили. Солдаты не хотели за него голосовать, тогда офицеры им говорят: «Вам

охота, чтобы этот прапорщик издевался над вами? Давайте его сбавим. Придет другой, нормальный прапорщик». Так он стал депутатом от войсковой части. А других депутатов уговорил, видимо. Я видел, как он ходил по дворам.

– Эх, Семен, старый дружок. Максимыч – вот был человек. Везде всё сам. Водопровод прорвало – он на своем старом «ижаке» подъезжает, инструменты при нем, раз – и всё сделал, он же старый механик. А сейчас погляди. Воды нет который день, председателю дела нет. Он важно разъезжает на красном «москвиче».

– Федор, захожу как-то в бывший кабинет Максимыча, а там одни бабы теперь сидят. Одна из них проводила меня к кабинету председателя. Подвела к двери огромного депутатского кабинета, оттуда голос прапорщика доносится: «Да, заходи». Вхожу, вижу, длинные полированные столы блестят, на полу ковры, за столом сидит огромный лысый мужчина. Говорю ему: «Мил человек, не знаю, как вас зовут. Вы новый председатель?» Он мне отвечает: «Да, а что, не заметно, что ли?» «Заметно, заметно, – говорю, – так ведь Максимыч сидел в другом кабинете». «Он, – говорит, – сидел в том кабинете, а я буду сидеть в этом. Вы по какому вопросу?» Я хотел было присесть, но передумал. «По нашей улице вода течет какой день. Хозяина нет, что ли? Кто-то должен сделать», – говорю. А он мне: «Как нет хозяина? Вы – хозяйева. Ваша улица. Соберите, Семен, мужиков, роите и ремонтируйте». – «Как мы будем рыть? Мы тракторы, что ли?» – «Ну, трактор я сейчас попробую найти». Вот такой разговор у нас состоялся. Уже вторая неделя пошла, а вода всё течет.

– Семен, а, Семен, слышал, что теперь председателя будет назначать начальник района.

– Ты что, Федор, буровишь? Максимыча мы избирали, до Максимыча тоже избирали. Теперь мой голос ничего не значит?

– Семен, соломенная голова, в 1991 году советской власти уже не стало, в район пришел новый человек, какой-то толстый мужик. Он сказал Гужвину: «Я буду назначать». Тот ему дал добро, «что хочешь, то и делай», развязали руки ему. Теперь он всех председателей сам назначает, сам снимает с постов. Такой порядок. Нас будут спрашивать, что ли? Наш председатель теперь сам себе начальник,

ездит на новой «семерке», «москвич» прихватизировал. С районным начальством вась-вась.

– Федор, мы с тобой видели, как поднимали завод. Миллионы денег, говорят, ушли. Таких заводов в Союзе было три. Завод теперь тоже закрывают. Какой-то хапуга создал российско-американский завод на основе того завода, за счет казенного кирпича за Волгой, в «Долине нищих», построил дом себе, дом – американцу. А мы один кирпич не можем взять. А колхоз-то какой был хороший! Весь Евпраксинский участок Ждановский колхоз охватывал. Какие урожаи собирали! Люди сытые были. Теперь всё это растащат. Ленин-батюшка говорил в 1918–1919-е годы: будем строить советское общество, необходимо десять тысяч тракторов. А в нашем колхозе сколько было тракторов! Теперь, Федор, ты тоже себе один трактор прихватишь, да?

– Нет, мне не дадут. Я же на заводе работал, оттуда на пенсию вышел.

– Как-то, Федор, одна баба подняла подол и бежит со всех ног в правление колхоза. «К Молчанову, – говорит, – бегу забирать свой пай». Что такое пай? Паюсная икра, знаю, есть. Сейчас разве ее увидишь? Было время, ловили на Василиске – там тоня была – осетра и паюсную икру сразу делали там, ели деревянными ложками. Эх, было время, Федор!

– Семен, помнишь же, на прилавках магазинов на худой конец килька лежала в банках? Брала с тобой пузырек водки, той самой – 2,52, сургучной водки, банку кильки – какая вкусная килька была! А сом! Они копейки стоили. Жареный сом лежал в городе на прилавках, жареный сазан – объединение! Всё было! Хотя жаловались. Нашему народу ни хрена не угодишь! В город приедешь, от аромата хлеба сдобного «Ракета» голова кружится. А недавно был в городе – дерьмом пахнет.

– Федор, на ухо тебе скажу. Недавно тоже был в городе, захотел в туалет, да чуть в штаны не пустил. Там нигде нет туалетов. Пришлось бежать за забор.

– Ты же знал, Семен, что в город едешь, дома надо было сбегать заранее, – засмеялся Федор. – Семен, ты же недалеко от завода живешь, не чувствуешь запах дерьма?

– Да нет вроде.

– Говорят, на Шумном канализационную трубу прорвало и все нечистоты попадают в чеки, которые предназначались когда-то для посадки сельскохозяйственных культур. Теперь там испражнения. Бабы ходили к прапорщику, жаловались, но воз и ныне там. А ты слышал, Семен, что председатель оштрафовал бабу Арину?

– За что?

– Ее корова сначала мычала, потом ревела под его балконом, а в комнате внука председателя спала – вот он и штрафанул ее на несколько тысяч рублей. Хотя жена его ходит к бабке Арине лечиться.

– Федор, я что слышал-то. Наверно, с этим случаем связано. Председатель, говорят, издал указ, который всех обязывает корову обозначать номером – большими цифрами на боку, чтобы по номеру определять, какая корова нашкодила, нагадила на асфальте. Указал даже маршрут, по которому коровы должны шагать.

Федор не мог сдержаться от смеха.

– Семен, а музыку он не придумал? Чтоб пастух выстроил коров, как солдат, и они шагали нога в ногу под марш «Прощание Славянки».

– Федор, увидишь, и это будет.

– Семен, он же живет в новом микрорайоне. Один мой хороший друг утром рано выходит на балкон покурить, председатель точно, как по графику, в семь часов десять минут выходит с ведром из подъезда и идет на фазенду кормить кур, гусей, индюков, страусов. А за ним на расстоянии шести метров вышагивает жена. Рядом не идут. Сразу видно, командир строгий. Ты когда его в последний раз видел?

– Давненько я его не видел. Да и дела мне нет туда идти. Придешь в сельский совет, сюда глянешь – баба сидит, туда глянешь – баба сидит.

– Семен, он растолстел сейчас, говорят, не влезает в свои штаны. Сзади складку сделал на брюках. Так, что ли?

– Федор, я его не видел, но тоже слышал. Куда ему столько жира? Он и без того высокий, здоровый. На нашей улице Сокулиха есть, она говорит: «Семен, я семьдесят лет живу и никак не могу попра-

виться. Во мне сорок пять килограммов, и больше не поднимается. Хочу у председателя нашего секрет узнать, что он там ест».

В это время в глубине двора снова появилась Таисия и кричит:

– Эй ты, Семен, ты чай пить идешь или нет? Сколько можно тебя ждать?

Семен тихонько говорит Федору:

– Федор, завтра мы с тобой посидим, я тебе еще кое-что расскажу, чего ты не слышал. Твоя старая тоже, наверно, тебя ищет.

Федор поплелся домой, Семен закрыл калитку и пошел завтракать. Таисия, как сварливая баба, уже бранилась:

– Сколько можно ждать? Еще воды нужно натаскать. Водопровод-то не работает, вон свищет. С берега нужно воду нести, а ты сидишь, балаболишь с этим бездельником Федором.

Семен молча кивнул и сел за утреннюю трапезу. После завтрака Таисия вручила Семену авоську и деньги, велела сходить в магазин купить хлеба, сахара, а сама взяла два ведра с коромыслом и пошла к берегу.

Семен шагает в магазин с авоськой, а навстречу ему – Матрена.

– Семен, ты куда? В магазин? Можешь туда не ходить. Пошла я в магазин, а девчата-продавщицы и говорят: «Магазин мы сейчас закрываем. Магазин теперь не наш». Не то выкупил, не то подарили за большие заслуги армянину, который работал завгаром в колхозе. Магазин рыбоповский теперь ему принадлежит, и тот, где хлеб продают, и тот, где тряпье продают. Фая говорит: «Иди, тетя Матрена, домой. Ноги пожалей. Мы будем прием-сдачу проводить». Так что не ходи, Семен, в магазин.

– Нет, Матрена, я всё-таки дойду. Пусть мне скажут, что к чему.

Семен доковылял до продуктового магазина, дверь оказалась открытой. Он внутрь прошмыгнул, а девчата-продавщицы кричат:

– Дядя Семен, ты куда? Ты как мышонок прошмыгнул, мы и не заметили.

– Девчата, мне хлеб, сахар, соль нужны. Вы закрываетесь, что ли?

– Да, дядя Семен. Сколько можно говорить? Закрываемся. Магазин передают в частные руки.

– А кому?

– Ты же работал, дядя Семен, в колхозе. Армянин там был завга-ром. Вот ему.

– Вот это дела, – проговорил Семен и, взяв булку хлеба и кило-грамм сахара, отправился в другой магазин – с промтоварами. Хотел услышать, что там бабы говорят. Навстречу Семену шла Фая, завма-газином, поздоровалась и спрашивает:

– Вы в наш магазин? А мы закрываемся.

– Где же мы теперь сатиновые трусы будем покупать? У вас же их было много, – развел руками Семен.

– Семен, дойди до председателя нашего, попроси, чтобы мы тебе продали. Он утром распорядился закрыть магазин и никому ниче-го не отпускать.

В это время мимо Семена мчалась в чепчике, коротком платье Пугатиха.

– Что это вы все забегали? – удивился Семен. – Земля горит, что ли?

– Ой, дядя Сеня, не спрашивай. Что ни день, что-нибудь проис-ходит.

Из-за угла магазина со стороны бани появился Александр, коче-гар бани. Идет задумчивый, не здороваются. Семен глянул в его сто-рону, кричит:

– Александр, привет!

– Здорово, Семен. Вот ведь какие дела. Баню закрывают, ломают.

– Да ты что, Александр? А где же мы будем мыться?

Александр ничего не ответил, поспешил в сторону своего дома, а Семен почесал затылок и думает: «Зайти, что ли, к этому прапор-щику? Узнать, что такое делается?»

Раздумал Семен идти к председателю, вместо того пошлепал в сторону колхоза. А там водители, трактористы кричат, что-то по-делить не могут: «Это я не возьму, мне то надо!»

– Это они делят между собой технику, ведь колхоз-то – всё, – по-яснил Семену знакомый мужик.

Разбирали, заводили, увозили. Семен стоял опечаленный. Жаль ему было, что такой колхоз пропадает. Какой народ недалновид-ный. Ну, разберут по трактору, по автомашине. А дальше что? При

колхозе и ферма была, и участки были. Ячмень выращивали, помидоры сажали. Какие славные были помидоры! Теперь что же, поля будут пустовать? Какой срам! Неужели не одумается народ?

Хорошо, если земля располагается недалеко от воды, можно что-то сажать, а если в степи, как воду туда подвозить? Неужели не найдется один хороший человек и не объяснит, что нельзя так делать. Где люди сейчас будут работать? Сядут на машину и будут кататься по всему селу? Время не для катаний сейчас. Ну, сядут на трактор, день поедят, другой, что будут делать потом? Один в поле не воин. Это давно известно. В первые годы советской власти тоже ведь каждый взял себе землю, а потом пришли к выводу, что надо создавать коллективное хозяйство. Дедушка Ленин был прав, когда говорил, что нужны трактора, автомашины, большие хозяйства, чтобы создать огромное крепкое государство, – то, которое мы и создали. А сейчас дьявол, что ли, нас всех попутал?

Семен вернулся домой, Таисия приняла купленное, а старик всё бормотал:

– Господи, прости нас, грешных. Что делается на белом свете, чего еще ждать?

Откуда-то из-за ворот кто-то звал Семена:

– Дядя Сеня, ты где?

Семен подошел к калитке, открыл, а там стоят два его соседа:

– Дядя Семен, пойдем в карты поиграем, в преферанс. Деньги у тебя есть? Давай тащи, будем играть.

– Ребята, вы с ума сошли, что ли? В разгар дня? Работать надо! Какой преферанс, какие карты? Идите отсюда.

– Дядя Сеня, ты нас прости. Мы работали в колхозе, колхоз распустили, теперь работу ищем. Что еще остается? Только в карты играть да баб забавлять.

Семен зашел во двор, взял ржавый тазик, полный кривых ржавых гвоздей, молоток, сел на маленькую скамейку и, чтобы убить время, принялся их выпрямлять. Один раз ударит по гвоздю, два раза – по пальцу. «Где же народ будет работать? Без работы и денег нет. Ладно мы, старики, а молодые ребята? Куда им податься?» – такие мысли роились в голове Семена. Так он сидел и решал задачу с тремя неизвестными. «Эх-эх-эх, что это творится?» – вздыхал

он. – Где же наши руководители? Надо сюда Сталина. Мы, старики, видели и голод, и холод, нужду пережили, войну прошли. Какую страну пустили коту под хвост! Это ведь преступление! Кому говорить? Где же коммунисты?» Семен не заметил, как сзади бесшумно подошел Федор.

– Здорово, Семен. Ты что, решил кривые гвозди выпрямлять и идти на базар продавать?

– Здравствуй, Федор. Как ты? Бери скамеечку, садись рядом. Вот тебе молоток. Если тебе не хрен делать, будешь гвозди выпрямлять. Вдвоем быстрее управимся, потом сядем на автобус, поедем на барахолку продавать гвозди.

– Ох какой умный! – усмехнулся Федор.

В открытую калитку вошла Таисия.

– Господи, прости меня, рабу божью. Ой, Семен, Федор, вы слышали свежие вести?

Федор повернул голову:

– Ты, Тая, о чем говоришь?

– С района люди приехали, говорят, на руки районного начальника наручники надели.

Федор привстал.

– Тая, ты что такое гутаришь? Ты что болтаешь? Люди услышат, скажут, Семена баба болтает. Не говори такое!

Женщина скрылась в доме, а Федор повернулся к Семену и говорит:

– Семен, ты слышал, что Таисия сказала? Значит, какой-то разговор и впрямь был. Арестовали, говорят. Вот это да!

За забором послышались голоса трех бабок:

– А как же это могло случиться, а? Наш председатель, говорят, ногу сломал.

– Я слышала, Агафья, ему ногу сломали.

– А кто же сломал?

– Это разговор длинный. Говорят, люди того районного начальника в отместку кинули в него какую-то железку. Болтают вон бабы на базаре. Я ходила продавать молоко, а они сидят, гутарят.

– А что же наш председатель сделал тому начальнику? Начальник ведь его назначил, выборы-то отменили. Лет десять уже, как не

голосуем. Наши старички спрашивали, отчего же отняли у нас право голоса, мол, мы сами должны решать на месте. Тогда этот начальник сказал: «Я решаю, а не вы. Такое распоряжение поступило сверху. Я всё согласовал с руководством». Наши мужики это услышали, вернулись недовольные. Но молчат, потому что не могут ничего сделать. А начальники один другого прикрывают.

Одна бабка шепчет двум другим:

– Слушайте, Агафья, Акулина, помните, в прошлом году разговор был, когда новый завод приватизировали, котельную кто-то из них – или наш, или большой начальник – присвоил себе? Наверно, один другого подставил, капнул.

Статная бабка Агафья выпрямилась, подбоченилась и сказала:

– Так тому и быть. Всё-таки Господь есть, наши мольбы услышаны, наконец-то хоть сами сможем выбирать. Неужели наш прохвост снова пройдет?

Маленькая сгорбленная бабка усмехнулась и тонким голоском говорит:

– Вот это будет хорошо. Коровы обрадуются, что маршировку отменяют.

Бабки не заметили, как вдруг появился председатель – толстый, высокий, лысый, две волосинки на голове спорили, кому остаться. К нему подошел нацмен Николай, который поливал дачи, и о чем-то они важно разговаривали. Николай докладывал, объяснял, руками махал. Председатель слушал, кивал головой. А бабки притаились и подслушивали, но не смогли ничего расслышать.

Агафья тихонько сказала:

– Подружки, народ у нас гадкий, что здесь, что на Веселой Гриве. Да и в Водяновке народ пришлый, подкупной. По-моему, он снова подговорит кого надо. Народ-то ведь какой, дай на лапу – и бюллетень подкинут, и что угодно сделают. Мне что-то на душе нерадостно. Идемте-ка домой.

Вечерком Федор снова заглянул к Семену, на заветную скамеечку сели и продолжили разговор.

– Федор, а, Федор, ты что-нибудь новое скажешь мне?

Федор почесал затылок.

– Да что я нового скажу? Ты уже, наверно, всё знаешь. Ты ведь

езде бываешь, а я вот никуда не хожу. Правда, слышал, завод хотят продавать какому-то дельцу. Снова найдется хозяин, а мы будем его рабами. Наверно, судьба у нас такая – на кого-то вкалывать. Какой огромный завод! Сколько государство потратило денег! Ты видел, Семен, как они всё там разрушили? Там вон в конце улицы стояло напротив разрушенной бани пожарное депо – разобрали, кирпичи увезли. Куда увезли? Кто знает? У кого спрашивать? Беспредел. Баню только успели закрыть, тут же кирпич разобрали и увезли. Спрашивал у ребят – никто не знает, кто это сделал. Евпраксинские не брали, значит, кому-то продали, в карман кому-то пошло.

– Федор, ты слышишь? На берегу Водяновки двухэтажный дом стоял, там был лагерь труда и отдыха Евпраксинской школы. Этот дом прихватизировал бывший председатель колхоза, огородил, посадил сад, пустил собак, чужаки ходят. Я искал в тех краях теленка, спрашиваю мужичка: это чье теперь? А он не знает. Спрашиваю, кем он работает. Тот говорит, председатель велел им быть там, работать – наверно, его имущество. Федор, помнишь, какой военный городок у нас был? Там стояла ракетная часть. Придешь к ним в магазин, много товара было, я часто приходил, чистенько, ухоженно было. Говорят, и части уже нет.

– Как нет?! – воскликнул Федор. – Да ты что? Помнишь, мы с тобой молодыми там мяч гоняли?

– Федор, это когда было-то!

– Семен, это наверняка дело рук нашего председателя. В отместку за то, что войсковая часть освободилась от него, от этого законника. Один офицер мне говорил: «О, этот ваш председатель все карманы забьет вырезками из газет, где прописаны законы. Всякий раз показывает знание законов». Потому, я чувю, он и прикрыл войсковую часть.

– Федор, ты на выборы пойдешь? Я схожу, погляжу, неужели народ будет за него голосовать? Неужели народ снова подкупят? Ой, тревожно на душе.

* * *

Играла музыка, скоро должны были открыть избирательный участок. Вот показался председатель избирательной комиссии. Тут как

тут старичок Агафон с маленькой фигурной бородкой. Он всегда приходил на выборы раньше других, считал своим долгом голосовать первым. Вот он входит на избирательный участок, вместе с ним – председатель сельского совета, председатель и члены избирательной комиссии. Старичок Агафон ждет, когда бюллетени разложат. Вдруг каким-то образом он оказался возле председателя сельского совета, а тот внезапно быстро что-то круглое кинул под стол. Зоркий старичок проследил, что горошина между скамейками покатила в дальний угол. Не дожидаясь команды, он подбежал туда и поймал горошину.

– Мужики, – спрашивает, – вы горошину уронили? Возьмите.

– Нет, – говорят члены комиссии, – мы ничего не роняли.

А Агафон-то знает, кто уронил. Но никто не признался.

– Я на стол ее положу, кому надо, возьмите, – сказал старичок.

В ответ – мертвая тишина. Агафон снял свою вязаную шапочку, а на голове у него четыре волосинки, подошел к секретарю:

– Ну, давайте бюллетень. Буду голосовать.

Взяв бюллетень, он прошел в кабину, проголосовал, вышел, идет по дороге, а сам усмехается:

– Вот это да!

Семен, издали увидев Агафона, посмотрел на него и удивился: спятил старик, что ли? Семен решил окликнуть Агафона, тот подошел и спрашивает:

– Семен, у тебя есть сто грамм?

– Агафон, ты спятил? В такую рань какие сто грамм? Ты что бормочешь?

– А что я бормочу?

– Ты шел по улице и говорил: «Вот это да! Вот это да!»

– Давай-ка отойдем в сторонку. Я был, Семен, на избирательном участке. Ты меня знаешь, я всегда первым голосую. Там наш председатель при мне из кармана вынул горошину и подкинул под стол. Эта горошина покатила в дальний угол. А у меня зрение хорошее, до сих пор без очков книги читаю. Я за ней взглядом слежу. Оп! Остановилась. Я горошину поднял. Хотел было похвалиться, услышать слова благодарности за услугу. Но председатель

не признался, что он уронил. Семен, это нечистое дело. Сгинь, нечистый!

С этими словами Агафон пошел в сторону своего дома, а Семен остался стоять и думает: «О чем же это старик говорил?»

Вечером стало известно, что председатель остался на своем месте, народ проголосовал за него. Семен с Федором сидели на лавочке, Федор плюнул в сторону:

– Тьфу, нечистый! Я знал, что так будет. Семен, ты был прав. Надо было Агафона потрясти, чтобы он всем рассказал, что видел. Теперь ведь не скажет.

– Попробую его еще раз расспросить, – говорит Семен.

– Нет, Семен. Это тщетно. Он такой человек, ничего не расскажет.

На следующее утро после выборов в селе стояла мертвая тишина, как будто объявили день траура. Этот траур продолжался еще пять лет. Федор с Семеном продолжали вечерами сидеть на лавочке, говорить, горевать. В один из таких вечеров Федор говорит:

– Эх, куда народ пойдет? Кругом пьянка, варят сивуху, кто-то отравился, но продолжают пить. Ночью стучат в мою дверь: «Федор, есть у тебя одеколон?» До чего мы дожили, Семен? Народ ведь не работает, все бездельники. Как будут жить? Никого это не беспокоит. Кирпичный завод закрыли, колхоз распустили, ПМК пропили. Ты, Федор, видел, в каком состоянии контора ПМК? Ни окон, ни дверей – всё разграбили.

Видел в газете фотографию нашего председателя? Стоит брюхастый, на груди – орден. За что? За то, что он разрушил всё, что создал народ; за то, что население спилось, кругом грязь; за то, что коровы начали носить номера. А помнишь, разговор-то был, как он с потрошками сдал районного начальника? Где искать правду? Бесполезно искать, ведь всюду главенствует дьявол. Услышь нас, Боженька! Как будут жить наши дети, внуки?

С этими словами Федор поплелся восвояси, вошел во двор, прикрыл калитку, вошел в дом и прилег на топчан, чтобы немного отдохнуть в полдень. Только задремал, как за окном корова проревела и стала мычать. Федор вздрогнул, глаза открыл, спросонья посмотрел на это создание: корова огромная, на боку у нее – номер.

– Господи, помилуй, это что за видение? – Федор перекрестился.

Корова, видно, только отелилась, искала теленка, ревела-ревела, наконец терпение у Федора лопнуло, он спрыгнул с топчана, выбежал на улицу, открыл калитку и стал гнать корову:

– Иди отсюда, дьявол нечистый!

На той стороне дороги с кнутом в руках показался односельчанин Тауфик, старик лет семидесяти пяти – восьмидесяти.

– Федор, не гони, не гони, это моя корова, она только отелилась, – кричит Тауфик, – сейчас я домой ее погоню.

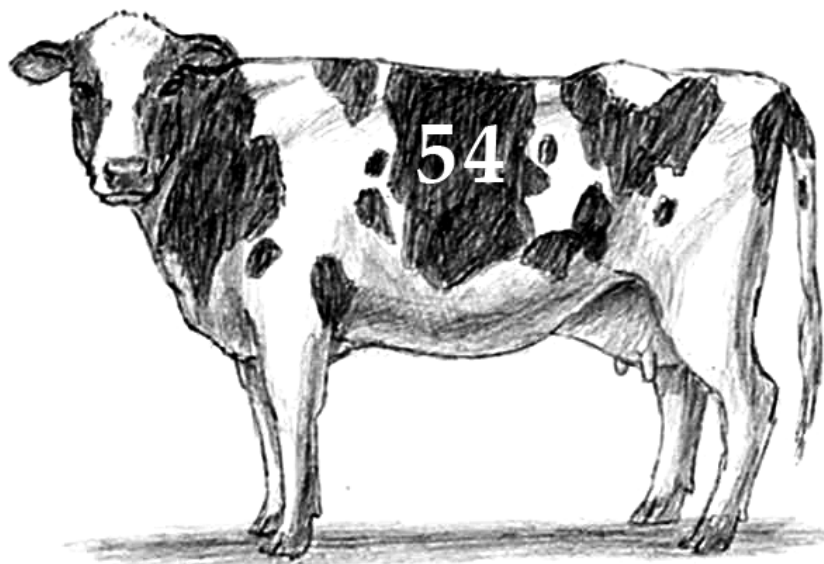
– погоди, Тауфик, а что за номер у нее на боку? Она таксистка у тебя, что ли?

Тауфик подошел к Федору и на ухо ему шепчет:

– Слушай, Федька, такие номера теперь у всех коров. Это наш председатель так распорядился.

– Кто же тебе разукрасил корову?

– Это, Федор, сосед мой, сосед. «Слушай, Тауфик, – сосед мне говорит, – ты плохо видишь, а вот я сделаю тебе большие цифры, и ты свою корову увидишь издалека». Погляди, вон какой красивой стала, а! А ты, Федор, посмотрел бы у Кольки, который на ниж-

ней улице живет, какая у него корова. У него прямо как такси нарисованное, я его спрашиваю: «Зачем ты, Колька, сделал это?» А он говорит: «Это чтобы вы хорошо видели, что я постарался». Сейчас, Федор, жарко, коровы на Кутуме в воде стоят, купаются, пастух говорит, что у некоторых коров номера смыло, скандал был на Шумном, мужики там кого-то попросили номера сделать, он сделал очень красиво, но краска оказалась смываемой – всё смыло. Они теперь этого художника ищут, никак не найдут. Слушай, Федор, я пастуха спрашиваю: «Вот коровы должны идти одной линией и под музыку. Получается у тебя так или нет?» А он ведь казах, мне отвечает: «Я как их всех собираю на Шумном – там меня мужик Исмаил научил хороший песня, – начинаю петь, коровы сами в один линия выстраиваются. Я им пою хорошая песня».

Слушай, Федор, а ведь наш председатель – умный мужик. Он придумал смотри что: коровы маршируют, под музыку идут, наверно, скоро и мы, старики, будем маршировать. Слушай, Федор, мне сельсоветская техничка принесла письмо, бумажку. Она пришла, говорит: «Здравствуй, дядя Тауфик, тебе письмо». Сама стоит, пляшет, что ли, ногами двигает. Я спрашиваю: «Что с тобой, дочка?» А она мне отвечает: «Это я марш-бросок делаю».

– Слушай, Тауфик, иди, гони свою корову. А я пойду домой, бабка моя, наверно, заждалась.

Федор подходит к дому, а недалеко Семен тут как тут, около дома подметает. Семен кричит:

– Федор! Подь сюда!

– Подметаешь, Семен? Расчищаешь дорожку для коров с номерами? Чего тебе? Что ты хочешь сказать? Давай сядем рядом, поговорим.

С шутками-прибаутками Федор устраивается на лавке, Семен рядом подсаживается.

Семен у Федора спрашивает:

– Федор, ты был на митинге, посвященном Дню Победы?

– Конечно был, Семен! В прошлом-то году народу собралось немало, концерт показывали. Пугатиха песни пела, а еще какая-то молодуха плясала. Председатель большую, как полотенце, ткань завязал на учительнице, которая работает в Евпраксинской школе,

и говорит: «Ты теперь будешь почетным жителем села Евпраксино». Срамота какая! А там стояли ветераны. Ну что это такое, а? Что, эта баба для Евпраксино что-нибудь сделала, что ли? Мы с тобой, Сеня, сколько живем в этом селе, хоть бы какую бумажку дали, подписанную председателем, с печатью. Нет, ни разу! Какая срамота!

А в этом году народу еще меньше было. Клуб закрытый, Пугатихи нет, какая-то женщина незнакомая большое полотенце кладет на пузатое брюхо председателя, другой конец ткани перекидывает через плечо, на боку завязывает узлом и ему говорит: «Ты теперь почетный бессмертный житель села Евпраксино». Я аж рот открыл так, что слюна упала, а я не заметил. Эта женщина вытаскивает второе полотно с надписью, повязывает на учительнице, толстая такая учительница. «И ты будешь, дорогая, – говорит, – почетным жителем села, потому что другие уже стали давно почетными. Носи на здоровье и не снимай даже на ночь».

– Слушай, Федор, ты всё это видел и ничего не сказал? Ты что, молча стоял, старый дурак? Вышел бы, подошел и сказал: «Это что такое? До чего мы дожили? Что, все старики перевелись? Кто дал вам право без совета старейшин принимать решение?» Ты ведь, Федор, и я, и другие старики, которые уже одной ногой в могиле, – мы ведь поднимали это село, уходили на фронт из этого села, вернулись, разгромив врага. Почему же не замечают наших заслуг область, район, этот председатель? Чем он гордится? Что он сделал для ветеранов, которые проливали кровь за родину? Эх, Федор, Федор, что-то я тебя не узнаю. У тебя что, коренные зубы выпали? Ты перестал кусаться? Нехорошо.

– Ой, Семен, ты прав. Я хотел было сказать, но у меня нижняя челюсть отвисла, я ее закрыть никак не мог, обеими руками приподнял. Не мог я ничего сказать, отвернулся и потопал домой. До конца митинга там не был. Бабка моя пришла позже, говорит: «Ой, там плясали, пели, молодежь что только не делала, упаси Бог! Раньше ведь как было? Рядом войсковая часть находилась, приходили солдаты с винтовками, стояли в карауле у обелиска, салют давали, торжественно было. А сейчас срамота!»

– Федор, слышишь, ведь говорят же «затерянные следы того времени». Ведь мы с тобой видели всё: как Советский Союз создавался, какие были трудности, мы с тобой голодали, детей поднимали на ноги, на войне нас не убили, вернулись мы с ранами в груди, работали все – кто на кирпичном, кто в колхозе, помогали стране. Это что такое, а? Не понимаю я, Федор, не понимаю.

В калитке появилась Таисия, жена Семена.

– Федор, Семен, вот слушайте. Я сегодня была на кладбище у ПМК, старикам цветы на могилы носила. И слышите вы, около конторы, в сквере, стоял памятник дедушке Ленину. Так голову пробили, шею снесли. Я помолилась, перекрестилась, Господи, что творится! Дедушка Ленин столько сделал для нашей страны! Так поступить! Какой это дьявол поднял руку на вождя пролетариата?! Ой, Семен, ой, Федор, что делается, что делается?! А контора двухэтажная какая у них красивая была, ухоженная, всё разбили, окна, двери вытащили, вокруг забор какой был – всё утащили! Я, как это всё увидела, скорее под гору покатила пешком, испугалась, не стала дожидаться автобуса, вот вам теперь рассказываю. Ой, Сеня, старичок мой, что будет дальше? Как будем жить, как будем кур кормить? Где будем сено косить? Не знаю, не знаю. Голова болит.

Семен, слышь, моя мать, Царство Небесное ей, когда-то говорила, что в Библии написано: придет к власти человек по имени Михаил Меченый, это будет конец, вздор, дьявольщина, будет разрушаться всё то, что создавалось трудом, кровью людей. Вот это время и пришло. Человек Михаил Меченый – это, наверно, Горбачев. А к нему еще Борис Ельцин. Ну что вот сделали, а? Они в Москве. А здесь председатель нас душит. Может, куда-нибудь уедем, Семен, а?

Тут из клуба донеслась музыка: играл баянист, а какая-то баба пела:

Ой, мороз, мороз, не морозь меня.
 Не морозь меня,
 И так нам холодно,
 Ох, и неуютно.
 Ничего кругом нет.
 Куда деля Советский Союз?

– Федор, Федор, Федор, смотри, спохватились! Спыхватились, когда прошляпили, теперь вон поют, а! Э-э-эх, прошляпили. Ведь как говорят-то: алтын не золото, пока в кармане, а вот как поте-решь – тогда начинаешь досадовать, жалеть, а куда же оно де-лось. Вот мы в свое время тоже не жалели, не сумели сохранить наше детище, которое защищали с винтовками в руках, подстав-ляя грудь под пули фашиста, когда умирали наши земляки из это-го села, и из ближних сел сколько мужиков полегло! Помнят ли их вдовы, которые, не дождавшись, повыскакивали замуж? Ух, пота-скухи!

– Семен, моя Глаша дождалась. Я думал, она выскочит, зараза. Возвращался с фронта, тогда сюда автобусы не ходили, в руках у меня котомка, а внутри платочек, который я купил ей, несколь-ко консервных банок, булка черного хлеба, махорка. Я был в гимна-стерке, пилотке, с орденами, медалями на груди. Гордился, как орел грудь выставил. Нас привезли на поезде, с поезда сошел, в своих кирзовых сапогах зашагал по всей Астрахани, через Паробичев бу-гор, напрямую. Шагал домой, люди встречались, любовались, гово-рили: «О, солдат, молодец, вернулся! Солдат, спасибо тебе за Побе-ду». Обнимали, некоторые люди вытаскивали из дома хлеб, а я-то всё-таки brave солдат, неужто буду по кусочку у всех хлеб соби-рать? Я им объяснял: «Ешьте сами, вы тоже голодали. Мы побе-дили. Теперь я гимнастерку сменю на гражданские штаны. Сяду за руль трактора, буду пахать, сеять. Ничего, ребяташки, выживем! Залечим раны нашей земли-матушки!» Я шел и пел песню:

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег, на крутой.

Мне чудилось, что моя Глаша стоит на берегу и ждет меня с этой кровавой войны. Ты знаешь, Семен, не заметил я, ей Богу не заме-тил, как дошел до дома. Смотрю, моя светелка на месте. Я потихо-нечку, украдкой захожу, а моя ненаглядная Глаша моет ведро, по-вернулась и вдруг ведро выронила из рук. Бегом ко мне и на шею повисла. Ох, какое было для меня счастье! А ведь, когда идешь,

какие только мысли не приходят в голову. Боялся, вернусь, а Глаша с другим мужиком. Или скажет: «Я тебя разлюбила». А она, Глаша моя, плакала три дня и три ночи, а ребята мои были так рады, что не знали, как выразить свою радость, сын побежал по одной улице, дочка – по другой, и кричали: «Папа наш вернулся, папа наш – герой!» Потом односельчане мне говорили: «Сын и дочка у тебя молодцы, они всё село известили о том, что ты вернулся героем. Молодец, каких детей ты вырастил! А Глашенька твоя – умница, мы видели, как она переживала за тебя. В твоей светелке и ночью свет не угасал. Ты счастливый мужик, Федор».

– Слушай, Федор, ты с войны шнапс хоть привез, что ли?

– Эх, Семен, Семен, в голове не было такой мысли, все мысли были о доме, скорее бы до дома доехать, увидеть жену, детей. Бежал я сюда, бежал, торопил поезд, где и пешком шел, войну ведь я заканчивал в Берлине. Эх, Семен, Семен. Сколько мы с тобой пережили. Слушай, Семен, а может, тяпнем по рюмочке? У меня дома припрятано, а?

В это время из глубины двора послышался голос Таисии:

– Семен, а Семен! Ты когда этот забор починишь? Давай сейчас делай, я буду помогать.

– Федор, видишь, баба тут как тут, как будто услышала твое предложение. Ладно, Федор, как-нибудь в другой раз. Ты побереги, как-нибудь мы собой найдем время.

Тут Федор увидел посреди улицы двух здоровых парней, у одного в руках – полуторалитровая бутылка пива, у другого – половина бутылки водки и авоська, а в авоське лежала рыба. Федор силился припомнить, чьи же это парни, но никак не мог их узнать.

– Дядя Федор, дядя Семен, вам рыба нужна? Хотите, пузырек и рыба будут ваши? – вдруг обратился к ним один из парней, поворачивая в их сторону.

Семен с подозрением поглядел на ребят:

– Пойдите, пойдите, это где же вы сетки ставили?

Один из пьяных ребят говорит:

– Да тут недалеко.

– Напротив какого дома?

– Напротив мостика, где воду берут.

– Так это же там моя сетка стоит! – воскликнул Семен.

– Дядя Семен, откуда мы знаем, твоя сетка или нет?

– А ну-ка, пойдем.

Семен их пригласил к берегу, те заартачились.

– Нет-нет, пойдем, не то милиционера позову, будете знать, чьи сетки брать.

Федор подхватил тоже:

– Ну-ка, давайте, парни, пойдем, поглядим, чью вы рыбу взяли. Не стыдно вам, ребята, посреди белого дня так ходить? Люди ведь работают, а вы ходите с водкой, пивом.

А один из парней ему отвечает:

– Дядя Федор, ты что, куда нам идти на работу? Нет работы. Вот вчера мы по городу шастали, искали работу, хоть бы грузчиками – не берут. Если берут, то дают денег только на дорогу, а что это такое – на дорогу? А кушать-то что, семье что нести?

Федор не отставал от них:

– Бессовестные, на водку находите деньги. А семью кто кормить будет?

Все четверо не заметили, как подошли к берегу.

– Здесь, что ли, вы проверяли сети?

Они усмехнулись:

– Дядя Сеня, прости, мы не знали, что это твоя сетка. На, возьми, мы больше не будем.

– Ах, бессовестные, ах, бессовестные, – повторял Семен. – Я ведь знаю, чьи вы. У вас есть детишки. Ох, бессовестные.

Парни потопали по валу, где-нибудь сядут, будут допивать.

Семен с Федором возвращались домой. Федор досадовал:

– Ох, какие молодые люди пошли. Работы нет, только и остается, что водку пить. А ведь поля пустые, бурьяном всё заросло, волки снуют.

– Ох, Федор, Федор. Что дальше делать? Мы с тобой как можем помочь?

Федор с Семеном обошли большую яму, где свистела вода из прорвавшегося водопровода, который вот уже неделю не ремонтировали. За разговорами два друга не заметили, как дошли до дома Федора.

– Ну, пока, – сказал Федор, заходя во двор.

– Ну, будь. Я пошел тоже.

Семен было повернул в сторону своего дома, но передумал и следом за Федором зашел к тому во двор. Федор обернулся и удивился:

– Ты что, Семен? Ты же домой пошел, надо что-то?

Семен обратил внимание на высохшее дерево во дворе у Федора, глянул и говорит:

– Федор, ты зачем на стволе зарубки сделал?

– Э-э-э, Семен, это тайна. Я тебе не скажу.

Семен не переставал дознаваться:

– Федор, как хочешь, говори. Это что такое ты здесь задумал, Федор?

Семен забыл, зачем пришел, одно у него на языке:

– Федор, говори. Я не уйду, пока не скажешь.

Федор важно подошел к дереву, на котором виднелись зарубки, сделанные сикось-накось. Семен стоял рядом:

– Федор, давай говори. Давай-ка я на лавочку сяду или вот на ящик.

Федор чесал затылок, всё смотрел на эти зарубки, хитрил что-то.

– Семен, Семен, ой, Семен, Семен, Семен. Значит, надо тебе знать? Так вот слушай, Семен. Первая зарубка – это наш Советский Союз, который пустили коту под хвост. Понял? Вторая зарубка означает время, когда разогнали нашу партию, под чьим руководством мы строили социалистическое общество, фашистского гада разбили, после войны восстанавливали страну. Третья зарубка – это то, что к чертовой матери послали наши колхозы и совхозы. О-о-о, Семен, ты же знаешь, Семен, буквально за один год как корова языком слизала – не стало на колхозном дворе ни одной из почитай ста машин, и тракторов много было – ни одного не осталось. Я интересовался, у мужиков спрашивал: «Ты взял трактор?» «Да нет», – говорит. Другого спрашиваю: «Ты взял?» – «Да н-е-ет». Так кто же, Семен, взял-то тогда?

Слушай, Семен, я вот думаю, когда совхозы и колхозы разгоняли, о чем думали, а? Кто будет выращивать ячмень, помидоры, огурцы? Кто будет выращивать скот? Я или ты, что ли? Вон единственная корова, и ту хочу продать! Кормить нечем.

Семен, а, Семен, вот за Шумным есть остров, где мы, помнишь, в одно время косили сено? Так вот этот остров прихватизировал какой-то татарин. Один мужик идет по улице и мне говорит: «Здравствуй, дед». Я отвечаю: «Здравствуй, сынок». – «Дед, скажи, пожалуйста, как мне на остров перебраться?» – «На какой остров, сынок? На тот, что за Шумным? Вон там старый паром дырявый стоит, надо через Воложку переправиться». Я затылок чесал, чесал, потом говорю: «Слушай, сынок, я точно не знаю, на какой остров тебе нужно, но ты на Шумный поезжай, в последнем доме живет Халит, у него лодка есть. Он может перевезти. Слушай, сынок, ты откуда?» – «Я здешний, из района. Я этот остров приватизировал. Иду посмотреть, там мой сенокосный участок, буду продавать вам сено». – «О-о-о, ты будешь продавать сено? Ой, сынок, сынок, так это же наш остров, как же тебе его дали?» Этот татарин на меня посмотрел, все тридцать два зуба показал, посмеялся и говорит: «Дед, сейчас всё можно. Даже можно без трусов ходить». Семен, у меня челюсть совсем вниз спустилась. Семен, Семен, а этот товарищ пошел в сторону Шумного, я ему вслед говорю: «Сынок, подойдешь к Халиту, он мужик своеобразный, его любимая фраза: «Чего приперлись?» Ты не обращай внимания, он мужик неплохой. Только его сетки не трогай. Если будешь там рыбу выбирать, скандал поднимется, ой-ой».

– Ты, Федор, давай лакомкой меня не корми. Говори дальше, четвертая зарубка – это что?

– Четвертая зарубка, Семен, – это баня, где работал Сашка. Ох и хороша была баня. Всегда мы с бабкой по субботам собирались, брали свои тазики и в баню. Парная какая была! Недавно мне приснилась эта баня. Нынче ее совсем разобрали. Я ребят спрашиваю, кто разобрал, а мне говорят: председатель велел, кто-то приехал, разобрал всё до последнего кирпича. Это четвертая зарубка – то, что мы потеряли на нашем фронте.

Пятая зарубка – потерянная наша войсковая часть. Хорошая войсковая часть была, ребяташки были добрые, иной раз они приходили, помогали нам. Знаешь, Семен, душа болит. Иной раз ишу я теленка, а этот теленок, зараза, всегда, забирался к ним на футбольное поле и, сбоченившись, всегда хвост поднимал, бегал из конца

в конец поля, как будто играл в футбол. А эти ребята, солдаты, смеются, хохочут, говорят: «Это теленок дяди Федора, он скоро подойдет». Они не выгоняли его никуда, я появляюсь, а они кричат: «Дядя Федя, твой хулиган здесь!»

Шестая зарубка, Семен, – неплохая амбулатория была у нас, сельская поликлиника. Сколько лет стояла, еще при Максимыче, ремонтировали ее, там всё было вроде. И вот это хорошее здание с согласия председателя приватизировал врач Жарёнов. С какой стати? Больницу перевели в контору завода. Ну, какой резон? И говорят вот, за аренду платят большие деньги. Семен, это разве похозяйски? Поликлиника находилась в ведении сельского совета. Зачем так делать? Здесь что-то нечисто, Семен. А этот главный врач Жарёнов прихватизировал здание, потом продал Корнееву, ты догадываешься, к чему я веду?

Седьмая зарубка – пятиэтажное здание депо. Какие гаражи были для пожарных машин! Это большое здание-создание даже не попрощалось с нами. Я и не заметил, как улетучилось оно. Это для меня настоящая загадка.

Восьмая зарубка – это много миллионов стоящий завод, который пустили коту под хвост. Кто-то прихватизировал, пригласил американца, за счет завода себе хоромы построил – всё это я обозначил восьмой зарубкой. Эх, какой был завод! Сколько государство потратило средств, можно было на эти деньги построить небольшой городок, мы бы из своих хибар туда перекочевали. Пожили бы на старости лет как следует. О чем думает наше государство, не знаю. Это всё Ельцин-мельцын, Меченый-перемеченный – они устроили эту катавасию, черт бы их побрал! Слушай, Семен, не могу понять, почему же наши секретари обкома, райкома не могли отстоять Союз? Всё ведь мгновенно произошло. Президента избрали неудачно. Всё это подковерная игра. Горбачев в один момент говорит: «Я больше не президент, я просто Горбачев». Народ даже слова не успел вымолвить, а эти вот хрены – Янаев и другие – путч устроили, надо было до конца довести, отстоять Советский Союз. Мое личное мнение такое. Двадцать пять лет мы мучаемся: нет ни того, ни другого. Придумали новое слово «предприниматель». Я у одного ученого человека спросил: «Сынок, скажи мне, пожалуйста, что это за

слово такое новое – «предприниматель»?» Он усмехнулся и говорит: «Отец, раньше вот фарцовщики были: в одном месте покупали, в другом месте продавали, для себя выгоду искали. Спекулянтами их называли, помнишь? Вот их теперь называют предпринимателями. Им сейчас дали много денег, мол, давайте поднимайте страну, возделывайте земли, выращивайте то-то и то-то». Да что они могут сделать, Семен? Они пальцем не могут пошевелить. У них пальцы не так поставлены. Многие из них алкаши. За Водяновкой наши местные парни тоже говорят: «Мы предприниматели, фермеры». Заняли участки, огородили, кто-то коней выращивал, а потом как будто корова языком слизала – куда они делись? У государства деньги взяли, в карман положили и были таковы. Где их зерна? Что они сделали? В одиночку ничего нельзя сделать. Недаром в двадцатые годы мужики пошли к Сталину, говорят: «Слушай, батюшка, мы с деревянной сохой, дохлой лошадейю ничего не поделаем. Давай, отец, коллективизацию», а они сейчас хотят одним махом государственные деньги в карман – и в кусты.

Семен, на одни и те же грабли наступаем. Хорошо, если ручка этих грабель короткая, а если длинная – непременно по лбу стукнет.

– Федор, давай дальше. Мне некогда. Девятая зарубка.

– Эх, Семен, торопишь ты меня. Ну да ладно. Девятая зарубка. Семен, тот новый завод со всеми коммуникациями: водозабором, канализационными сооружениями – помнишь, в каком году они были сданы? Это был 1987-й год. Теперь считай, сколько прошло с того времени. В 1991 году Советскому Союзу – шах, все эти заводы, сооружения остались бесхозные. Кто чем мог, тем и занялся. Я в 1991-м году однажды теленка искал на водозаборе, ты представляешь, до этого я ходил, любовался: «О, как хорошо всё устроено. Здесь вода пойдет, хлоркой будет обрабатываться. А здесь лаборатория будет, наши бабы станут пробы брать. А какие комнаты! А тут стоит – как бишь по-современному? – унитаз». А когда теленка искал, смотрю, там окна целыми блоками выдернули, где-то провода порвали, мотор не работает. Подхожу к ребятам на водозаборе, говорю им: «Ребята, год назад этот водозабор по-другому выглядел. Что же произошло?» Ребята усмехнулись: «Да кому теперь это надо?! Никто с нас не спрашивает. Мотор вот

сломался, так что воды, дядя Федя, сегодня не будет». – «Как же мы будем чай пить?» – «Так берег близко, пойдешь с ведром, наберешь». И теленка не нашел, оттуда шел и плакал. Ох, заразы!

– Федор, а десятую-то зарубку ты подкрасил красным цветом.

– О, Семен, это дело важное. Ты помнишь, давно-давно, мы с тобой еще молодые были, на бугре, позади школы, с ребятами ставили водонапорную башню? Так вот, Семен, я ходил снова теленка искать. Прохожу мимо, чего-то не хватает как будто. Школа, смотрю, стоит. Правда, забор весь поломанный. А ведь забор отремонтировали в 1985-м году, когда приехал новый директор, среднюю школу организовал, привел всё в порядок. Любо-дорого было глядеть. Ох, нравилось мне тогда рано утром вставать, рубаху не надевал, в майке выходил и делал зарядку, потому что на самом верху, на гребне чердака школы, стоял репродуктор и хорошая музыка звучала. Эх, нравилось мне, как Эдуард Хиль песню пел. Потом еще обратил внимание, Кривошеевых дом стоит вроде на месте. Вниз посмотрел – Молчановский дом тоже стоит. Потом думаю, а где наша башня? А башни-то нет! Я даже не заметил, когда ее разобрали. Эта капитальная железная башня обеспечивала всё Евпраксино водой, на самом высоком месте стояла. Чтобы вода не замерзала, мы с тобой, помнишь, кирпичом ее обкладывали? Сейчас на том месте нет ничего.

Семен, мне стало очень плохо. Мы строили, а кто-то разрушил. Оттуда иду, Семен, ничего вокруг не вижу. А в проулке плюс к этому, зараза, Сашка с Сабиром пьяные, полуголые сидят и матом кроют. Я на них глянул, они мне говорят: «Дядя Федя, здравствуйте», я ничего не ответил, только слышу издали, кто-то из них говорит: «Что, дядя Федя язык потерял, что ли?»

А одиннадцатую зарубку, Семен, я поставил, когда школу закрыли. Приезжал, говорят, губернатор, пешком прошелся от Евпраксино до Водяновской школы. За ним на расстоянии пятнадцати метров шел наш председатель, объяснил народу, что школа закрывается. Как обидно, Семен. Ты помнишь же, как мы эту школу строили? Помнишь, 1954-й год, как мы поднимали эту школу, на каком хорошем месте она стояла? Вот, Семен, столько горечи во мне! Как дальше жить, Семен дорогой?

– Федор, может, мы напишем президенту? За такие заслуги наградили нашего председателя, пусть теперь президент наградит, как думаешь?

– Слушай, Семен, вот сделали новый водопровод – по всему селу нашему то там дырка, то здесь, кругом старые трубы, то там прорвет, то тут. О чем думали, когда делали новый водопровод? И не собираются заменять, ведь зима придет, а ведь зима-то не матушка, которая пожалеет нас. Какая еще будет зима, неизвестно. А в Водяновке тоже, говорят, что ни день, то здесь, то там рвется. Наш председатель, говорят, вместо того чтобы подвести воду напрямую с берега к водопроводу, прямо по-издевательски сначала до кладбища православного довел, потом по улице рыли траншеи такие огромные машины, дома аж тряслись, после этого оттуда обратно вели воду до напорной башни, а водонапорная башня-то в сторону наклонилась. Что будет дальше, а? Очень больно от этого делается. Семен, у меня рядышком топор лежит, я думаю, двенадцатая зарубка тоже, наверно, скоро будет. Всего можно ожидать.

Эх, Семен. А помнишь, раньше возьмешь двести грамм колбасы – ох, какая наша астраханская колбаса была, мясокомбинат выпускал! – не наешься, еще хочется взять, но денег-то нет. А эта дрянь, что в магазине у армяна, – полные стеклянные прилавки, в них колбасы какой только нет! Я однажды взял двести грамм, так она на зубах хрустит, как будто после того как сварили, клея в нее добавили.

– Федор, ты чего? Какая еще колбаса? Я давно в магазин не хожу и велел Тае не брать эту колбасу. Федор, сегодня по радио наша астраханская деваха говорит: «Скоро в Астрахани будут выпускать колбасу из лягушки».

– Ой, Семен, это что-то совсем новенькое. Ой, дьявольщина, тыфу! Ты знаешь, Семен, я недавно ездил на Веселую Гриву, там много дачников живет. Мужик с города, у него и в городе дом, и здесь он тоже купил дом, потому что многие из Веселой Гривы уехали. Дом добротный. Мужик на берегу сидит, сетку ставит, удит. Я к нему подошел, говорю: «Бог в помощь». Он глаза вылупил, брови у него густые, отвечает: «Здоровеньки булы». Не наш мужик.

Я спрашиваю: «Ну как, рыба ловится?», а сам обратил внимание на привязанную к колышку сетчонку, а в ней лягушки барахтаются. На обратном пути всё раздумывал, для чего же мужику лягушки, наверно, сомов ловит. Потом выяснилось, что он их сдает.

По дороге пешком, Семен, почти дошел до Щучьего. Дорога паршивая, вся в пыли. Раньше строили асфальтовую дорогу, она превратилась в песок. Если проедет машина мимо, оказываешься весь в песке, дышать нечем. Так вот я до Щучьего дохожу, а там мимо меня проезжает наш председатель на белой машине, окно приоткрыто, лысина его блестит, он с шиком проехал, мне головой кивнул важно. Какой он здоровый! Щечки свисают с обеих сторон, лоснятся. Я его давно не видел. Лицо у него стало широкое. Я подумал, на курорте, что ли, мужик отдыхал. Вот бы и мне так поправиться. Он с шумом пролетел мимо меня в сторону Веселой Гривы. Я и оглянуться не успел. А с другой стороны, на Щучьем, смотрю, стоит молодой мужчина с удочкой. Это оказался наш евпраксинский парень. Он, увидев меня, спрашивает: «Дядя Федя, здравствуй, ты откуда идешь?» Я решил уточнить: «Здравствуй, а это председатель наш поехал, что ли?» «Да-а, – протянул мужик, – он поехал икру есть». Я не понял, Семен. Спрашиваю: «Откуда такая икра? Там продают, что ли?» Мужик усмехнулся: «Эк продавать. Там, за Веселой Гривой, где пруды были колхозные, где работали Ядрины, хозяева появились. Разводят в прудах осетровых. И икра у них там есть. Наш председатель с ними в ладах. Наверно, помог им приобрести эти пруды. Вот и едет туда икру кушать». Я только тогда понял, Семен, отчего он такой брюхастый, огромный стал. Он, оказывается, икру кушает.

– Вот так дела, Федор. Ты на Веселой Гриве чего делал?

– Мне сказали, есть какая-то молодая корова. Я хотел купить, но мне заломили цену. Пришел я на Веселую Гриву, спрашиваю: «Кто здесь продает корову?» Местные мужики мне говорят: «Пойди вон туда. Там хозяин – кавказец. Он и коров продает, и овец. С опаской я туда подхожу, а какой-то человек коров подгоняет. Гляжу, у этого человека черная длинная борода, на голове шапка большая. Он мне говорит: «Отец, что тебе надо?» Я ему ответил, что слышал, будто здесь коров продают. «Тебе какую корову надо? Старую или

молодую, бычка или бабу?» – спросил он меня и вдруг громко расхохотался. Я прямо-таки, Семен, испугался. Зря, думаю, сюда пришел. Потом он мне говорит: «Слушай, у меня корова есть. Хочешь посмотреть?» Я, Семен, малость струхнул, но всё-таки пошел за ним, посмотрел. Цена не пошла. Очень дорого просит. Я извинился и ушел.

– Эх, Федор. Век живи, говорят, век учись. Век смотри. Было бы на что хорошее смотреть. Пришлось на пакости смотреть, ведь народ-то наш безвольный. Недаром же говорят, что Евпраксино – село ссыльное, то провинившихся сюда в ссылку отправляли, то спецкомендатуру разместили, заключенных направляли. Сейчас правды нет, стариков не осталось почти, ты да я да мы с тобой, Федор, по пальцам пересчитать можно. А молодежи всё равно, им, кроме рубля, ничего не надо. Утром я рано просыпаюсь, мой дом у дороги ведь стоит, то и дело слышу: вжик – одна машина проезжает, вжик – другая. Покоя нет. Спрашиваю Таю, кто это такие. А она отвечает: «Это наши ребята молодые. Работы-то ведь нет, кто имеет машины, едут в город шабурить – таксовать». Деньги, деньги, деньги у всех на уме. У одного даже на лобовом стекле написано «Плати деньги, и всё». Эх, Федор, когда были с тобой на войне, разве мы за такую жизнь боролись? Разве могли мы подумать, что люди будут такие безнравственные? Да повсюду, Федор, безнравственность. Иной раз в городе бываю, гляжу на людей – горько смотреть. Уважения к окружающим, что было при Советском Союзе, сейчас нет. Мне говорят, что всё наладится. А я боюсь. Один мужик мне говорит: «Дядя Семен, мы живем при другом строе. Социализма нет, о коммунизме мечтать не надо. Мы живем при капитализме – кто кого объегорит». В местные магазины, например, привозят товар по одной цене, в магазинах вклеивают дополнительную наценку. Хочешь – покупай, не хочешь – не покупай. Говори не говори, былого не возвернешь. Лишь бы только не было войны.

Откуда ни возьмись, из-за угла появился Мухамед, местный мужик. Увидев Федора с Семеном, присел рядом с ними на скамейке, тяжело дыша.

– Ты откуда, Мухамед? Так тяжело дышишь.

– Ты знаешь, Федор, я ходил в сторону Веселой Гривы, где

стояли водозабор, радиостанция. Искал теленка. Нет его нигде, будто сгинул. До радиостанции ходил. Ты же помнишь, там Степаныч был, Аринин? Какой сад там рос прекрасный, помидоры, картошку рядом сажали, территория радиостанции была ухоженная. В нашу молодость, когда агабабовские промыслы национализировались, перешли в руки государства, построили эту радиостанцию, чтобы она информировала о состоянии морского лова. До 1957 года рыбаки на ставнушках, вьюшках, бударках работали в Каспийском море. Сейчас радиостанция вся разбита, ворота нараспашку. Говорили, что там кто-то живет, но нет никого, ни души.

– Мухамед, ты ведь знаешь, в какие годы в Евпраксино приехали казахи, их были единицы. Бисен, Тауфик, Нуридден, ты приехали. Когда это было?

– Федор, это было после войны, когда построили третий цех, открыли карьер, начали брать глину с Бэровских бугров, чтобы кирпичи делать. Тогда мы, бершикские, семибугоринские казахи, сюда подались, там с работой дела обстояли плоховато. Сейчас в Евпраксино тоже казахов мало, старики почти все ушли из жизни, молодежь родной язык забыла, обычаи не соблюдаются. Я часто разговариваю с казахами, которые еще живут здесь, обращаюсь к ним на казахском языке, они мне отвечают на русском. У меня корни из Гурьевской области, я знаю все обряды, обычаи, вижу, как там растет молодежь. Всевышний помогает, Казахстан в последние годы развивается, дети знают и родной язык, и русский, и английский, уважают старших, традиции сохраняются. Недавно, Федор, я беседовал с одним уважаемым человеком, так же сидели вечерком на скамеечке, он говорит, всё в жизни делал как полагается, и работал добросовестно, и уважение снискал, две дочери в хороших школах учились, хорошее воспитание получили, знали традиции и обычаи. Но во время партократии командировали то туда, то сюда, поэтому одно время он с семьей жил среди многонационального населения, где преобладал, конечно, русский язык. Существует, родительское благословение, целомудрие, строгая нравственность, девушки должны беречь честь. Но что поделать, одна оступилась, другая оступилась. Пришлось выдавать замуж.

ШКОЛЬНЫЕ ИСТОРИИ

I

Я поднимался по горке к школе. Вид вокруг был великолепнейший. Я подумал, как же удачно выбрали место для ее сооружения. Тут передо мной предстала маленькая, побеленная с фасада школа, рассчитанная, видимо, на семилетнее обучение в сельской местности. Основная часть здания была возведена из кирпича, благодаря тому, что рядом находился третий цех Астраханского кирпичного завода. Остальные конструкции были деревянными. Я подошел ближе. Школа выглядела запущенной, неухоженной. А ведь любой предмет, здание, как и всякое живое существо, требует заботы. Однако нужно отдать дань тем умельцам, которые украсили здание прекрасными арочными конструкциями. Школа эта была построена в 1954 году, а я встал у ее руля только в 1985-м. При хорошем уходе здание просуществует, прослужит для людей много лет. Но, судя по всему, хозяин у этой школы был не один, не каждый из них обращал внимание на ее состояние. Располагалась она в двадцати километрах от центра Астрахани. С города приезжали директора школ, уезжали в город каждый день и, отработав год-другой, исчезали. При последнем директоре половина оконных проемов была замурована кирпичом (благо кирпичный завод поблизости). Видимо, по причине того, что эти кабинеты не использовались или отопление было не налажено. Я обошел школу вокруг. С северной стороны здание было нештукатуренное, кирпич сыпался, черный вход имел печальный вид, рамы прогнили. Так выглядела школа снаружи.

Я поднялся на второй этаж, в учительскую. Представьте, я вспомнил картину видного художника, запечатлевшего на своем полотне красивый лесной пейзаж. С высоты второго этажа, притом с пригорка, открывался чудесный вид: к северо-востоку от школы извивалась сверкающая маленькая речушка, она делала изгиб в двухстах метрах от школы, хорошо были видны ее прозрачные воды, лодки, причаленные к берегу; на юге речка впадала в другую реку – Прямую Болду, а между ними расположился остров с живописным лесным массивом. Широкая река величаво раскинула свои сияющие воды, а маленькая речушка была подобна дочке этой большой реки.

Неописуемая красота! На противоположном берегу реки, далеко-далеко, виднелось большое село. Поближе – студенческий лагерь, корпуса которого были сделаны из большого белого кирпича – гипсоблока. Всё это придавало этой местности неповторимый вид. Моя душа дрогнула. Как же так? Как же я эту бедняжку школу не приму? Ведь ей нужна моя забота. Я должен сделать из нее конфетку. Так началась новая моя канитель.

Сама местность, где расположилось село, состояла из нескольких холмов, образовавшихся, видимо, вследствие отступления Каспийского моря. На одном пригорке – школа, на другом – другая сторона центральной улицы, на которой располагались жилые дома, здание сельского совета, правления отделения колхоза. В конце улицы строился большой союзного значения кирпичный завод, который в будущем должен был называться заводом стеновых керамических материалов. Это был огромный завод, на котором работала тысяча с лишним человек. На краю села находилась спецкомендатура, лагерь для заключенных, которые принимали участие в строительстве этого завода. Со всего Союза работали и жили в лагере около шестисот человек. С северной стороны села тоже возвышался пригорок. Я тогда не знал, что там располагалась войсковая часть гражданской обороны. Впоследствии на сессии сельского Совета депутатов я познакомился с командиром батальона. Это был статный мужчина по имени Петр, в ходе беседы он пригласил меня в батальон посмотреть, погостить. Я его приглашение принял.

Конец августа, время сбора урожая. Стоял прекрасный субботний день. Хотелось в конце рабочей недели совершить неторопливую пешую прогулку. Оказалось, что от школы до войсковой части всего километр ходьбы. Я решил пройтись. Зашел на территорию стадиона части: ухоженные снаряды, футбольное поле. Территория войсковой части была настолько чистой, будто плац драили только перед моим приходом. Чувствовалось, что здесь есть хороший хозяин. Подошел, думая о своих будущих заботах, к проходной. Меня остановил дневальный. Я представился, сказал, что приглашен гостем, хотел бы увидеть командира. Дневальный нажал на кнопку и доложил о моем визите. Командир велел немедленно проводить меня к нему в кабинет. У входа висело знамя батальона,

внутри стоял еще один дежурный. Командир радушно встретил меня, обнял. Мы завели разговор о школьных заботах, о заботах войсковой части. Я, воспользовавшись случаем, попросил Петра помочь в ремонте школы к новому учебному году. Так у нас завязалась беседа. В ходе разговора Петр нажал на кнопку на краю стола – вошел солдат.

– Товарищ дневальный, пройдите на арбузное поле и принесите арбуз номер шесть, – обратился к нему командир.

Я удивился, что это за арбуз номер шесть, и решил дожидаться, что же будет дальше. Через какое-то время дневальный докладывает:

– Товарищ командир, шестого арбуза нет.

Командир негодуяюще воскликнул:

– Как нет?! Куда делся?! Самый большой арбуз! Принести сюда! Солдат снова скрылся, а я застенчиво спросил:

– Вы арбузы нумеруете?

Командир ответил:

– У нас выросли хорошие, большие арбузы, местные же их воруют, поэтому я поставил охрану, а арбузы пронумеровал. Так вот шестой арбуз украли!

Мы расхохотались, я рассказал про свои казусы, случаи из школьной жизни. И так мы тепло побеседовали, командир пригласил на обед, поели солдатский суп, кашу, арбуз. Была уже вторая половина дня. Петр пригласил меня проехаться на Веселую Гриву, там солдаты рубили капусту. В школе были у меня дела, но тем не менее я согласился ненадолго съездить.

Дорога в Веселую Гриву пролегла мимо нескольких сел: вот небольшая кучка домов – называют Шумной, дальше – Комарово и, наконец, Веселая Грива, или Параська, как называют это село местные жители. Командир рассказал, что раньше здесь находились рыбные промыслы рыбопромышленника Агабабова, а еще раньше – помещичье угодье госпожи Евпраксии, имевшей высокое положение в Петербурге. По ее имени, видимо, и назвали это большое село. Подъехали к Веселой Гриве, а здесь перед нами развернулись широкие, красивые, ухоженные поля с богатым урожаем. Машина свернула с основной дороги, в стороне кучка солдат во главе с лысым

товарищем рубила капусту. При виде командира он подскочил, подбежал к машине, приложил руку к голове и доложил:

– Товарищ комбат, ваше задание выполнено. Сейчас заканчиваем, потом погрузим в машину.

А комбат ему говорит:

– Для начала, товарищ прапорщик, руку прикладывают к голове, когда на голове фуражка. Вы без головного убора. Вы не первый день в войсковой части. Подаете плохой пример солдатам.

Солдаты в то время продолжали рубить капусту.

– Виноват, товарищ комбат, исправлюсь, – ответил прапорщик.

Командир вздохнул:

– Эх, Ваня, Ваня, пора тебе рапорт подавать в отставку.

На обратном пути мы хохотали, обсуждая этот эпизод. Я спросил:

– Кто такой этот Ваня?

– Это прапорщик, горе мое. Думаешь, капусту он собирает для войсковой части, что ли? Если там мешок для части, то десять – себе. Это такой хапуга, – посетовал Петр.

Я был удивлен: неужели наших детей, которые идут служить в армию, воспитывают вот такие вот Вани? Командир подвез меня к школе, мы распрощались. В будущем мы с командиром часто виделись.

Уже смеркалось, солнце клонилось к закату. Преисполненный впечатлений, я зашел в школу. То смеялся, то задумывался, то из окна учительской любовался пейзажем, который становился всё краше. В лучах уходящего солнца лес казался сказочным, а река – зеркальной. Такого вида я нигде не встречал. Вспоминались картины художников, изображающие лодки, причаленные к берегу; я представлял, будто это живые существа, которые приложились к берегам, чтобы питаться от матушки реки.

Позже, когда у меня было время, я сделал зарисовку пейзажа карандашом. Мой друг Юрий Доронин – художник, директор Астраханского художественного училища имени П.А. Власова – посмотрел на мое творение и сказал: «Ты невежда, такую красоту в кармане носишь! Как можно?! Эту картину нужно доделать и поместить в рамку. Где ты сделал зарисовку, ну-ка, покажи». Я ему

рассказал, и потом он специально приезжал, чтобы запечатлеть этот неповторимый пейзаж на холсте. Эта картина до сих пор, думаю, находится в училище.

II

Осень золотая надевала желтый сарафан. Прекрасное было время. Из того же окна учительской изредка мне доводилось любоваться увядающей красотой лесного массива, маленькой речки и большой реки, на которой иногда появлялись небольшие баркасы, тогда много было речного транспорта. Недалеко на реке стоял паром «Дымка», который перевозил автомашины, автобусы с рабочим людом утром и вечером. Баркас был для меня словно большой пароход, потому что такого типа транспорт мне, много лет жившему в степи, раньше не приходилось видеть. Но так как я коренной волжанин, вспоминались мне волжские пароходы – «Красная Башкирия», «Панфиловец», которые курсировали из Астрахани в Казахстан. Прогулки на пароходах для меня были благодатью. Я, стоя у окна учительской, старался разглядеть идущий по реке пароход, но, увы, показывались небольшие баркасы, а иногда удавалось увидеть речную «Зарю» – быстроходное пассажирское судно, маршрут которого пролегал через такие села, как Семибугры, Тузуклей. Видя эти речные суда, я радовался по-своему. Мне чудился необыкновенный воздух этой реки.

Увядало и во дворе школы, небогатый двор школы тоже одевался в осенний наряд. Я не понимал, почему же во дворе не сажали помидоры, огурцы, картофель, елочки, не построили площадку для игр и общешкольных торжественных линеек, дорожки, почему не красили забор.

Ударный девятый класс состоял из тридцати девяти учеников, ребята рослые, высокие, девочки тоже высокие, красивые. Мне казалось, что это не класс, а целая аудитория студентов. И конечно, при появлении нового учителя – это закон школы – дети проверяют его на прочность.

Замечталась Надя на уроке математики. Я заметил, как она смотрела в окно, сквозь которое проникали последние лучи осеннего солнца, скудно освещавшие классную комнату, но не дававшие

больше тепла. Она думала о чем-то своем. Руслан старался показать себя самым умным и остроумным среди своих одноклассников.

Наступила перемена, я жду учеников, слышу – стук в дверь кабинета, заходит классный руководитель девятого класса, огорченная чем-то – видимо, поведением учеников. Ведь я тоже обратил внимание, новая пора осени вводит в уныние и Надю, и Инну, и Лену, и Диму, Виталия, Сашу, Руслана. И часто это проявляется, как вспышка на лоне солнца.

Знание возрастных особенностей детей позволяет педагогам анализировать те или иные факты их поведения, чтобы наиболее оптимально выстраивать процессы взаимодействия с ними. Часто мы обращаемся к нашей юности, когда сами были учениками, чтобы находить правильные тропинки, подходы, зачастую приходится принимать неординарные решения.

Как-то на уроке геометрии, проходя по рядам, я заметил на столе у Димы двойной листок, на котором в верхней его части была нарисована карандашом Надя, а внизу он запечатлел ту самую унылую, но прекрасную осеннюю пору, красивые деревья, домики, которые я как будто бы видел когда-то. Дима, заметив мое любопытство, быстро перевернул листок и сосредоточился на уроке. В душе я выразил благородное сочувствие Диме, ведь это высокое чувство знакомо мне самому еще со школьных, студенческих времен. Некоторые сладостные воспоминания возвращались, но я не имел права отвлекаться, так как вел урок.

– Почему треугольник всегда вызывает споры? Почему треугольник – очень неудобная фигура? Почему много говорят о треугольнике? – с этими вопросами я обратился к классу. И ждал, кто как их растолкует.

В классе воцарилось молчание, ребята призадумались. Только один Коля Кныш пристально глядел на меня, вытянув шею. Я прошелся взглядом по лицам ребят: как они смотрят на жизнь, были ли в их жизни случаи с треугольником? Девочки о чем-то шептались, что-то они извлекли из моего вопроса, кто-то понял намек, кто-то подошел к вопросу чисто с научной стороны. Ирочка, сидевшая за третьим столом, что-то захотела сказать.

– Как ты думаешь, благородная ли эта фигура? Есть ли в ней толк? – спросил я ее.

Она встала, начала объяснять, что в треугольнике существует биссектриса, апофема, луч, угол и другие элементы фигуры.

– Но они по-разному ведут себя. Я не понимаю, что вы имели в виду, – развела руками девочка.

Вдруг подняла руку Лена и произнесла:

– Хорошо, если в треугольнике встретятся три женских элемента. А вот когда встречаются два женских элемента и один мужской – вот здесь возникает проблема.

– Лена, ты что имеешь в виду? – спросил я ученицу.

– Ну, вот биссектриса, апофема – имена существительные женского рода, а луч – имя существительное мужского рода. Если встретятся три эти фигуры, обязательно возникнет какой-нибудь конфликт. То же случится, если встретятся, к примеру, луч, угол – мужского рода и какая-то высота – женского рода.

Некоторые ребята поняли, о чем идет речь, и слегка улыбнулись. Только я обратил внимание на Надю, она покраснела, почувствовала неловкость, тут же перевел взгляд на Диму и, быстро окинув взором весь класс, встретил еще одного мальчика. «Значит, – подумал я, – здесь присутствует благородное чувство, любовь. Это к месту».

Время шло. Мне нужно было объяснить детям теорему – третий признак равенства треугольников. Я начал объяснение и как бы невзначай обратился к Диме, а Дима, надо сказать, был одним из самых сильных учеников в классе. Я задал ему вопрос:

– Дима, как ты считаешь, как можно было бы сформулировать третий признак равенства треугольников? Может, ты попробуешь доказать? Ничего страшного, если что-то пойдет не так, я поправлю. А ребята тоже пусть посмотрят, какой он, третий признак равенства треугольников, с твоей каланчи.

Дима, слегка покрасневший, встал и вышел к доске. Он начал так:

– Геннадий Губайдуллаевич, ну, если вы хотите услышать, в чем заключается третий признак равенства треугольников, мое мнение таково: треугольники могут быть равны, если равнозначны элементы, составляющие его. А если элементы треугольников не равнозначны, то какая может идти речь об их равенстве?

Я мгновенно поблагодарил Диму за его ответ, попросил сесть на место и сам продолжил излагать теоретический материал, объясняя представленный в учебнике вариант доказательства теоремы.

Я часто возвращался мысленно к этому эпизоду, потому что это уже были не дети, а подростки. К ним должно быть совсем иное отношение учителя, нежели к ребенку, важно уметь понять их в этом возрасте, а в противном случае можно наломать дров. Высокое чувство порождает подвиг, нацеливает человека на более высокие, благородные мотивы, поэтому надо умело пользоваться этим инструментом и вовремя своим подопечным объяснять, в чем преимущество того или иного поступка.

Разгадал я точно: соперником Димы был Виталий, очень хороший, спокойный мальчик, в плане учебы не самый сильный, но за человеческие качества я его всегда ценил. Однажды произошел такой случай. Школу нужно было приводить в новый вид: побелить фасад, повесить над входной парадной дверью две огромные лампы «кобра», на фронте поставить громкоговоритель, чтобы будить это старинное село любимыми песнями, чтобы ученики с тягой, интересом шли в школу, чтобы их родители под песни Муслима Магомаева, мелодии таких композиторов, как Александра Николаевна Пахмутова, Ян Абрамович Френкель, с большим настроением шли на работу, чтобы дети знакомились с их творчеством, приобщались к искусству. Не каждому доверишь такие рискованные задания. Иногда я сам, легко одевшись, потихоньку взбирался на крышу, потому что рисковать жизнью детей и других учителей не имел права. Как-то раз через второй этаж я взобрался на фронтон и, держа в одной руке флаг Советского Союза, продвигался вперед. Вдруг позади послышался чей-то голос, я осторожно оглянулся, оказалось, что сзади меня по моим следам идет Виталий. Я громко крикнул: «Виталий, назад! Я сам сделаю, осталось немного». Но мальчик быстро приближался, за ремень он закрепил молоток, в кармане лежали гвозди. Он подошел, поздоровался и сказал: «Я сделаю лучше, чем вы». Меня страх одолел за него такой, что я не знал, что делать. В то же время я гордился тем, что растет настоящий мужчина, готовый на любой подвиг. На моих глазах он настолько вырос, что я проникся к нему еще большим уважением.

Во дворе школы выстраивалась линейка, посвященная празднику 1 Мая. Дети стояли нарядные, одетые по-парадному; заборы покрашены, во дворе школы положили огромные плиты, сделали площадку, на которой выстраивалась вся школа. В середине наши шефствующие организации – ПМК-35 и колхоз – установили ограждения для клумб, где посадили две большие карельские ели, цветы, которые уже успели зацвести. Мне было приятно говорить только о хорошем на линейке. Я не сдержался, рассказал о подвиге Виталия, ребята призадумались, ведь хороший пример заразителен. Руслан обо всем этом давно знал. Иногда он подначивал Димку и Витальку, сталкивал их лбами.

Тем временем в школе наступила горячая пора – подготовка к экзаменам, окончанию учебного года. Полным ходом шла работа на спортивной площадке, ее надо было полностью переоборудовать, подготовить материальную базу для начальной военной подготовки, для реорганизации девятилетки в среднюю школу. Во всех этих делах ударный девятый класс принимал самое активное участие. Конечно, как же можно было обойтись без Руслана – души коллектива? Он как принимался зубоскалить, так мальчишки начинали за ним гоняться.

Юношеский максимализм всегда преобладал в своем превосходстве, что еще раз доказал один случай. Новый мотоцикл «Урал», голубенький, красивый, только что купленный, стоял у входа в школу, у калитки. Я обычно рулевую колонку закрывал на замок, чтобы посторонний человек не мог воспользоваться мотоциклом. Но в тот раз в спешке я забыл это сделать. А мальчишки ведь любят покрасоваться. Выхожу, «Урала» нет, туда кинулся, сюда – нигде нет. Спускаюсь к востоку от школы, там был крутой склон. Мой «Урал» стоит, лбом стукнулся об забор, а рядом, вижу, Димка. Вот это да... Куда только не приводит мальчишек любовь, на какие крайности не толкает их! Димка, видно, решил покрасоваться на директорском мотоцикле перед Наденькой. Но вышло по-другому. Я спрашиваю у Димы:

– Ты почему так поступил? Ведь если умеешь кататься на «Урале», а управление на этом мотоцикле, между прочим, для новичка тяжелое, ты мог бы попросить.

А он мне говорит:

– Так поступают все влюбленные.

Я с интересом наблюдал за этим треугольником, но решения не находил, ведь эта задача заключалась не в доказательстве теоремы и не в разрешении дилеммы. Аксиому для этого треугольника найти было нельзя. Учителя девятого класса жаловались. То урок сорвали – а кто зачинщик? Разумеется, Руслан. То не пришли на практические занятия. Кто зачинщик? Дима Макаркин. Я не мог поверить, ведь эти ребята неделю назад были спокойными, уравновешенными. Что свело их с ума? Конечно, Руслан по складу характера заводила, он просто любил позубоскалить, посмеяться, подшутить, выдумывал разные шалости. Но такой любви, как проснувшаяся весной 1985 года у Виталия, Димы и Нади, у Руслана, по-моему, в то время не было. Так проявляются возрастные особенности подростков, иногда, как нам кажется, и не вовремя.

Педагогика утверждает, что будущее подростка складывается в основном в школе. Сегодня, спустя много лет после окончания школы тем девятым классом, я наблюдаю, кто кем стал. Саша Титов (Царство ему Небесное), заводной парень по прозвищу дядя Степа, как был простым, чистосердечным человеком, таким и оставался, это проявлялось во всех его поступках. Володя Нестеров после окончания средней школы никуда учиться не пошел, к этому времени распался Советский Союз, он занялся предпринимательством: закупал красную рыбу, икру, перепродавал – делал деньги. Позже вернулся учителем физкультуры в школу, к тому времени он уже обзавелся семьей, но в силу обстоятельств был вынужден из школы уйти и снова подался в предпринимательство. Сейчас ведет довольно успешную деятельность. Леночка пошла в училище, заочно окончила пединститут, работала учителем младших классов, потом заместителем директора по учебно-воспитательной работе и, по-моему, до сих пор работает. Конечно, при встрече я интересуюсь, как сложилась их жизнь после школы. Я всегда наставляю детей, чтобы думали своей собственной головой, ведь жизнь быстро проходит. Чтобы через определенный период человек, оглянувшись назад, мог оценить: специальность есть? – есть; дети есть? – есть; семья есть? – есть; друзья есть? – есть. Всё это имеет немаловажное

значение. Некоторые мои ученики из того девятого класса, думаю, немного просчитались в жизни, потому что родители не всегда бывают хорошими советчиками.

III

По деревянной лестнице усталый спускаюсь как-то раз на первый этаж. Поворачиваю направо, в рекреацию первого этажа. Вдруг слышу удивительную струнную музыку. Я в недоумении: наверно, это Димка или магнитофон крутят. Кто же это так играет? Прекрасные звуки доносились из кабинета девятого класса.

Я стучусь, открываю дверь, захожу в кабинет. Ребята на местах, классный руководитель Валентина Петровна – за столом, а ближе к двери сидит, закинув ногу на ногу, мальчик, высокий, одетый в рубаху, подпоясанную кушаком, в руках он держит балалайку и наигрывает соло «Уточка моя луговая», добавляя разные вариации. Я не узнал этого талантливого паренька, но был ошеломлен его игрой. Ребята встали поприветствовать меня, тот мальчик тоже встал и повернул голову ко мне. Кныш Коля! Я был очень удивлен.

– Коля, да ты талантливый! – воскликнул я.

Тот заулыбался, засмутился, покраснел, балалайку прижал к груди. Я спрашиваю:

– Откуда ты такого таланта набрался?

Он молчит.

– Коленька, давно ты играешь? Кто тебе костюм смастерил? Какие у тебя красивые национальные узоры, нашивки на рукавах, воротничке!

Коля отвечает:

– Мы готовимся к концерту, поэтому мне сшили этот костюм.

Я попросил Колю продолжить играть и присел в сторонке, чтобы тоже немного послушать его сказочную игру. Он с недоумением, но охотно сел и приготовился продолжить свой концерт. Удивительно, Коля Кныш, который на моих уроках не мог сформулировать теорему Пифагора, так виртуозно играл на балалайке! Я на Колю Кныша смотрел уже другими глазами. Он выглядел очень солидно. На лице его сверкала улыбка удовольствия, оттого что этот русский народный инструмент оживал под его пальцами. Коля в этот момент

очень походил на Бориса Новикова, известного артиста кино, юмориста, каким тот был изображен на фотографиях в молодости. Если бы только не сухой лишей на лице Коли, замазанный зеленкой.

– Ну а как быть с зеленкой? – пошутил я.

Украдкой я поглядел на класс, удивительно, девочки очень тихо, завороченно слушали эту волшебную музыку, и мне показалось, что некоторые даже немного завидовали Коле, его таланту, какого ни у кого больше не было в классе и о котором мы не подозревали. Обратил внимание на Руслана, он то улыбался, то серьезно прислушивался. В его сознании сложилось мнение о Коле как о человеке, на которого всегда можно свалить всю вину. Некоторые Колю считали глупым. Но этот день всё расставил на свои места. В каждом из нас есть свои сильные стороны, таланты, положительные человеческие качества.

Коля закончил игру на балалайке, поблагодарил одноклассников, поклонился в пояс, все ребята захлопали в ладоши, я тоже. Классный руководитель, вернувшись из раздумий, произнесла: «Коля, ты молодец».

IV

Урок алгебры. На доске записано выражение, которое нужно упростить. Я задаю вопрос:

– Ребята, обратите внимание, есть ли в этом выражении элемент гармонии?

Дети призадумались. Руку поднимает Дима и говорит:

– Геннадий Губайдуллаевич, выражение есть выражение. Когда упростим левую часть, можно будет говорить о гармонии. А в данном случае, я считаю, что очень гармонично выглядит правая часть.

– Подумайте, существует ли гармония в математике? – не унимаюсь я.

Миргородский Дима тут говорит:

– А вот пифагоровы штаны – тоже ведь математическое выражение. Если исходную фигуру доработать, можно добиться гармонии.

Мысль Димы продолжает Мариам:

– Помните, вы задавали вопрос о треугольнике? Хоть они создают проблемы и для математики, и для людей, – усмехнулась

девочка, – но и в этом заключена гармония. В результате преобразований треугольник кому-то приносит огорчение, а кому-то – радость. Это ведь тоже элемент гармонии. В других фигурах: параллелограмм, параллелепипед – тоже можно найти элементы гармонии, потому что в них сочетается симметричность элементов фигур, как у людей наблюдается симметричность их мыслей, слов, ответов, поступков. Поэтому гармония существует. И таких примеров можно привести сколько угодно.

V

Преыдушая школа, в которой я работал, была большой, трехэтажной красавицей с прекрасными классами, полы были одеты в белый паркет, который каждый день натирали воском. Она считалась самой образцовой сельской школой, возможно, благодаря тому, что шефировал ее первый секретарь обкома партии. Так случилось, что в конце учебного года меня по моей просьбе перевели в эту школу директором, может, потому что я упорно просился. Я – человек с берегов Волги, а та школа находилась в степной зоне, хотя красоты и там хватало. Также это была опорная школа пединститута, здесь часто проходили практику студенты. Рядом со школой росли пятнадцать карельских елей, вблизи располагались три огромных двухэтажных корпуса пришкольного интерната, где жили некоторое время студенты.

И вот, уже будучи директором Водяновской школы, готовлюсь к посещению урока молодого учителя. Слышу стук в дверь, заходит молодой парень, здоровается. Я изучаю нежданного посетителя, приглашаю присесть, всматриваюсь в его лицо, но никак не могу вспомнить, где же его видел.

– Вы по какому вопросу? – спрашиваю я.

А он говорит:

– Геннадий Губайдуллаевич, вы меня помните?

Честно отвечаю, что никак не могу вспомнить. Тогда он стал пояснять:

– Помните, в школе Наримановского района, где вы работали, мы проходили практику – группа студентов факультета географии? Меня зовут Саша.

Я стал припоминать:

– Да-да... Я помню, какой прекрасный вечер вы подготовили с подшефными классами. Какими вы судьбами?

– Я окончил институт. Работал в школе недалеко от города. Но мне там не понравилось. Или, может, меня восприняли не таким образом, как хотелось. Мои неординарные поступки показались директору школы и учителям не такими, как полагается. Я вас очень хорошо помню. За короткое время успел понять, что под вашим руководством я хотел бы работать.

Я ему говорю:

– Сейчас начало года. Где же я вам возьму работу? Нагрузку откуда взять? Всё распределено. Как же я вам помогу?

– Я специально ездил в ту школу, искал вас, но учителя сказали, что вы работаете в другой школе. Вот я и приехал попроситься к вам на работу в любом качестве. Мою специальность вы знаете. Но я могу и трудовиком работать, и в качестве другого учителя. А на следующий год вы, может, перераспределите. Но мне хотелось бы, чтобы весь арсенал моих знаний, навыков, умений принес пользу. Примите меня, пожалуйста.

– Право, вы меня озадачили. Как же быть? – вздохнул я.

Позвав заместителя директора по учебно-воспитательной работе Татьяну Федоровну, я познакомил их с молодым человеком и изложил, в чем суть его визита в нашу школу. Татьяна Федоровна – человек умный, понимающий, – немного помолчал, говорит:

– А может, стоит его взять? У некоторых учителей нагрузка большая. Может, понемногу наберем ему часы. Вы директор – вам решать.

Я задумался. Ситуация казалась мне необычной. Я был польщен, но несколько удивлен. Тогда я ему вот что ответил:

– Саша, спасибо, что вы потрудились найти меня. Мне очень приятно ваше мнение обо мне. Давайте договоримся так: через неделю вы подъедете, и мы решим ваш вопрос.

Молодой человек ответил:

– Спасибо, Геннадий Губайдуллаевич. Я был очень рад увидеть вас. При входе в школу я сразу почувствовал ваше присутствие. Я обязательно приеду через неделю.

В потоке всех дел я забыл о Саше, но через три дня мы снова встретились с ним на деревянной лестнице школы. Я удивился, ведь он должен был приехать только через неделю. Тем не менее я пригласил его в кабинет, с Татьяной Федоровной мы по сусекам собрали ему несколько часов биологии, несколько часов географии, труда, и вскоре Александр Александрович приступил к работе.

Октябрь, школа перегружена, кабинетов мало. Школа была рассчитана на семилетнее обучение, а учились в ней и дети средней школы – ни много ни мало четыреста одиннадцать учеников. Приходилось до позднего вечера задерживаться на работе, всё-таки эта школа – мое детище. И вот в один из таких вечеров гляжу – в кабинете биологии на втором этаже горит свет. Захожу, дверь открыта, играет негромкая музыка. В кабинете, вижу, новый учитель Александр Александрович, а рядом мужчина, представившийся его отцом. Оказалось, что Александр Александрович, назначенный классным руководителем одиннадцатого класса и заведующим кабинетом биологии, решил этот кабинет автоматизировать. Таких автоматизированных кабинетов по области было много, но низкая материальная база школы не позволяла нам сделать такой рискованный шаг. Однако молодой педагог был настроен решительно и заверил, что самостоятельно решит все организационные и технические работы. Энтузиазм этого молодого человека меня очень обрадовал.

– Саша, а вы женаты? – поинтересовался я.

Он засмеялся:

– Не-е-ет, Геннадий Губайдуллаевич. Я, когда всё это сделаю, лет через пять приглашу вас на свадьбу.

И мы втроем расхохотались. Через два часа они планировали закончить работы и на мопедах или на последнем автобусе вернуться в Астрахань. Я пожелал им удачи.

VI

В школе на тот момент работало несколько учителей-мужчин: Валерий Валентинович, учитель словесности; Олег Михайлович, учитель музыки; Рафик, учитель физкультуры; новый учитель Саша и еще один Саша, учитель математики, который каждый день

приезжал из Семиковки. Конечно же, они обращали на себя внимание молодых учительниц.

Я сам в школу одевался очень строго, менял костюмы, галстуки. И от мужчин-учителей требовал, чтобы они всегда выглядели браво перед прекрасной частью коллектива, в чем находил их поддержку. Только математик Саша не любил носить галстук, он говорил: «Геннадий Губайдуллаевич, вы меня не заставляйте. Я ошейник носить не буду».

В школе царило заметное оживление: суетились учителя, старшеклассники, технический персонал. Накануне я объявил, что на базе нашего учреждения будет проходить семинар директоров школ.

Обычный, ничем не отличающийся от других кабинет, в котором должен был состояться семинар, выглядел должным образом. Черные шторы, которые много лет лежали у завхоза свернутые, наконец увидели свет. Во дворе натянули проволоку, повесили их проветриваться, некоторые раздали по кабинетам на стирку. На окнах эти шторы автоматически ходили, а перед ними повесили очень красивые цветастые гардины. Первый и второй этажи школы были одеты в шикарные тяжелые занавески. В рекреациях пахло свежей краской, на красивых, выполненных искусным мастером-электросварщиком подставках цвели в горшочках цветы, некоторые из них мы приобрели в магазине «Природа», а некоторые в течение года выращивали в школе. Горшочки изготовил местный мастер-горшечник Николай Иванович Носов, работавший когда-то в третьем цехе кирпичного завода. Когда вопрос зашел о горшечном деле, во дворе нашелся заброшенный давным-давно станок. Директор кирпичного завода Виктор Семенович Евдошенко согласился по моей просьбе помочь в его установке и даже поблагодарил меня за то, что побудил их это сделать. Часть изделий пошла на продажу, а при подготовке к первому семинару директоров на базе нашей школы мы насчитали триста двадцать горшочков с цветами. Радиофицировать школу помог Евгений Александрович, начальник ПМК-35. Но при этом он хитро приговаривал: «Оборудование я дал, посмотрим, будет ли оно установлено или же будет простаивать». Оборудование на складе не пролежало, мы сразу подключили к делу нашего учителя Сашу, местных ребят-специалистов, и вот школа радиофицирована,

аппаратура установлена во всех кабинетах, пульт управления – в кабинете директора. Таким образом, к семинару директоров в этой школе было сделано очень многое. Школа настолько преобразилась, что многие руководители школ, которые несколько лет работали в этом районе, ахнули. Ухоженный белый фасад здания с огромными нависающими лампами «кобра» при входе; веранда перед школой, во время дождя и снегопада укрывающая ребят от непогоды; скамеечки, установленные во дворе, чтобы отдохнуть во время перемены; ступеньки, сделанные из железобетонных плит размером полтора на три метра; благоустроенный двор с красивыми клумбами, молодыми деревьями, карельскими елями; пришкольный участок, где уже цвела рассада, – всё это поразило всех присутствующих. А когда я подвел участников семинара к тому самому окну в учительской, откуда открывался необыкновенный вид на лесной массив (рядом же с окном я поставил картину, написанную директором художественного училища имени П.А. Власова), увиденное ошеломило их: как же до сих пор они не обращали внимания на такую красоту, хотя много раз здесь бывали?

К этому времени в распоряжении школы имелись две автомашины: Газ-66 и Газ-52. Особенно удивлялся директор Бирюковской средней школы Александр Иосифович Болтик (Царство Небесное): «Как же ты, Геннадий Губайдуллаевич, умудрился достать для школы «Урал»? Я со своими связями никак не могу приобрести школьный транспорт».

Школа, как я уже упоминал, возвышается на пригорке, забор тоже перед школой особенный, приподнятый со стороны ворот, поэтому у входа сделаны очень красивые железобетонные отмостки, по которым идешь, как по тротуару. Толя Чечиницкий, отрабатывавший свое наказание в спецкомендатуре в этом селе, в дар школе сделал специальный подход, а ворота выполнил на манер Графских ворот одесской пристани. Я бывал в Одессе, видел эту пристань. Это его творение сохранилось по сей день. В каком оно находится состоянии, не могу сказать, но тогда всё это привело в восхищение всех, кто прибыл с района и области.

К семинару мы пригласили и командира войсковой части Петра, и начальника ПМК-35 Евгения Александровича Фролкина, и на-

чальника отделения колхоза имени Жданова – Владимира Павловича Кривошеева, и директора нового строящегося завода стеновых керамических материалов Анатолия Васильевича Лычкина, чтобы они рассказали участникам семинара, какую роль играют их организации в жизни этой школы. Своим выступлением они показали значимость всего сельского актива, который действительно оказывал практическую помощь школе. Ведь за столь короткий период никто не смог такую работу выполнить, если бы не они.

Тем самым я хотел подчеркнуть роль руководителя и коллектива образовательного учреждения, детей, родителей в становлении авторитета школы. Подчеркнуть, что сотрудничество школы, семьи, общественности – это огромная сила. Иной раз мы на это забываем обратить внимание.

VII

Шло время. Старели мы, воспоминания многих лет не давали покоя старым нашим седым головам, и беспокойные наши сердца всё рвались вперед, чтобы что-то еще сделать для школы.

Летние жаркие дни, сенокосная пора. Эта работа для нас привычная. Мы, сельские ребята, еще в юности ранним утром по мокрой траве, по росе шли на сенокосное поле. На востоке занималась заря, веял легкий ветерок, а мы уже косили траву, припевая: «Коси, коса, пока роса». Эти наши полезные забавы сопровождали нас в юношеские годы. И вот уже в годах, став пенсионерами, мы держали коров, для того чтобы молочка пить. А для того чтоб коров держать, надо и сено косить.

Узенькая речка, тихонько журчит вода, к противоположному берегу причалена лодка. Кто-то переправился. А как же переправиться мне? Я стою у реки в раздумьях. В это время вдоль берега бредет мальчуган с удочкой и ведерком, проходит мимо меня. Я его подзываю, спрашиваю:

- Ты чей?
- Я Виталия сын.
- Какого Виталия? А мама-то Надя?
- Да, Надя.
- Стало быть, ты Саша?

– Да.

– А ты меня не знаешь?

– Знаю, вы учили маму и папу. Они иногда рассказывают.

– Что же они обо мне говорят? Плохо или хорошо говорят?

Мальчик улыбнулся:

– Они говорят очень хорошо. Много вспоминают, смеются.

Оказалось, что мальчуган – сын Виталия и Наденьки, моих учеников из того самого ударного девятого класса. Судьбы ребят сложились таким образом, что Наденька и Виталий поженились, у них появились Саша и Алена – сейчас они большие ребята. Дима тоже женился, но, по-моему, уже третий раз. Кстати, первая его жена Наташенька проходила практику в той новой школе при ПМК, в которой я был директором, а она, прекрасный художник и музыкант по специальности, преподавала музыку. Помню, они дружили, их пути сошлись тогда, но что-то не сложилось.

В ведре Саша нес рыбу, довольно-таки много.

– Саша, да ты на котел наловил. А на что ловил? – спросил я.

– На червя. В конце речки хорошее местечко, я с зарей туда прихожу. Вот наловил рыбки, – ответил мальчик.

Я его похвалил, а сам вздохнул:

– Видишь, как получилось? Как мне перебраться? Лодка-то на том берегу.

– А вы не беспокойтесь. Я сейчас эту лодку пригоню.

– А ты плавать-то умеешь?

– Ну а как же, жить около речки и не уметь плавать?!

Мальчишка стянул штаны, майку, прыгнул в воду и быстро пригнал лодку. Я про себя думал и радовался: всё-таки мы, учителя, привыкли говорить: «Какой бестолковый ученик», а получилось-то вон как.

– Сашенька, привет передавай родителям. Знаешь ведь, как меня зовут?

– Да, знаю-знаю. До свидания, удачи вам!

Он ушел со своим ведром и удочкой. Я сел в лодку и, отталкиваясь маленьким шестом, стал переправляться на ту сторону. А воспоминания всё приплывали и приплывали. Вспомнил тот ударный девятый класс, своих учеников, а ведь многие из них уже важные

люди, у всех семьи, дети растут. Через много лет их лица представляли передо мной как вчера.

Лодку я подтянул ближе к берегу, косу поднаточил и начал косить по росе. Не заметил, сколько времени махал косой, не заметил, как сзади кто-то подошел и поздоровался. «Как хорошо вы косите, под нулевку. И трава-то какая славная. Можно я вам немного помогу?» – это оказался один из местных жителей. «Ну, если можете», – отозвался я. Он наточил косу и погнался вслед за мной, догоняя меня. Закон у косарей таков: один догоняет, потом кричит другому: «Выходи на второй ряд!», а сам выходит на первый ряд. Я вынужден был выйти на второй ряд, а он погнался мою линию. Под свист кос мы перекидывались фразами, кое-где в траве слышно было сверчков. Где-то вдаль продудел пароход, недалеко заводился трактор, пели птички.

Пот лил градом, даже моя панамка на голове была мокрая, но главное, что в эту утреннюю пору не было комаров и других насекомых, которые бы нас беспокоили. Я в одних штанах, по пояс раздетый гнал косу, товарищ гнался за мной. Мы и не заметили, как высоко поднялось солнце, опалая нас своими жаркими лучами. Я хотел было закончить покос, но мой помощник предложил еще полчаса покосить. Пахло свежескошенной травой, мокрая трава придавала больше прохлады ногам. Незаметно солнце подкатило к полудню. Я уже категорично сказал: «Давайте пойдем на берег под дерево пить чай».

У моего приятеля недалеко стояла сетка. Он распорядился, чтобы я подогрел чай, а сам сел в лодку, чтобы принести рыбки. И вот я принялся подогревать чай, а он быстро осмотрел сеть, принес пару судачков, кое-какую мелочь. Скоро наша уха закипела. Свежая, ароматная уха с луком, петрушкой, картошкой возбуждала здоровый аппетит. Мы ели уху, когда с той стороны реки кто-то нас окликнул: «Давайте я к вам присоединюсь!» Это был Вениамин Андрианович Завьялов. Он, оказывается, приходил ко мне домой, искал, домашние сказали, что я на острове, и он решил мне помочь в сенокосном деле. Мой молодой собеседник перевез его на нашу сторону, мы доели уху, шурпа была прекрасная. Отдыхая под тенистым деревом, мы рассказывали друг другу разные байки. Ока-

залось, Вениамин Андрианович родом из здешних мест, хотя всю жизнь проработал в городе, последние годы он сменил меня на посту директора Евпраксинской школы. Родом он из Семибугров, в детстве потерял родителей, воспитывался у тетки в городе. Я слушал своих собеседников, как незаметно меня сморил сон. Видимо, одолела усталость. Снились мне родные места, родной саманный домик, в котором мы выросли, куда я привел свою ненаглядную в первый раз, моя Наденька в детстве и мотороллер «Вятка». Внезапно я проснулся. Оказалось, подъехал трактор, чтобы увезти заготовленное нами сено, которое застогованное стояло на палубе старого парома. Быстро собрав пожитки – котелок, чайник, косу, – погрузив их в кулас, мы переправились, я переложил всё это на мотоцикл, а трактору велел поближе подойти к старому парому. Договорились так: я буду грузить сено наверху, а мои товарищи будут вилами подавать. Укладывать сено таким образом, чтобы оно благополучно доехало до дома, – это тоже большое искусство. В юности всякое бывало. На телеге с двумя волами или запряженной лошадью, на тракторе с прицепом, иной раз на машине приходилось везти камыш, сено домой. Камыш грузить легче, чем сено. Чтобы оно правильно уложилось, нужно его крепко перетянуть веревками, а иной раз даже брус положить. Если слабо затянуть, то всё развалится и домой не довезешь.

Мы везли сено домой, в тракторе сидели тракторист с Вениамином Андриановичем, а мы с моим молодым товарищем – на прицепе, на сене, высоко под облаками. Доехали, выгрузили аккуратно в сенник. В это время моя ненаглядная подходит и говорит: «У нас дома гости», вслед за ней показались двое мужчин, оба тучные, брюхастые. Они заулыбались, обнажив белые зубы: «Геннадий Губайдуллаевич, здравствуйте! Мы вас ждем давно».

Это были Вася и Ахмед, мои ученики. Вася – калмык по национальности, а Ахмед – даргинец. Они учились в школе Наримановского района. Их класс был интернациональным: большинство ребят были калмыки – дети, родившиеся в Сибири, Казахстане, учились также ребята – представители кавказских народов. Во время Великой Отечественной войны калмыки были высланы в тыл страны. Только в 1956 году они стали возвращаться в родные места, где

оставались их землянки, пожитки, потому что приказ поступил такой: в двадцать четыре часа вывезти всех калмыков, карачаевцев, чеченцев в отдельные районы Сибири и Казахстана. В то время на территории Калмыкии немцы уже подобрались к поселку Хулхута. Бомбардировкам подвергалась и Астрахань, бомбили завод имени Сталина, ныне завод имени 30 лет Октября. Это всё родители этих ребят помнили.

Как-то рассказывал Эрдни-Горя, отец Васи, как он вернулся в родные Буруны, подошел к своей землянке, а в ней жили уже другие люди. Он заявил, что это его землянка, а те люди потребовали это доказать. Эрдни-Горя, зайдя в землянку, заметил в одной из комнат кровать, раньше ее называли «ангельская кровать». Почему так называли, я не знаю, главное, что на спинках этих кроватей вворачивались колпачки, где женщины складывали игольники, нитки, пуговицы. Эрдни-Горя подошел к кровати, отвернул колпачок, а там как лежали до войны иголки, булавки, нитки, шпульки, пуговицы, так они и сохранились. Так он доказал, что это его землянка. Такой горький эпизод был рассказан отцом Васи.

Эрдни-Горя работал в стройцехе прорабом. Когда меня перевели руководить Астраханской средней школой, он помогал моей семье обустроиться. Тогда тоже было трудно с квартирами, нужно было поставить забор, соорудить постройки, в доме ремонт сделать – Эрдни-Горя в этом отношении помог.

ВСТРЕЧА СБ СВЕТАМ ПРВШАМ В ЗАЛЕ ОЖИДАНИЯ

I

Удивительная штука – природа: два человека, влюбленные друг в друга, долгое время носят чувство в своих сердцах, а потом происходит что-то неладное, чувства стираются, быть может, забываются, и через некоторое время даже воспоминаний не остается. Выходит, эти чувства были неглубокими либо злую шутку играет с людьми

расстояние, отдаленность друг от друга или встреча с другими людьми.

Как-то перед Новым годом в зале ожидания аэропорта, где Вася дожидался самолета на Астрахань, напротив него на скамейку села женщина, богато одетая, с изящной легкой сумкой, рядом с ней – мальчишка лет пяти. Вася обратил внимание на эту красивую женщину и силился вспомнить, где же ее видел. Объявили посадку на самолет Ан-24, отправляющийся в Астрахань. Вася заторопился, схватил чемодан и направился в терминал регистрировать билет. Мотор самолета Ан-24 громкий, не дает пассажиру заснуть, и хотя от Ростова до Астрахани расстояние небольшое, у Васи было время подумать; сидя в кресле самолета, Вася перебирал в памяти эпизоды из юности, воспоминания о годах учебы в школе, в институте, вспоминал и детство, проведенное в Казахстане. Память просветлела, он вспомнил поселок Чебурлы, где они жили многие годы во время того периода, когда их семью вместе с другими калмыцкими семьями выслали в тыл страны.

Чебурлы – небольшой горный поселок, в нем жили в основном казахи, бурной речки не было, лишь небольшая речушка, но природа очаровывала своей красотой и первозданностью. Родители Васи работали в совхозе, Вася обучался в средней школе. Местные казахи и калмыки, которые оказались вдали от родины, тепло и бережно относились друг к другу, словно родные.

Перед глазами Васи предстала девчонка, что жила по соседству, девчонка с черными, как смоль, волосами, заплетенными в две красивые косы, украшенные лентами с бисером. «Это же была Айгуль, – эта мысль, как гром среди ясного неба, поразила Василия. – Это же была она. Она летела в Казахстан, – повторял он про себя. – Как же я мог не догадаться? Почему же я, дурак, не догадался?»

Большая школа в Чебурлы располагалась у подножия горы, а от школьной калитки поднималась вверх узкая горная тропинка, которая вела к булак – источнику. Вася с Айгуль любили сюда ходить, а по дороге пели известные русские песни – «Катюшу», «Синий платочек». Вася учил Айгуль калмыцкими словами, а она учила Васю – казахским. В то время они обучались в седьмом классе. Айгуль была прекрасной девушкой, о дружбе Айгуль и Васи их родители знали и одобряли ее. Летом, во время шольде – так казахи называют

июль, середину лета – Айгуль с Васей часто бегали купаться к водопаду. Юношеская любовь робка и застенчива. Всякий раз, приближаясь к шумному водопаду, Вася пытался объяснить в своих чувствах Айгуль, но никак не мог найти в себе смелости. Девушка ждала этого признания, некоторыми своими поступками старалась подтолкнуть Васю, чтобы тот сказал наконец нужные слова. Вася, влюбленный мальчик, мучился: то плакал, то злился на себя, когда оставался дома один, или летними короткими ночами не засыпал в кровати, переворачивался с боку на бок, хотел бежать к Айгуль, но гордость не позволяла ему сделать это.

Домик, в котором жила семья Васи, тоже находился у подножия горы. Ранним утром, когда солнце только занималось на востоке, чистый горный воздух врывается в открытую форточку, Вася вскакивал с кровати, выбегал на улицу и обливал себя холодной родниковой водой, которую родители Васи приносили в ведрах с горной реки. В каждой проходящей девочке Вася искал глазами Айгуль, торопил время, чтобы скорее прийти в школу, скорее увидеть Айгуль, скорее пройти мимо нее и уловить необыкновенный запах ее волос. Айгуль тоже всякий раз с волнением ждала встречи. Приближаясь к школе, Вася из стороны в сторону размахивал сумкой, в которой лежали книжки, тетради, ручки, показывая другим мальчикам и девочкам, что у него сегодня день особенный, что сейчас он увидит Айгуль, хотя таких дней у них было очень-очень много. Они знали свое отношение друг к другу, но выразить никак не могли. Ближе к школе Вася слышал звонкий, как горный ручей, смех Айгуль. Из тысячи голосов он мог узнать этот прекрасный голос. Айгуль подбегала и шутя задевала Васю легонько портфелем, в котором тоже были книжки, тетради, а в углу портфеля лежали курт, иримшик, сарымсак, лепешки или баурсаки – национальные казахские угощения. Девочка быстро открывала сумку и горячим баурсаком одаривала Васю. Потом вдвоем, взявшись за руки, они бежали к школе. Вокруг буйствовал май, аромат цветущих садов, горных трав, чистый горный воздух будоражили юные сердца, вдохновляли на юношеские подвиги. Мальчики пытались всячески привлечь внимание девчонок, девочки смеялись при виде глупых выходов мальчиков, но никто не выказывал своего истинного отношения друг другу, все были тайно влюблены. Тако-

вы возрастные особенности юношей и девушек четырнадцати-пятнадцати лет, чувства которых таятся в сердцах, но не могут быть высказаны.

Майское солнце ярко освещало классный кабинет, проникая сквозь полураскрытые окна. Айгуль сочиняла тогда стихи, были среди ее рукописей, конечно, стихи о Васе, о добрых, нежных чувствах мальчика-калмыка и девочки-казашки. Окружающие любовались этим чистым чувством, которое выражалось только в благородных поступках. Учительница литературы Айганым Темиргалиевна одобряла их отношения, иной раз выказывала им свое восхищение. Айгуль давала учительнице свои новые стихи, чтобы она их оценила. Шел экзамен по литературе. Ученики, парадно одетые (девочки – в белых фартучках, мальчики – в белых рубашках), взялись за написание сочинений. Темы были записаны на доске, темы были разные, темы были прекрасные. Пройдясь по рядам, учительница заметила, что Вася рисует портрет Айгуль, она нарочно не обратила внимания на это, зная, что Вася сейчас примется за сочинение.

Экзамен заканчивался, пора было сдавать сочинения учителю. Айганым Темиргалиевна принялась проверять работы учеников, большинство из них взяли темы по произведениям советских писателей, но тема, взятая Васей, была посвящена любви к природе, Отечеству, человеческим взаимоотношениям, в сочинении Васи через строчку повторялось имя Айгуль. Это не удивило учителя, ведь она знала, что ребят связывает настоящее благородное чувство. Порой случается, что затаенный характер человека, который в нем спит долгое время, может в один момент раскрыться и вспыхнуть.

Вася уже ждал у сара-агаш Айгуль, они договорились идти на водопад, на булак, чтобы искупаться после экзаменов. Время шло медленно, Вася держал в руках букет горных цветов, что встретились ему по пути. Приближалась Айгуль, и, взявшись за руки, они побежали к водопаду в купальниках. Стоя под водопадом, Айгуль смеялась, как горный ручей, декламировала стихи известных поэтов, а Вася откликался на горное эхо, говорил на калмыцком языке что-то, чего девушка не понимала, это были слова о любви, они вырывались из души влюбленного юноши. Он должен признаться, он намеревался об этом поговорить.

Придя домой, Вася узнал, что вышло постановление: срок их ссылки заканчивается и им разрешается вернуться на родину. Вася не хотел уезжать, но родители настаивали: «Там наша родина, Буруны, наша землянка, там наши предки, сынок. Мы обязаны вернуться на родную землю, ведь человек должен жить и умереть на родине».

Приближался час расставания. Айгуль знала об этом. Я уверен, что ночью подушки были мокрыми от их слез. Но ни о чем они друг другу не говорили, чувства были скрыты внутри. Жители всего поселка каждый день звали в гости семью Васи, потому что Эрдни-Горя и его жена Саглара были прекрасными людьми, пользовались уважением среди односельчан, они каждый день гостевали, их звали сегодня одни, завтра – другие. Угощали бешбармаком, другими казахскими блюдами, дарили подарки и как дорогих своих близких, родных провожали в дальнюю дорогу.

Пришло время отъезда. Директор совхоза распорядился подать машину, семья Васи попрощалась с односельчанами, и грузовая машина Газ-51, груженная небольшими пожитками семьи, покатила в сторону железнодорожной станции. Почти полпоселка провожало семью Эрдни-Горя – кто на тракторе, кто на телеге, кто пешком шел до станции, старик Галимеш играл на своей домбре. На перроне Саглара взволнованно окликала сына: «Вася, Вася, ты где? Поезд уже отходит! Где Вася?»

Вася и Айгуль не могли отойти друг от друга. Ни Айгуль, ни Вася не скрывали слез расставания. Поезд дал гудок, Вася стоял в тамбуре, махал рукой, Айгуль шла рядом с вагоном, напевая одну из их любимых песен.

«Самолет совершает посадку в городе Астрахани», – объявила стюардесса. Ее голос прервал размышления Васи. Глубоко погрузившись в воспоминания детства и юношества, Вася как бы заново прошелся по своей жизни. «Так это же была Айгуль! А рядом с ней – ее сын. Как же я, дурак, не смог узнать? Она ведь так смотрела на меня! Мы с годами, конечно же, меняемся, но как же я не смог понять, что это Айгуль?» – терзался Василий.

Самолет шел на посадку. Уже спускаясь по трапу, Вася всё повторял про себя имя Айгуль. «Я непременно ее найду. Поеду в Чебурлы и найду», – решил он.

II

Самолет Ростов – Алма-Ата запаздывал. Айгуль сидела на той же скамейке и ломала голову над тем, где же могла видеть того мужчину, отчего-то для нее было важно узнать, кто он. Она прижала сына к себе и попыталась вздремнуть, однако мысли были заняты этим человеком: почему он так пристально глядел на нее? Объявили посадку, и Айгуль поспешила к самолету.

Ту-154 взмыл в небо над Ростовом и помчал в Алма-Ату. Перед мысленным взором Айгуль представляли эпизоды детства, учебы в Чебурлы, дни, проведенные вместе с Васей, мальчиком-калмыком. И былые чувства, которые тогда возникли между ними, вновь воскресали в ее душе. «Ну а если это был он, – думала Айгуль, – неужели не узнал? Неужто нас так изменило время?» Айгуль вспоминала детские, юношеские годы и тихонько всхлипывала, платочком утирая капельки слез. Сынишка, уткнувшись маме в бок, молча смотрел на нее, не понимая, почему та плачет. Жить не любя – это значит не жить вовсе. Но предаваться мечтам о светлом прошлом – это большая роскошь, тем не менее в памяти Айгуль возникали всё новые и новые эпизоды той прекрасной юности, проведенной в родном селении Чебурлы. Читатель спросит: почему же эти молодые люди не искали друг друга, раз их связывала такая крепкая любовь? Возможно, причиной их разлуки, которая растянулась на долгие годы и большие расстояния, стало желание родителей, чтобы их дети нашли себе спутников своей национальности, ведь нередко родители в силу консервативных взглядов выступают против межнациональных браков. Вася с родителями по приезде в свою деревню Буруны нашли родную землянку. Память постоянно возвращала Васю в те прекрасные места, где осталась Айгуль, и он ночами порой не спал, вспоминая ее, писал письма в Чебурлы, но ответа не было. Вася задавался вопросом, почему девушка не отвечает на его послания. Тот же вопрос мучил Айгуль в первые годы их разлуки: «Почему Вася не отвечает на мои письма?» Вася, в свою очередь, таил обиду – как Айгуль могла забыть, наверно, полюбила другого, то же было в душе Айгуль: «Вася встретил, наверно, калмычку – девушку своей национальности».

Годы шли. Вася обзавелся семьей, появилась дочка. Айгуль вы-

шла замуж за иностранца, жила в Америке, в штате Филадельфия, и очень редко бывала в родном селе. В самолете слезы сами по себе текли по лицу Айгуль. Она задавала себе вопрос: почему так случилось? Спустя многие годы этот же вопрос в это же время задавал себе Василий: почему из сердца не уходит имя Айгуль, почему он не может ее забыть, почему судьба так жестоко поступила с ними, разлучила, не дав им шанса?

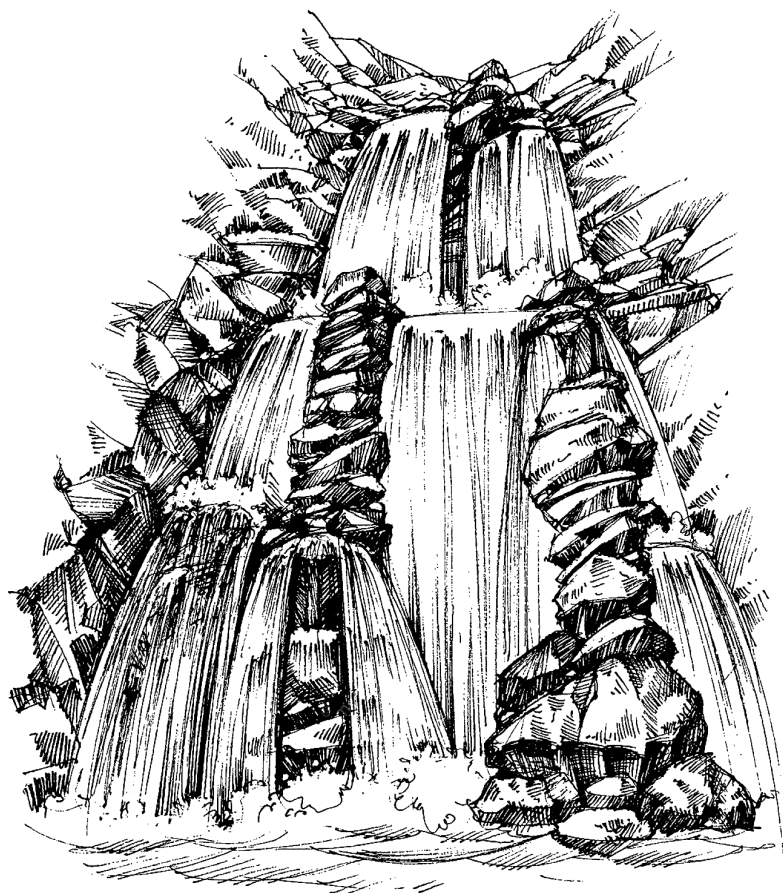
Вся измученная, Айгуль не услышала, как стюардесса объявила посадку самолета в Алма-Ате, она даже не заметила, как собралась, взяла за руку мальчишку и вышла на вокзал. Дальше поездом добрались они до Чебурлы, где жили родители, она несколько лет уже не навещала эти места. Айгуль не покидали воспоминания. Проводница объявила станцию Чебурлы. Айгуль быстренько собрала вещи, здесь, на станции, поезд стоял буквально две-три минуты, надо было успеть. Вдали Айгуль узнала отца. Увидев дочку, он побежал навстречу что было мочи. В руках он держал палку, на которую опирался, годы уже давали о себе знать, но всё-таки он бежал, повторяя: «Карагым, айналайын, приехала».

Родные Чебурлы встретили Айгуль с большой радостью, односельчане узнали в ней ту самую девчонку, маленькую, красивую, с двумя пышными косами. «О, айналайын, Айгуль, ты совсем другая стала. Добро пожаловать, мы по тебе соскучились. А какой у тебя сынишка красивый!» – Люди обнимали Айгуль и не могли налюбоваться. Материнская любовь, терпение, умение ждать родную кровинку безграничны. Мама залилась слезами, уже много лет она не видела дочку.

На следующий день Айгуль поспешила к водопаду по тропиночке, по которой так часто ходили с Васей. Водопад нисколько не изменился, так же шумел, так же приветливо встречал. Айгуль вспоминала встречи с Васей на тропинке около того заветного дерева. Вспоминала о порядочности Васи, она нисколько не сомневалась в его искренности, но почему же они тогда не смогли объясниться в своих чувствах? Неужели это излишняя скромность и застенчивость не позволяли раскрыть сердце любимому человеку? Айгуль с сыном часто ходили в эти дни, дни отдыха, к водопаду, купались, и часто она представляла, что рядом с ней Вася, тот самый мальчик-калмык, которого она так и не смогла вырвать из сердца.

На комод в доме родителей стоял сборник стихов Айгуль, выпущенный алмаатинским издательством. В этих стихах она описывала чистое, искреннее чувство любви, какой она должна быть, в каком ларце она таится, где хранятся ключи от этого ларца. Было в сборнике стихотворение, посвященное мальчику-калмыку, который любил Айгуль и которому девушка отвечала взаимностью, но объяснить они так и не смогли, пронесся любовь в своих сердцах сквозь года.

– Дочка, почему ты все эти дни молчишь? Что тебя тревожит? Почему мало говоришь с нами? О чем-то думаешь? – спросила как-то вечером мама.

Разговор сам собой подошел к тому, что волновало Айгуль.

– Мама, неужели Вася не мог написать хоть одно письмо? Прошло много лет, меня это тревожит. Почему? Ведь так не бывает. Скажи, мама, в чем причина?

– Доченька, зачем ты думаешь об этих вещах? Ведь много лет прошло, у тебя своя семья, сынишка растет. Вася остался в прошлом. Тебе надо было выйти замуж за своего, за казаха. Вы живете счастливо. Что еще надо?

Не получив ответа, Айгуль решила обратиться к почтальонке, которая работала в тебе годы, к тетушке Айганым.

Тетя Айганым встретила Айгуль приветливо, но подозрительно поглядывала. Тогда Айгуль задала прямой вопрос:

– Скажи мне, тетя Айганым, правду. Ведь были же письма от Васи?

Тетушка Айганым уклонялась от ответа, но Айгуль не дала ей возможности увильнуть, тогда она сказала:

– Да, были.

– А куда же они подевались?

Айганым ответила, что письма получала мама Айгуль.

Вернувшись в дом родителей, Айгуль не знала, как себя вести. Сказать маме, что она поступила нечестно? Но ведь она делала это из добрых побуждений. Ну как тут быть?

Вдруг в дверь постучали, на пороге стоял почтальон.

– Тетушка, вас на переговоры на завтра в четыре часа дня, – оповестил он и вручил уведомление в руки маме Айгуль.

Айгуль взяла бумагу и прочла: «Переговоры из Астраханской области». Сердце Айгуль учащенно забилось. «Это он вызывает на переговоры», – подумала она. Перед ее глазами вновь возникли эпизоды их юности, проводы Васи на родину: «Как хорошо, что завтра я услышу его голос».

III

День длился дольше года. Вася не находил себе места после той встречи на аэровокзале в Ростове. Чистая случайность людей разлучает, она же устраивает им долгожданную встречу. Вася подумал о том, что Айгуль, наверняка, писала письма. Может, они до него не

доходили, потому что кто-то их перехватывал? Разрешить эту проблему мог только тот человек, который много лет назад разносил эти письма.

Вспомнились Васе юношеские годы до возвращения в родные края, дни учебы в школе, конечно, вспоминал он одноклассников. Вспомнилось ему, что девушка из восьмого класса была влюблена в него, но ответной реакции с его стороны она не находила. Это продолжалось долгое время. Он вспоминал едкие фразы, брошенные в его адрес при встрече с этой девушкой-восьмиклассницей. Та раздражалась и укоряла в чем-то Васю, не находя ответа на свою любовь. Вася недоумевал тогда, в чем причина. Он писал письма в Чебурлы, ответа на них не приходило, он продолжал писать, но так же безуспешно. В одно лето, во время каникул, юноша собрался было ехать в Чебурлы, он тогда учился в десятом классе, но родители его остановили, объяснили, что надо уметь ждать, ведь любовь этого требует.

Отец и мама Васи были очень хорошими людьми, они прекрасно знали Айгуль, многие годы жили рядом, по-своему любили ее, дорожили тем, что их сын, Вася, дружил с этой девушкой из порядочной семьи. И всегда твердили Васе, что любовь требует терпения. Родители Васи часто вспоминали Чебурлы, людей из этого казахского селения, часто вспоминали Айгуль, даже надеялись когда-нибудь всё-таки увидеть ее, может быть, судьба сведет их и Айгуль станет их снохой, частью их семьи.

Проходили годы, многие девушки обращали внимание на Васю, были влюблены в этого хорошего мальчика, но Вася думал только об Айгуль. Окончена школа, институт, пришло время думать о том, как дальше строить свою жизнь. Та восьмиклассница, которая по уши была влюблена в Васю, тоже окончила школу, престижный вуз в Москве, работала на престижном месте. Их родители жили в одном поселке, давно знали друг друга, одно время даже учились вместе. Между семьями завязалась дружба, и волею судьбы та девушка стала женой Васи.

Какое-то смятение в душе Васи заметила его жена. Когда Вася сказал, что в четыре часа он поедет в город на переговоры, она поинтересовалась, с кем же он заказал разговор. Вася с детства не умел врать.

– Я заказал переговоры с Чебурлы.

Эта новость была подобна взрыву бомбы.

– Ты звонишь своей Айгуль? А ведь она тебе не пишет, она тебя забыла. Почему ты должен звонить? – спокойно и холодно спросила жена.

Тут Вася догадался, что Айгуль действительно писала ему, но письма перехватывали. Он наконец-то разобрался в этом клубке. В отношениях влюбленных людей разобраться очень трудно. И вмешательство здесь ни к чему. Вася, ничего не сказав, про себя подумал: «Ну почему так получается? Почему кто-то крадет чужое счастье? Где она, эта книга нравственности? Где бы найти ее и прочитать, как поступать дальше?» Винить здесь некого. К этой проблеме нужно подойти гуманно.

Вася подошел к жене, обнял ее за плечи, прижал к себе, успокоил и сказал:

– Ты что, дурочка, ревнуешь, что ли? Когда это было! Я съезжу, узнаю. Ведь ты же меня любишь? Ну и хорошо. Успокойся и жди меня.

Вася ехал в салоне автобуса до города, погрузившись в воспоминания, ему чудился запах волос Айгуль. Он всё корил себя и спрашивал: почему жизнь такая жестокая, почему она не жалеет никого?

Телефонная станция. Оператор объявляет: «Вызов на переговоры Чебурлы. Четвертая кабина». Вася лихорадочно ищет четвертую кабину, хватая в руки телефонную трубку и кричит:

– Алё, алё, Чебурлы?

А из трубки доносится милый сердцу голос:

– Вася...

– Айгуль, любимая! Ведь это была ты в Ростове в аэропорту? Я знал, что мы встретимся. Я ведь укорял себя, как же мог забыть черты твоего лица. Я знал, что услышу еще любимый голос.

Айгуль толком ничего не могла сказать Васе, в трубке были только слышны всхлипывания. Вся в слезах, она не могла выразить то, что лежало у нее на душе.

– Айгуль, любимая, я желаю тебе счастья, несмотря ни на что. Такая уж наша судьба.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОСТУПЬ АРГАМАКА	3
ЕВПРАКСИЯ	5
АУЛИЕ ГУБАЙДУЛЛА	42
СОКЫР ИНГЕН	56
ДОБРЫЕ ПЕРЕМЕНЫ	62
ЛАТИФА	68
ШАЙХЕ	72
НА ПАРОХОДЕ	75
ДЕД ФЕДОР	81
ВЕЧЕРНИЕ ПОСИДЕЛКИ ФЕДОРА И ФИЛИМОНА	88
СТАРИКИ ВСЁ ЗНАЮТ	99
ШКОЛЬНЫЕ ИСТОРИИ	127
ВСТРЕЧА СО СВЕТЛЫМ ПРОШЛЫМ В ЗАЛЕ ОЖИДАНИЯ	148

**Калиев Геннадий Губайдуллаевич,
отличник просвещения Российской Федерации,
ветеран педагогического труда**

ЗАТЕРЯННЫЕ СЛЕДЫ АРГАМАКА

Издание второе

Рисунки заимствованы из общедоступных ресурсов сети Интернет,
не содержащих указаний на авторов этих материалов.

Технический редактор – *Ляпина Л.И.*

Корректор – *Джумасейтова З.М.*

Компьютерная верстка – *Синицина С.А.*

Сдано в набор 07.05.2019. Подписано в печать 08.05.2019. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 9,3. Уч.-изд. л. 9,1.
Заказ 4465. Тираж 200.

ГП АО «Издательско-полиграфический комплекс «Волга»».
414000, г. Астрахань, ул. Набережная 1 Мая, 75 / ул. Шаумяна, 48.

*Презентация книги Г.Г. Калиева «Сердце, отданное детям»
в районной библиотеке в селе Началово. 2016 год*

*Гости презентации книги Г.Г. Калиева «Сердце, отданное детям».
2016 год*

На репетиции: Г.Г. Калиев исполняет песню собственного сочинения, посвященную санаторию «Астраханские зори». 2017 год

Презентация книг Г.Г. Калиева в санатории «Астраханские зори». 2017 год

КАЛИЕВ Геннадий Губайдуллаевич

Родился 25 августа 1943 года. Окончил Марфинскую школу, физико-математический факультет Астраханского педагогического института. Руководил пятью школами. Имеет 40 лет педагогического стажа.

Автор книг «Две дороги, две судьбы», «Сердце, отданное детям», «Династия гуманных профессионалов», сборника дисков «Копыта тулпара» и других.

Презентации книг Г.Г. Калиева проходили в областной научной библиотеке имени Н.К. Крупской города Астрахани, Астраханской средней школе Наримановского района, поселке Буруны, районной библиотеке в селе Началово. Книги и диски автора хранятся в литературном музее имени Адихана Шадрина и Александра Маркова в Марфинской средней школе, а также экспонируются в музее Приволжской средней школы № 2. С книгами Г.Г. Калиева ознакомлены учащиеся и учителя Калининской средней школы Володарского района, Приволжской средней школы № 2 Приволжского района, Астраханской средней школы Наримановского района.

Фото с выставки, посвященной творчеству Г.Г. Калиева, в областной научной библиотеке имени Н.К. Крупской. Астрахань. Апрель 2017 года.